

[Polaris]

ПЛЕННИКИ

ПОДЗЕМНОГО ТАЙНИКА

В глубинах пещер

Том II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXVIII

Salamandra P.V.V.

ПЛЕННИКИ ПОДЗЕМНОГО ТАЙНИКА

В глубинах пещер
Том II

Salamandra P.V.V.

Пленники подземного тайника: (В глубинах пещер. Том II). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 248 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXVIII).

В четырехтомник «В глубинах пещер» вошли произведения советских писателей, рассказывающие о приключениях в пещерах, о загадочном, пугающем и манящем подземном мире.

Во второй том издания вошли приключенческо-фантастические повести М. Самсонова «Тайну хранит пещера» (1971) и Ф. Лукманова «Пленники подземного тайника» (1966). Сотворенные природой и человеком подземелья становятся в них декорациями, на фоне которых произрастает «развесистая клюква» советской шпиономании и пропаганды.

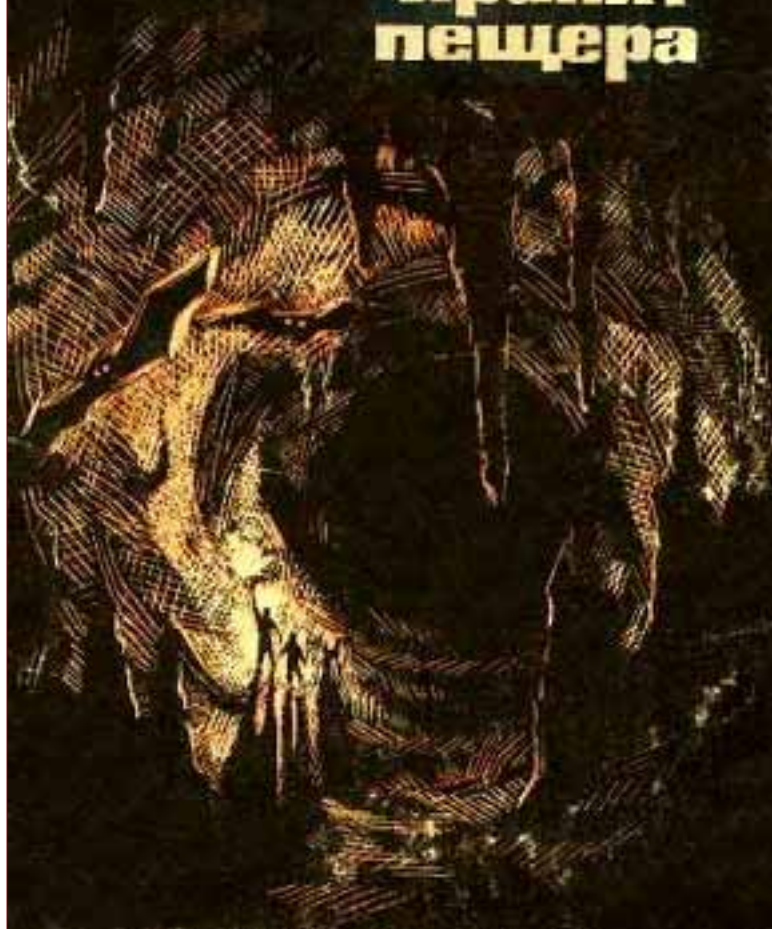
Михаил Самсонов

ТАЙНУ ХРАНИТ ПЕЩЕРА

Худ. Г. Жирнов

михәил самсонов

**тайну
хранит
пещера**

Таинственный старик

Собачонка тревожно повизгивала, жалась к хозяину, норовив лизнуть его в лицо, и, наконец, разбудила юношу. Шараф, позевывая, приподнялся на локоть, потом сел, протирая глаза,

В палатке тихо, только слышно легкое посапывание спящих друзей. Полог поднят. За ним — черные изломы гор. Над ними — маленькие, тускло светящие фонарики. Это — звезды, Шараф ни с чем не спутает их мигание. Горным ручьем в палатку струился ночной воздух, пахнувший медом и миндалем и еще снегом.

— Что с тобой? — шепнул Шараф, чтобы не разбудить товарищей. — Кого испугалась, трсиха? — потрепал ее за-

гривок, прижал к себе собачонку. Та только еле слышно повизгивала в ответ. Сбросил одеяло. Вышел. Прислушался. Вокруг тишина, ни шороха, ни звука. Что же могло так взволновать четвероногого друга?

Хотя Шараф уже знает, что тишина в горах — только кажущаяся. Нужно ночью слиться с ней, и тогда горы расскажут тебе многое-многое, скрытое темнотой. Здесь ни на минуту не прекращается своя, первозданная, дикая жизнь.

Вот на вершине скалы гулко заухал филин. Тут же диким хохотом ему отозвался шакал. Словно испугавшись их крика, с небосвода сорвалась звезда, огненным шлейфом рассекла предзоревою темноту и одиноким спутником затерялась в горах.

«Не филина же испугалась Жучка? — размышлял Шараф. — Да и к шакалам ей не привыкать...»

Отошел от палатки, зорко всматриваясь в темноту. Ничего не увидел, только там, где скоро должно показаться солнце, ярче прорезались горы.

Но что это? Со стороны реки донеслись жалобные стоны и тут же, нарастая, из ущелья вырвался пронзительный разбойничий посвист.

Жучка взвизгнула, юркнула в палатку. Шараф от неожиданности и испуга присел. Потревоженные чужими звуками горы долго еще не могли успокоиться. А утро, тем временем, приподняло над ними ночное покрывало.

Выждав, пока солнце позолотило белеющие снеговые вершины, Шараф решительно зашагал к реке, откуда донеслись загадочные звуки...

Старый пасечник Нуритдин-ака поднялся с постели, откинул полог палатки. Пахнуло свежестью, под брезент проник мутный рассвет. Пристегнул протез ноги — недобрый «подарок» войны. Тихонько ступая, направился к стоящей поодаль палатке юных помощников. Протез чуть поскрипывал при ходьбе. Заглянул за открытый полог, там, в глубине, на мягком ложе из бараньих шкур, уложенных на толстый слой сена, под цветастым одеялом угадывались фигуры спящих мальчуганов. У входа, на ящике, — приемник, книги...

— Молодцы! И в горах не расстаются с ними, — тронула усы пасечника улыбка.

Старик по-настоящему был рад, когда его одиночество нарушил любимый внучек, да еще не один, а с товарищами... С Арменаком и Сашей Шараф с первого класса учится вместе. А сейчас позади уже восемь. Растут ребятки! Да... бежит время...

— Ну, что ж... Пусть поспят еще, — вздохнул пчеловод, — вчера потрудились хорошо. Откачали меда больше, чем думали...

Услышав знакомые шаги хозяина, подбежала Жучка, оправившаяся после ночных тревог. Словно чувствуя свою вину за поднятый небольшой переполох, она ластилась, терлась о ноги, приглушенно тявкала.

— Ну, чего ты, Жучка? Чего, Жучек? — потрепал ее по загривку Нуритдин-ака. — Не зря, знать, прозвали тебя Жучкой, действительно, точно жук черная.

Подошел к флягам с медом, довольно похлопал по глухо отозвавшемуся боку.

Пасека разместилась на склоне спускающегося к реке берега. Крутом — цветочный ковер, воздух наполнен запахом трав. Над ульями, гигантской шахматной доской раскинувшимися поодаль, кружились проснувшиеся пчелы. А опытный взгляд пасечника уже заметил не одну прилетевшую пчелу, тяжело груженную пылью.

«Добрый будет нынче взятки!» — подумал старик. Почти всю свою жизнь он провел с пчелами. И понимал их без слов, так же, как и они.

За плечами — седьмой десяток, а пчелы, горы стариться не дают. Взял полотенце и, припадая на протез, направился к реке.

— Умоюсь, а заодно и верши посмотрю. Ребятки, вроде, в первой заводи их поставили вчера. Глядишь — на завтрак и угощу их ущицей...

Закатал по колено летние парусиновые брюки, смело шагнул в воду, балансируя на скользких камнях. Ногой нащупал вершу, приподнял ее. В лучах солнца засверкало

живое серебро. Отобрал несколько штук для ухи, остальных выпустил.

— Гуляйте еще!

На кукан нанизал улов. Вдруг Жучка с лаем бросилась к воде.

— Что лаешь зря? На кого? Думаешь, за этим грохотом кто-то тебя услышит? — стал увещевать старик собачонку. И взглянул на ту сторону реки.

Берег отвесной стеной поднимался над водой на несколько десятков метров. К скале лепились неизвестно кем и когда вырубленные ступеньки. И по ним медленно поднимался человек...

— Опять этот старик! И чего он в такую рань тут бродит? В его ли годы, словно архару, по горам лазить?

Знакомство Нуритдина-ака состоялось в первый же день, когда он обосновался здесь на лето с пасекой.

Только он спустился к реке, чтобы набрать воды для вечернего чая, как увидел на том берегу человека. Обрадовался, что сосед объявился, вдвоем-то в горах веселее. Пытаясь заговорить, перекричать грохот потока, махал руками, приглашая в гости. Но встреча так и не состоялась...

Наверху слышались веселые, звонкие голоса. Это наперегонки к реке бежали Арменак и Саша. На плечах, спине, на лице, опаленных солнцем, шелушилась кожа.

— Дедушка, вы опять без нас рыбу вынули? — обиженно заговорил Саша. — Мы сами хотели...

Ребята присели на берегу, рассматривая улов. Жучка продолжала метаться и лаять.

— Дедушка, что это она? — приподнялся Саша.

— Видно, не понравился наш сосед. А, может, наоборот, понравился, в гости приглашает.

Ребята вскинули головы, взглядываясь в противоположный берег. Там, все так же, преодолевая крутой подъем, медленно поднимался старик. Теперь хорошо были видны его пестрый халат и белая пышная чалма.

Ребята забросали деда вопросами: кто этот старик, чем занимается, почему здесь живет?

Но старый пчеловод ничего не мог ответить о своем соседе.

— Все зову к себе в гости, чтобы познакомиться, да как тут переправишься? Видно, поэтому и не идет сосед.

Ребята почистили рыбу, искупались и бегом помчались, как они говорили, «домой» — к палатке. Шараф-то раньше их поднялся, наверное, уже на пасеке колдует...

Шараф в белоснежном халате, с дымарем, рамками, действительно уже с важным видом расхаживал по пасеке.

Солнце поднялось высоко. Васильковое небо предвещало знойный день. Нигде ни тучки, ни облака. Быть жару. Хорошо — река рядом. А вода в ней что твой лед — никакая жара не устоит!

— Кто одну минуту просидит в воде, — сверкал огромными черными миндалинами Арменак, отбрасывая со лба такой же черный непокорный чубчик, — месяц... Э, чего месяц? Год мороженым кормить буду! В кино ни разу не пойду! Все деньги экономить буду!

— Хитрый ты! — засмеялся Саша. — Кто же твое мороженое есть будет, если минуту в воде просидит? Он же сам в мороженое превратится! Только в несладкое...

— А если Арменак посидит, то — в соленое... — невозмутимо добавил Шараф.

— А ты уже и так, как ледышка, — махнул рукой Арменак в сторону Саши, намекая на его светлые, чисто льняные волосы и голубые, девичьи глаза.

— Э, ребята, — незаметно подошел Нуритдин-ака к соперничающим в острологии друзьям. — Сначала завтрак, а уж потом работа! Уха ждет.

Наваристая, пахнущая дымком уха вызвала общий восторг.

— Никогда в жизни не ел ничего вкуснее, — задыхаясь, приговаривал Арменак. — Вкуснее мороженого!

— Соленого? — с невинным видом спросил Саша и тут же бросился бежать.

...Шараф, подойдя к одному из ульев, поднял крышку. Арменак и Саша, для которых все это было ново, невольно отступили.

— Бояться пчел не нужно, — улыбнулся Нуритдин-ака. — Это умное существо! Как человек, все понимает. Вон, смотрите, как Шараф работает.

Молодой пчеловод положил крышку на траву. Спокойно снял «одеяльце» и открыл рамки. Потревоженные ярким светом пчелы недовольно зажужжали, но скоро успокоились и опять принялись за работу.

Юноши осмелели, осторожно заглянули в улей. Пчелы сплошной массой заполнили рамки,

А Шараф тихо, не торопясь, рассказывал, что ранее узнал от дедушки.

Ребята даже рты разинули от удивления, когда узнали, что для того, чтобы собрать килограмм меда, пчелы должны облетать около миллиона цветков.

Осмотрев пасеку, вернулись к палаткам, унося с собой целый кувшин янтарного меда..

— Кушайте мед, самый полезный продукт на свете, — приговаривал дедушка. Ребята не заставили себя упрашивать, усиленно работая ложками. А Шараф прилег под навесом, сославшись на усталость.

«Даже дедушка ничего не слышал. Откуда этот ночной голос? Да и тот старик подозрительный!.. Кто он? Кто стонал и свистел ночью? — мучительно размышлял Шараф, лежа с закрытыми глазами. — Загадочный старик поднимался в гору, но тут же он вдруг появился на этом, берегу, около грота. Не мог же он опуститься с горы так быстро и переправиться через реку? Хорошо, что ребята здесь не видели! Еще испугались бы, убежали с пасеки... А ведь приехали на все лето! И где мог переправиться старик, когда здесь нигде ни моста, ни брода нету? И, если он все же переправился, почему не пришел сюда? Дедушка же его столько раз звал!»

Арменак и Саша все еще лакомились медом, а Шараф все лежал, закрыв глаза, и думал: «А может быть, рассказать все ребятам, организовать поиски и разгадать тайну? Нет, пока не следует торопиться...»

День прошел в работе. Арменак и Саша, не трогая Шарафа, усердно помогали деду Нуритдину. Встретили кол-

хозную машину и с грузом меда отправили обратно в колхоз. Уехал в город и Нуритдин-ака, пообещав ребятам выполнить их многочисленные заказы и оставив «самым главным пчеловодом» вместо себя Шарафа. «Он — аксакал в этом деле!».

И, правда, Шараф любил пасеку, любил и знал тружениц-пчел. Да и стоит ли удивляться этому? Уже много времени прошло с тех пор, как дед начал обучать внука своему делу. А знает дедушка Нуритдин очень много. Хотя сам он и не силен в грамоте, а за его советами по пчеловодству ученые приезжают из Душанбе, Самарканда, Ташкента.

— Все, что сам знаю, все тебе передам, — не раз говорил он внуку, видя, с каким удовольствием Шараф помогает ему в работе.

— Кончу школу, пойду в сельскохозяйственный институт, тоже буду пчеловодом, — ответил как-то Шараф дедушке. И по тому, как он сказал это, Нуритдин-ака понял: есть кому из рук в руки передать пасеку.

...Шараф ходил меж ульями, Саша и Арменак пошли к реке, обещали принести рыбы. Но на этот раз им пришлось вернуться с пустыми руками. Пришла колхозная машина, завхоз привез раскладушки, и ребята принялись обставлять свое жилище.

Шараф разжег костер; желто-красные рваные куски пламени рисовали фантастические фигуры на земле, в диком танце прыгали по стене палатки и улетали в ночь.

— Шараф! — тихо заговорил Арменак, — а мы опять того старика видели. Темнеть стало, а он почему-то все еще был на берегу. Как в такую темень подниматься будет? Гора-то какая высокая, а он совсем старый...

— Садитесь ужинать, — оборвал его Шараф. Он не хотел говорить об том, чего сам еще не мог понять, об этих загадочных криках по ночам, о таинственном старике с того берега.

Все проголодались и поспешно принялись за еду. Дедушка не вернулся, и лагерь без него рано погрузился в тишину.

Шараф вынес раскладушку наружу, сон не шел к нему. Рядом послышался шорох. Проворно поднялся — Жучка. Собака опять скулила, трусливо жалась к хозяину. Шараф прислушался. И вот опять в горах застонало, заухало, мальчик почувствовал, как мурашки поползли по рукам, покрывая все тело. Соскочил с раскладушки, бросился к палатке.

Прислушался. Звук не повторялся.

— Нет, не буду будить... Пусть дедушка приедет — начнем поиски...

Мальчики утром поднялись дружно: нарушать распорядок дня нельзя. Сразу же побежали к реке умыться. А потом, до завтрака, в первую очередь, как было заведено, — осмотр пасеки. Мало ли что могло произойти за ночь! Вымыв посуду, Саша и Арменак подошли к Шарафу «за самыми строгими приказами».

— Купаться, загорать! Ни о чем деловом не думать! За исключением рыбы на уху, — важно произнес Шараф и подкрутил несуществующие усы. Ребята бросились в палатку за полотенцами, а Шараф, не ожидая их, побежал по тропинке к шумящей внизу реке.

Ему хотелось осмотреть то место, откуда доносился странный звук, а, если удастся, хотя бы издалека, и жилище старика-соседа.

Шараф стоял на скале, а внизу пенился и грозно ревел бурный горный поток. От снежных вершин тянул прохладный ветерок, шевелил траву и кустарник. Вот прокричала какая-то птица... И снова тихо. Как хорошо! Шараф, точно очарованный, смотрел на чудесную, развернувшуюся перед ним панораму, освещенную солнцем.

— Как хорошо! — снова повторил он про себя и тут же нахмурился: вспомнились странные и страшные ночные звуки.

Арменак и Саша вперегонки бросились к реке догонять Шарафа. Но грузный, неповоротливый Арменак, как всегда, отстал. Саше пришлось остановиться, подождать товарища. Медленно пошли рядом. Арменак пыхтел, как паровоз, вытирая полотенцем обильно катившийся пот.

— Я тебе за месяц все стоню, — хлопнул его по плечу Саша, — а ты меня месяц кормить мороженым будешь. Хорошо? — Последние слова Саша произнес, старательно подделываясь под могучий кавказский акцент Арменака. Тот только отдувался, досадливо отмахиваясь рукой.

На излюбленном месте, где ребята обычно купались, Шарафа не было. Майка и тапочки — здесь.

— Шараф! — громко крикнул Арменак. — Где ты?

В ответ — только сердитый рокот сердитой реки да приглушенный водой перестук переворачиваемых камней,

— Чего волнуешься? Он пошутил над нами, спрятался в скалах, — бросил Саша, направляясь к воде.

— Шараф! — не унимался Арменак. Многократное эхо, затухая, повторило его крик.

— Саша! И Жучки нет. С ними, наверное, что-то случилось. Ведь как раз тут, напротив, поднимается старик в цветастом халате. Да, вон опять там что-то мелькнуло!

Теперь уже всполошился и Саша. Вдвоем они стали тщательно обшаривать прибрежные «закоулки», кустарник. Шарафа не было.

— Неужели река унесла его, а, Саша? — придвинулся к другу Арменак. — А зачем ему из заводи туда лезть? — махнул он рукой в сторону бешено мчащегося потока.

— Допустим, Шараф попал в быстрину, — тщетно пытаясь скрыть охватившую и его тревогу, вслух рассуждал Саша. — Он все равно выберется... Но дальше... Нужно идти по течению...

Пройдя километра полтора, измученные и охрипшие от криков друзья вернулись к своей заводи. Майка и тапочки на месте. Шарафа нет. Подавленные и напуганные, они молча сидели. Скорее бы дедушка приехал! Неужели случилось несчастье? Нет! Не может быть. Шараф — умный, сильный, он сумеет уйти от беды! — безмолвно спрашивали и отвечали друг другу ребята.

...Первое, что они услышали, это радостный лай Жучки, в следом спрыгнул откуда-то и Шараф.

— Знаешь, это нечестно, не по-товарищески, — вскочил Саша. — Мы все передумали! Так не шутят! Где был? Ответь!

— На Кавказе за такие штуки знаешь, что делают? — вмешался порывистый Арменак. От волнения он больше не мог найти подходящих к этому случаю слов и только нервно теребил свои курчавые, как овечье руно, густо-черные волосы. Шараф молча опустил на камень. Подбежала Жучка, легла у ног хозяина.

— Где ты был? Мы с ног сбились, разыскивая тебя, — уже спокойней проговорил Саша.

— Ребята! — поднял голову Шараф, — я все расскажу. Но сначала ответьте: вы сегодня видели старика, нашего соседа, вот теперь, утром?

— Конечно, — торопливо отозвался Саша, бросив на товарища недоуменный взгляд.

— Видели, как чалма его мелькнула, — добавил Арменак.

— А халат на нем был? С красными цветами? — продолжал допытываться Шараф.

— Да, как обычно, — подтвердил Саша. — А что тебе дался этот самый старик, с его чалмой и халатом?

— Я тоже видел его, — медленно проговорил Шараф, — ...только не на горе, а на этом берегу... Вон на той площадке... Шараф показал вверх по течению, где метрах в ста пятидесяти виднелась ровная площадка, обрывавшаяся над речкой. Туда вела тропа, по которой два человека едва ли могли разойтись.

— Не может быть! — загорелся Саша.

— Зачем нам загадки загадываешь? — «заэкал» Арменак.

— Я видел старика на этом берегу, — упрямо повторил Шараф. — На площадке... Но это было, честное слово, одно мгновение. Повернулся, вижу, он уже на том берегу в гору поднимается! Только чалма, как мне показалась, на нем была не белая, а зеленая. Такие чалмы носили только «ходжи» — это люди, посетившие Мекку, — объяснил Шараф и продолжал: — У него, у старика, длинная белая борода и

приметный пестрый халат. Как он мог за одну секунду на том берегу очутиться? По воздуху перелетел, что ли? Колдовство сплошное!

— Какое колдовство? Что ты говоришь, Шараф? — заторопился Арменак, проглатывая целые слоги. — Никаких колдунов нету! Зачем так говоришь? Я тебе всю эту тайну сам открою! Дай только время!

— Пошли домой, там обсудим создавшуюся ситуацию, — важно произнес Саша. — Масса эмоций и никакой логики. Может быть, дедушка приехал... Устроим военный совет...

Опять загадочный старик

Лагерь встретил их тишиной. Дедушки все еще не было. А больше откуда ждать гостей?

Живя здесь, ребята, кроме старика с того берега, никого не видели. Да и кому здесь быть? Разве пастухам? Но они высоко в горах. Ребята сидели в палатке, прямо на земле, и взволнованно обсуждали события последних дней.

— И ночей, — добавил Саша.

— Я только хотел искупаться, как увидел старика и подумал: почему он здесь, на этом берегу? — рассказывал Шараф. — Как он здесь очутился? Решил поговорить с ним, он вдруг исчез. Не прошло и минуты, как он вновь появился, но уже на том берегу... В гору поднимался... Меня он, видно, не заметил, я тогда совсем спрятался, потом потихоньку за камнями добрался до площадки. Так и сидел, спрятавшись, наблюдал. Слышал, как вы кричали, но не мог отозваться. Жучка тоже не лаяла, слушалась. Ломал-ломал я голову, как старик за одну минуту там очутился, — ничего не мог придумать.

— Да, с точки зрения науки, явление загадочное, — задумчиво отозвался Саша. — Действительно, как? По воздуху? Под землей? Под водой?

— Еще я два раза ночью слышал какие-то дикие звуки, — добавил Шараф. — Страшные! Прямо мороз по коже! И Жучка, как услышит — сама не своя, дрожит, жметесь ко мне...

— Ну, это совсем легко объяснить, — перебил его Арменак, — мало ли разного зверья в горах? Шакалы лают, а кажется, ребенок плачет или женщина кричит... Может, сова, медведь... А эхо ночью, знаешь, как раздается!

— Знаю, — поднялся Саша. — Физическое явление природы. Потоки воздуха могут вызывать интересные акустические эффекты. А, может быть, это была просто слуховая галлюцинация...

— Вот, как сейчас, — подмигнул ему Арменак.

— А сейчас как раз никакой галлюцинации нету, — вскочил Шараф. — Дедушка приехал!

Хотя Нуритдин-ака добирался до пасеки на попутной машине, поручение своих помощников — привезти книги и шахматы — он выполнил.

Ребята шумно выражали свою радость в связи с его возвращением, а старый пасечник видел, что, пока он отсутствовал, здесь что-то произошло. Однако расспросами ребят там не досаждал. Сами скажут...

Шараф проснулся сам. Тихонько, стараясь, чтобы не скрипнула раскладушка, поднялся. В палатке было тепло, а за потяжелевшим от ночной росы брезентом его охватила, заставив поежиться, прохлада.

Звезды постепенно гаснут.
Занимается рассвет, —
Прелюдия рассвета... Тайный час
Торжественной и чуткой тишины,
Неуловимой доброты природы.
На небе потускнела синева,
Ночные драгоценности созвездий... —

одними губами стал декламировать он.

Знакомая тропинка уверенно вела его к воде. Жучка бежала рядом. Вот и река. Над Шайтан-ташем клубился сизый туман. Противоположный вздыбленный берег крутыми ступами уходил в реку. А она в теснине klokотала, стремительно неся свои воды, громыхая, камнями.

Присев, Шараф внимательно смотрел на противоположный берег. Сердце екнуло.

Высоко на скале показался человек. Его тут же поглотил туман. Вот человек появился опять. Озираясь, он теперь уже пробирался вдоль берега, вверх по течению. Шараф, таясь за выступами скалы, не отрываясь следил за стариком. Потом двинулся следом по этому берегу, чтобы не упустить незнакомца из виду. Уже совсем рассвело. Шарафу отсюда сейчас хорошо был виден тот берег. Вот, наконец, старик остановился, подошел к скале, опять огляделся, сдвинул небольшой валун, вытащил из обнажившегося отверстия узел. Распаковал, вынул два мешка. Разделся, одежду сунул в мешок, плотно его завязал. Второй — надул, отверстие заткнул чем-то и, взяв мешок с одеждой, вошел в воду. Постоял немного, видно, привыкая к холоду, и пустился вплавь, лежа грудью на поплавке.

— Ага... на турсуке переправляется... — про себя проговорил Шараф. Он и раньше знал, что турсук — мешок из бараньей кожи — очень удобен для переправы даже через бурные реки. Таким способом переправы еще в древности пользовались армии Александра Македонского, Чингис-хана, Тамерлана...

Незнакомца быстро несло к берегу, где в камышах притаился Шараф.

Старик (Шараф сразу же узнал незнакомца) вышел, отряхнулся от воды. Из мешка вытащил одежду, проворно оделся, выпустил из турсука воздух. Сунул мешки в расщелину, замаскировал тайник и направился по тропинке прямо к лагерю. Подошел к месту, где всегда купались мальчики, постоял, посмотрел кругом и легко стал поднимать-

ся к пасеке. Шараф, не теряя из виду старика, метнулся к расщелине. За ней открылся грот.

«...Грот как грот, какие здесь часто встречаются. Только этот — больше, гараж на 3-4 автомашины. А снаружи и не видно ничего, а ведь совсем близко от лагеря...»

В гроте Шараф ничего не обнаружил, кроме мешков и одежды старика, и снова последовал за ним. Убедившись, что сосед пошел к ним на пасеку, подошел к реке, умылся и, не вытираясь, с каплями воды на лице, шее, груди — пусть все знают, что он купался, — пошел верхней тропкой к пасека

Медленно прошелся по пасеке, дыша полной грудью, чтобы успокоить дыхание, и направился к палаткам.

Издали он увидел друзей, дедушку, таинственного старика, сидевших на разостланной кошке под навесом, и, уже не таясь, смело зашагал к ним. Поздоровался с гостем, тот сидел, подобрав под себя ноги. Арменак и Саша молчали, переглядываясь, их не на шутку заинтересовал пришелец. Дедушка Нуритдин заваривал чай.

На дастархане — лепешки, пиала с медом, куски вареной баранины, курт — сушеные шарики из соленого творога...

Нуритдин-ака сполоснул пиалу, налил в нее чуть больше половины, приподнял крышку чайника, ловко вылил назад. Трижды повторил это, чтобы чай лучше заварился. Выждав немного, пока осела заварка, наполнил пиалу. Медленно выпил. О рукав своего халата вытер край пиалы, опять налил немного и передал пиалу в руки гостя.

— Да будет полная чаша в вашем доме, — проговорил незнакомец и припал к пиале. Потом потянулся к лепешке, отломил маленький кусочек, тихонько стал жевать, чуть покачивая головой.

Нуритдин-ака по закону гостеприимства не задавал никаких вопросов: ни о переправе, ни о том, давно ли сосед здесь живет? Справился лишь о здоровье.

— Милостью аллаха, все хорошо... — только и ответил он.

Гость долго не стал засиживаться. Поблагодарил за угощение, оглядел пасеку, заглянул в палатку школьников и,

уходя, просил не провожать его. Совсем по-молодому он зашагал вниз. Скрылся за поворотом тропинки.

— Дедушка, мы ходим к реке! — просяще проговорил Шараф. Дед понял — внук хочет проследить за стариком. Но строго ответил:

— Гость просил его не провожать. Просьба гостя — закон для хозяина. Так исстари повелось у нас в горах...

Ребята не посмели настаивать, хотя таинственный старик, его приход, настороженное молчание, поспешный уход еще больше раздразнили их любопытство.

Нуритдин-ака молчал, тихонько отхлебывая чай, а сам все повторял про себя: «странный старик...»

Ночь прошла спокойно. Но привычка последних дней — вставать раньше своих товарищей — дала себя знать. Ни спать, ни нежиться в постели Шарафу больше не хотелось.

С вечера приготовленные дрова только и ждали, чтобы к ним поднесли спичку. Шараф разжег костер, спустился к реке, умылся, зачерпнул ведрами воды для завтрака. Пламя весело потрескивало под казаном, от которого шел дразнящий запах жарившейся баранины.

Подошел к палатке, но будить ребят не стал: завтрак их сам разбудит. Видно, чувствуют уже запах. Вон как Арменак губами вкусно причмокивает!

Подбежала Жучка. Умильно поглядывая на казан, навострив ушки, водила носом, отбивая веселую дробь хвостом. Потом опять ластилась к Шарафу, клала ему на колени голову, повизгивала. Она-то хорошо знала, что несут за собой эти запахи, забивающие даже противный запах дыма, от которого слезы наворачиваются на собачьи глаза и неприятно щекочет в носу.

Шараф подошел к приемнику, повернул ручку. Раздался мелодичный перезвон Кремлевских курантов. И расстояние потерялось. Не было ни тысячи километров, ни гор, отрезавших пасеку от остального мира, а рядом была Москва, голос Москвы. Шараф только в прошлом году был в столице, на каникулах. Летел туда с дядей на ТУ-104. Впечатления от виденного остались, и, видно, на всю жизнь.

Здесь вставало солнце, а там, в Москве, была еще ночь. Шарафу казалось, что он опять в Москве, видит Кремль, откуда лился этот знакомый всем серебряный звон.

Словно страницы книги, перелистывал Шараф в памяти впечатления от поездки в Москву.

...Лобное место, где сложил голову Емельян Пугачев. А рядом — скульптура Минина и Пожарского — чудо-богатырей.

Но самое главное, конечно, это Мавзолей, Мавзолей! Там Ленин... Ленин!

С Красной площади Шараф часами не мог уйти. Да разве только он или дядя? Какая она нарядная в дни праздников! Залита солнцем, запружена ликующим народом. Шелест знамен, радостные возгласы, песни....

А в 1941 году нахмурилась Красная площадь. Суровым стал Кремль. На зов Родины поднялся многомиллионный народ. Отсюда солдаты шли в бой, чтобы сломать хребет фашистам. А потом сотни вражеских знамен были брошены к подножию Мавзолея...

— Доброе утро, ребята! Начинаем пионерскую зорьку!

Голос диктора вывел юношу из раздумья. Поднялся, подошел к палатке, откинул дверной полог.

— Подъем! Саша, Арменак! Поднимайтесь! — принялся тормошить товарищей Шараф.

Саша откинул одеяло, забросил руки за голову, поморгал, зябко поежился и опять юркнул под одеяло. И с самыми жалобными нотками в голосе стал упрашивать Шарафа.

— Шарафчик, мой хороший, еще пять минут... Только пять минут... Сон досмотреть нужно... Такой интересный сон! Потом Арменаку его за мороженое продам... — приговаривал Саша, словно шелкопряд, закутываясь в одеяло.

— Вот засоня! — не выдержал Арменак. — Я сейчас ему помогу подняться. — Шараф отвернул край одеяла, а Арменак плеснул туда из кружки воду. Саша одним рывком сбросил одеяло, вскочил.

— Эх, какой сон пропал! А с ним — месяц мороженого за счет Арменака!

...А дедушка уже успел побывать на пасеке.

— Да... Дела... — проговорил он, опустившись на кошму.
— Проверил контрольный улей, меду — невпроворот. Это — не взятки. Пчелы грабят кого-то. А кого здесь грабить? Камни, что ли? Других пасек-то на сто верст вокруг нет!

И тут Шараф вспомнил, что вчера он заметил, как пчелы свои челночные полеты совершали только в одном направлении — в горы на восток. Об этом он и сказал дедушке. Тот только плечами пожал недоуменно.

— Завтра с рассветом пойдем в горы, попробуем пройти по маршруту пчел, — предложил Шараф. — Как на это смотрите? Не успеем до ночи — там заночуем...

— Лучше без ночевки, — предложил Саша, не отрываясь от шахматной доски.

— Не согласен! — вскочил Арменак. Задел шахматную доску; кони, пешки посыпались на землю. — Не согласен! — принялся собирать он фигуры,

— С чем ты не согласен, Арменак? С ночевкой? С проигрышем? — лукаво усмехнулся Нуритдин-ака, пряча в усы улыбку.

— Такая разыгрывалась партия! — Арменак сокрушенно покачал головой. — Тоже сказал Саша — «без ночевки!». А ты знаешь, что такое горы? Да тем более ночью! Нужно быть горцем, чтобы ответить на такой вопрос! Нет, ты не знаешь! Дух захватывает — какой простор! — И повернулся к Шарафу. — Пойдем вдвоем, ему там нечего делать!

Саша как стоял, так и присел на землю, прижав к подбородку колени и охватив их руками.

— Я просто так... Я согласен... — примирительно заговорил он. — Просто в палатке ночевать лучше... Но и в горах, на камнях... тоже можно...

Так и решили: завтра, с рассветом — в поход.

Нуритдин-ака не возражал против такой экскурсии, сам бы пошел, если бы не «чужая нога». Куда с ней? А на внука он надеялся, не впервые в горах, знает их.

...Саша и Арменак, след во след, топали за товарищем. Жучка бежала рядом. Пчелам — хорошо! Дорога прямая,

на ней ни камней, ни расселин, ни обрывов под ногами. А ребятам трудно — ни дороги, ни тропинки.

Вдруг Саша остановился. Впереди, шагах в двух, он увидел то, чего так боялся: по камням, почти сливаясь с ними, ползла сероватая, с бурым оттенком, змея. Она воинственно вертела головкой, устрашающе шипела, показывала раздвоенный дергающийся язычок.

— Шараф, Арменак! Сюда!

Ребята мигом очутились рядом: что случилось?

Глаза Саши округлились, веки не мигали. Стоял, не в состоянии произнести ни слова. Стало жарко, в горле пересохло.

— Смотрите! — наконец, крикнул он. — Страшная змея! Вон смотрите, — показал он на уползающее пресмыкающееся.

Шараф весело расхохотался. Желтоватый хвост мелькнул в расщелине и исчез. В «страшной змее» он узнал безобидного полоза или, как его еще зовут, желтопузика. Шараф знал: у ядовитых змей голова треугольная, у неядовитых — овальная. У этой — овальная. Бросился за полозом, схватил за хвост, вытянул из щели извивающееся толстое тело. Ухватил за шею около головы. Держа пленника в вытянутой руке, подошел к товарищу.

— Брось ее, брось! — Саша отступил. — Это — гюрза! Гадюка! Укус смертелен! — С изумлением и страхом он смотрел на Шарафа.

— Не бойся, Саша, — хлопнул по плечу друга Арменак, — это обыкновенный полоз. У него нет яда, но может укусить, если разозлить...

Взял у Шарафа его добычу и обвил холодным телом свою шею. Шараф заразительно смеялся. Саша, осмелев, подошел ближе. Желтопузик махнул хвостом и ударил мальчика по плечу. Саша отлетел в сторону, будто его толкнул кто-то со всей силой. Шараф и Арменак переглянулись, выпустили на волю ужа и, будто ничего не произошло, тронулись дальше. В пути Шараф вынул свой блокнот и голосом диктора радио прочитал:

— «Если Вас укусит змея или ядовитый паук-каракурт, нужно немедленно приставить к укушенному месту спичку, головкой к ранке, а другой спичкой поджечь ее. Спичка вспыхнет, обожжет укушенное место и уничтожит яд. Укусы змей и пауков поверхностны, и не позднее 2-3 минут после укуса, пока яд не всосался в кровь, можно легко избавиться таким образом от заболевания».

— Откуда ты это взял, Шараф? — поинтересовался Саша.

— Как откуда? Из книг. Записал, может пригодиться.

— Это что... За пять часов — один желтопузик попался! — растягивая слова, произнес Арменак. — Вот в нижнем течении Вахша заповедник — Тигровая балка называется. Дядя рассказывал. Вот там змей, это да-а-а. Точно — муравейник! Кишат! А еще есть лебеди, персидская выдра, дикие кабаны, утки, цапли... И олени даже есть! Тигры, те встречаются, но редко, а могут и совсем не встретиться...

Крутые подъемы и спуски утомили друзей, но они настойчиво продолжали продвигаться вперед, сверяя свой путь по пчелам.

— Ура! — закричал Арменак, услышав журчание воды. В стороне, из-под скалы, пробивался родничок. Вода, словно обрадовавшись солнышку, бежала веселой струйкой, переливаясь всеми цветами радуги.

— Шараф, Саша, идите сюда! Источник! Попьем!

Первым подбежал Саша. Не сняв рюкзака, упав грудью на землю, он жадно, не переводя дыхания, глотал живительную влагу.

Арменак, видя, что товарища не оторвать от воды, а с желудком-бурдюком ему будет идти в горы трудно, взглянул на Шарафа, подмигнул и сложил губы трубочкой.

— У-ш-ш-ш, — слышалось над ухом у Саши. Тот, словно змея уже всадила ему жало в ногу, стремглав взлетел на огромный валун.

— Где змея? — прошептал он, рукавом вытирая лицо.

— Какая змея? Нет змеи, — Арменак развел руками. — Ошпаренный петух от дождя убегает. Ты голову свою в руки возьми, дедушка обязательно так бы сказал.

— Ты крикнул — змея! — возмутился Саша.

— Мой хороший, слово змея не произносил! Шараф свидетель! Хотел сказать, как ты заморился... Произвести слово полностью не успел, ты вскочил — меня напугал. Видишь? Мои ноги дрожат, как у тебя.

Шараф беззвучно смеялся. Арменак продолжал:

— Это у тебя что-то вроде условного рефлекса. Услышал шипение, вообразил — змея. Надо было раньше зашипеть! Бросился и пьешь, словно верблюд. Идем в гору, тяжело, а еще лежа на животе пить нельзя. Не знаешь, что ли, что в родниках пиявки есть? С водой проберутся тебе в живот, присосутся и будут расти. Операцию потом нужно делать. А то умрешь, без среднего образования.

— Пить хотелось, — прохныкал Саша виновато, продолжая тереть лицо.

— Э-э-э, поговори с тобой, — закачал головой Арменак. — «Пить-пить!» Заладил одно! А про среднее образование совсем забыл...

Арменак сполоснул флягу, наполнил ее водой и крикнул:

— Шараф, смотри, как много следов бараньих! Видать, сюда они на водопой ходят!

Шараф с любопытством осмотрел грунт.

— Это отпечатали киики — горные козлы, а рядом следы архаров — горных баранов. Их следы различать меня дедушка научил. Они спускаются сюда на водопой с альпийских лугов, из-под облаков. Там они живут у самых снегов, бродят стадами. Видишь следы: это самцы, а поменьше — самки...

Шараф снял сандалии, подошел к роднику и принялся расчищать его. Сначала отбросил крупные камни, затем — мелкие. Арменак помогал. Вскоре забила мощная струя, весело потащила за собой песок. Юноши тут же соорудили запруду, и появилось маленькое озерко. С разбегу не перепрыгнешь.

Теперь — хорошо, — с сияющим лицом проговорил Арменак. Шараф в знак согласия довольно покачал головой.

А Саша, удобно устроившись, сидел, опершись спиной о скалу. Глаза закрыты. Видно, задремал путешественник от большой усталости.

— Шараф, — прошептал Арменак и кивнул в сторону Саши. — Еще пошиплю? Разыграем!

— Давай!

Опять послышалось: ш-ш-ш...

Саша вскочил, испуганно оглядел товарищей и не понял: во сне это было или наяву? Может, опять пошутили? Арменак разогнулся, посмотрел на Сашу.

— Ты что? Может, сон нехороший видел? Озираешься... — засмеялся он.

— Да нет! Живот что-то... — юркнул Саша за выступ скалы.

Солнце уже скатывалось за снежные вершины, когда глазам юных путешественников открылось плато, покрытое ярким цветочным ковром. Почти в центре его стояло огромное дерево со срезанной, наверное, молнией вершиной. Над ним клубилось жужжащее пчелиное облако.

Арменак и Саша невольно остановились, напуганные этой встречей. А Шараф, продравшись сквозь заросли шиповника, смело подошел к дереву. Молодой пчеловод много слышал о пчелах, которые ютятся в дуплах, в расщелинах скал, находил дикие улья и сам, но такого скопления пчел еще не видел.

«Вся наша пасека здесь», подумал Шараф и увидел, как у самой земли из трещины в сухой коре сочился мед. На земле он разливался небольшим озерком и тонкой струйкой стекал по скале вниз. Там тоже кружились пчелы.

— Сколько пропадает меда! — ахнул Шараф и крикнул: — Идите сюда, не бойтесь! Покажу вам медовое озеро и реку!

И видя, что товарищи боятся даже пошевелинуться, подошел к ним и повел, словно детей, взяв за руки.

— Идите тихо и смирно. Если пчела сядет даже на нос, не трогайте ее. Тронете — все на вас бросятся. Думайте, друзья, только о том, сколько меда зря пропадало и сколько флаг мы в колхозный амбар сами отвезем!

Арменак отошел в сторону и стал, по его выражению, «мозговать», определять объем дупла, кубатуру озера.

— Около 5 тонн, — почему-то шепотом сообщил он.

— Даже, если ты ошибся в десять раз, все равно хорошо, — «выставил ему оценку» Шараф. — А теперь давайте хорошенько запомним место — и в путь. Завтра же вернемся сюда с флягами. Хотя нет... Лошадей нужно или ишаков привести. Как такую уйму меда унесем?

Назад Арменак предложил идти низом, по ущелью, берегом реки. Ребята согласились и, не теряя времени, двинулись в обратный путь.

Вот это находка!

И на обратном пути Шараф шагал впереди. Ребята гуськом держались за ним. Узкая кабанья тропа диктовала такой порядок передвижения.

Обратный путь показался намного труднее и дальше. Ущелье, по которому шли, петляло на каждом шагу, и часто ребята снова оказывались там, где уже были час тому назад.

— Смотрите... Архары, — остановился Шараф.

Ребята взглянули туда, куда он показывал, и увидели стройных, мирно пасшихся красивых животных.

— Те же антилопы. Охота на них запрещена. Благородные животные, — с видом знатока изрек Арменак.

Двинулись дальше. Откуда-то сверху, из-за скалы, доносился сердитый клекот орла. Миновали заросли шиповника, рябиновую рощу, с трудом поднялись по сыпучему щебню на перевал. Отсюда открывалась чудесная картина, будто выписанная кистью талантливого художника. До снеговых шапок, казалось, рукой подать. И тут же, чуть ниже, большие зеленые пятна — заросли ореха, миндаля, диких

яблок. Неподалеку, с шумом, мириадами брызг падал ручей. Над ним клубилось светлое облако. Ребята долго стояли, не отрывая глаз от горной панорамы и не произнося ни слова. Голоса здесь были совсем лишними: можно было спугнуть эту красоту. Наконец, Шараф махнул рукой: пошли! Тропинка неожиданно оборвалась и дальше пришлось продвигаться по отполированным веками и водой камням.

Солнце мягко опустилось на вершины гор, заливая их нежным розовым светом. Теперь и пасека недалеко, но за светом не дойти, а в темноте можно сорваться в пропасть да и по камням много не напрыгаешь, когда темень — хоть глаз коли. Шараф поделился этими своими соображениями с ребятами, и друзья стали выбирать место для ночлега.

И тут Шараф схватился за голову. Ведь вот же грот, где прятал старик свой турсук! Значит, лагерь совсем рядом, но все равно нужно переночевать здесь. Вдруг удастся поднять завесу над тайной?

— Привал, — скомандовал Шараф.

Сбросили рюкзаки. Много времени заняла заготовка дров. Искали сушняк, а угловатые кривые стволы низкорослых елочек, затейливо выгнутых ветром, крепче дуба или карагача.

— Ребята, сюда! Смотрите, что нашел! — вдруг крикнул Арменак. Шараф и Саша тут же подошли. На ладони у Арменака шевелился голенький птенец. Он пронзительно пищал, широко раскрывая клюв. Арменак торопливо снимал с его красненького тельца муравьев, а те и не думали спастись бегством, впившись в беспомощного малыша.

— Этого вылупыша я видел, — безучастно произнес Саша. — Тоже мне птица! От муравьев отбиться не может!

— А почему не поднял? Видишь, как его облепили? — возмутился Арменак.

— Все равно не выживет, — махнул рукой Саша. — Его все равно мать с отцом сами из гнезда теперь выбросят.

— Дубина! — сердито крикнул Арменак и с презрением глянул на товарища. Сняв с птенца муравьев, отдуваясь и пыхтя, залез на дерево и осторожно водворил его в гнездо.

Саша не стал ужинать и молча начал устраиваться спать. На землю бросил куртку, под голову — рюкзак. В его ушах все еще звучала брошенная не на шутку рассердившимся Арменакон «дубина».

— Ты что, так хочешь ночевать? — поинтересовался Шараф, передвигая костер ближе к выходу. Ничего не ответив, Саша повернулся на другой бок.

— Встань, сделай подстилку из сухой травы, — властно произнес Шараф.

— Тепло, — отмахнулся было Саша, но, взглянув на Шарафа, нехотя поднялся.

— Это сейчас тепло, а ночью — дрожжи вовсю продавать будешь, — вслед ему бросил Шараф.

Камнем с гор на землю упала темнота — густая, тяжелая, какой она бывает только в горах.

Друзья на месте отодвинутого костра устроили ложе. Полуметровый слой из хвои и травы покрыли брезентом.

— Вот теперь будет не только мягко, но и тепло от разогревшихся камней, — довольно произнес Шараф.

Рядом, закрывая вход в грот, полыхал новый костер.

Лишь только ребячьи головы прикоснулись к рюкзакам, в пещере послышалось ровное посапывание: тяжелый дневной переход, усталость давали себя знать...

— А может, ночи и не было? — сквозь сон услышали ребята Сашин голос. — Смотрите! И на улице солнце, и у нас в пещере солнце!

— А вот и луна, — протирая глаза, показал Арменак на большое серое пятно под самым потолком грота.

— Что за луна? Там, кажется, ниша? — вскочил Шараф. — Интересно, интересно...

— Интересный факт, — в тон ему многозначительно произнес и Арменак.

— Не могу заглянуть туда! Высоко! Подсадите! — крикнул Шараф.

Ребята, согнувшись и уткнувшись лбами в стену, подставили ему спины. Шараф взобрался на выступ скалы и, подсвечивая лучиком фонаря, заглянул внутрь.

Там в глубине лежали кошмы, седла. Все было под толстым слоем пыли.

«Здесь кто-то бывал, но, видно, давно», — подумал он.

Светлый экранчик забегал по бугристым стенам. В эту пещеру-грот, как заключил Шараф, был только один вход. Просунул голову, а потом и весь забрался вовнутрь и потянул за угол кошмы.

— Отойдите! — крикнул вниз.

Арменак и Саша выбежали из пещеры. Полуистлевший войлок рассыпался в руках, но же Шараф сбросил его вниз. В первые минуты Шараф ничего не мог увидеть, сотрясаясь от безудержного чихания.

— Что там такое? — кричали ему ребята, но в ответ только слышалось все то же: апчхи!

Наконец, пыль улеглась, и Шараф увидел под обрывками кошм груды винтовок, наганов, клинков, ножей.

— Вот это находка! — ахнул он. — Ребята! Смотрите, что здесь! — и протянул им винтовку, саблю, револьвер. Следом он и сам спрыгнул, отряхиваясь от пыли, толстым слоем покрывшей голову, лицо, одежду.

Ребята внимательно рассматривали трофеи. Металлические части оружия покрыты ржавчиной. Нигде ни следа смазки.

— Видно, давно они здесь лежат, — заметил Арменак.

— Вот здорово! — радовался Саша, стирая с лица рукавом грязный пот. Он вертел в руках наган, пытаясь повернуть барабан.

— Возьмем по одному, отмочим в керосине, почистим. Жалко, патронов нет, постреляли бы.

— Нет, не возьмем, — отрезал Шараф. — Все положим на место и — на свежий воздух!

Сели на овринг, упираясь спинами в скалу, взметнувшуюся вверх на десятки метров. Под ногами отвесная стена, падающая далеко вниз, где глухо рокотал не знающий покоя ни днем, ни ночью горный поток.

— Что будем делать с кладом? — вздохнул Саша.

— Как, что делать? — удивился Шараф. — Оружие пока полежит здесь, никто не возьмет, а потом сдадим в милицию. А мы займемся своим кладом... Медом!

Арменак одобрительно кивнул головой.

Саша промолчал, но весь его вид говорил о полном несогласии с этим решением.

— Подъем! — скомандовал Шараф.

Нуритдин-ака будто знал, когда ожидать ребят, потому что казан с пловом был уже накрыт крышкой. А плов лучше старого пасечника вряд ли кто мог готовить во всем селе. Но к его удивлению и обиде, ребята очень холодно отнеслись к сообщению, что на обед — плов. А он-то так

старался! И пастухи словно чувствовали, что он ждет путешественников, принесли свежего мяса.

И лишь когда ребята рассказали о своем походе, о наводках, у Нуритдина-ака отлегло от сердца.

— О пчелах знал, догадывался, вернее, — говорил он. — Хотел вам сказать, но потом решил, что вы сами догадаетесь. Особенно, Шараф. Он же старый пчеловод, — с любовью глянул старик на внука и продолжал:

— Оружие оставили басмачи, больше некому. В народе говорят, что где-то здесь в пещерах и золото спрятано. Бухарский эмир, спасаясь от Красной Армии, не успел тогда увезти его. Вот и запрятал где-то. А мед — бесхозный, поможем нашим пчелам перетаскать его. А пока, мальчишки, пчел нужно обеспечить тарой. Таскать-то им мед некуда! Надо ускорить откачку меда. А потом придется мне опять ехать в город — вощина, фляги нужны. Привезу дружок своих седобородых. Старики на пенсии, давно просят сюда помогать. Да и в милицию заглянуть нужно будет. Оружие, хоть и старое, но дело серьезное...

Неделя пролетела, как один день. Ребята даже купаться редко ходили. Накачали две бочки меда, во все улья поставили вощину, что была в запасе у пасечника.

— И чего дедушки так долго нет? — сетовали ребята.

А старый пчеловод сидел в это время у своего старого друга, полковника милиции Наби Норматовича Норматова. Полковника он нашел только дома, больным, врачи запретили тому подниматься с постели.

За чаем Нуритдин-ака рассказал ему об оружии, что нашли школьники, о страшных ночных звуках, о загадочном старике с того берега. Полковник, не вставая с постели (благо телефон рядом), позвонил в управление и попросил направить к нему домой Теплова-младшего. Пока друзья вспоминали о прожитых годах, расспрашивали друг друга об общих знакомых, прибыл молодой лейтенант милиции Гриша Теплов.

Нуритдин-ака снова повторил свой рассказ, и решили: Теплов тоже отправится в горы с пчеловодом. Норматов

сожалел, что не мог выехать сам, но упорно обещал, что следом приедет вместе со старшим Тепловым — полковником, отцом Гриши.

...Колхозный грузовик с прицепом остановился почти у самой палатки. Из кабины, припадая на протез, вышел дедушка Нуритдин. Из кузова спустились три человека. Двоих из них ребята знали — тоже пчеловоды, друзья дедушки и его одноклассники — Азиз-ака и Садык-ака. Первый из них — худенький, тонкий, словно мальчик, а Садык-ака природа комплекцией не обидела. Третий приехавший — незнакомый. На вид ему лет двадцать пять, не больше. Он в легком костюме, без головного убора, и показался ребятам футболистом. Сказал, что звать его Гриша, а фамилия Теплов. Молодой, сильный, ловкий, он почти один, без помощи ребят, разгрузил машину. Свой чемодан занес к ребятам в палатку.

— Пусть пока постоит здесь. А мы тем временем себе жилье сварганим, — и лукаво подмигнул мальчишкам.

И верно, еще до завтрака они разбили привезенную армейскую палатку.

Вечером, у костра, Шараф, что называется, из первых уст рассказывал собравшимся о ночных криках, таинственном старике, о переправе на турсуках, о пещере. Арменак и Саша, обжигаясь горячей шурпой, отчаянно кивали головами, подтверждая все сказанное.

— Получается, вторая Има Сумак в горах поселилась? — пошутил Теплов.

— Не может быть! — встрепнулся Арменак и чуть не поперхнулся. — Но что-то неестественное в этом факте имеется. Вы только представьте себе, как страшен тот дикий голос, прямо ужас! Да еще этот старик-горец!

— А может, это снежный человек? — вмешался в разговор Саша. — Мне интуиция подсказывает. Или наш предок неандерталец? А? — И с важным видом оглядел всех. Вот, мол, какими словами мы запросто бросаемся!

— Нет, ребята, это не снежный человек и не предок, — заговорил Григорий. — Но и с Арменакон я не согласен,

что в этом факте есть что-то неестественное. Будем гадать-разгадывать... Вон сколько нас! Целых четверо!

— Пятеро, — поправил Саша и добавил: — Жучка пятая...

Услышав свое имя, та деловито стала мести хвостом по земле.

Старики отправились в новую утепленную палатку, вокруг которой замкнутым кругом была уложена веревка из бараньей немытой шерсти — надежная преграда от фаланг, змей, каракуртов, скорпионов и прочей нечисти, к которой старики за долгие годы своей жизни так и не смогли привыкнуть.

Ночь темным пологом занавесила горы. Шараф и Гриша поставили свои раскладушки на открытом воздухе. Тишина. Даже река, казалось, утомилась и прекратила свою вечную перебранку с камнями.

Но что это? Тишину рассек хлесткий выстрел, будто удар гигантской плети. И тут же — дикий крик! Шараф узнал этот знакомый страшный голос. Жучка заскулила, подползла к раскладушке. И снова тот же страшный голос. Шараф вскочил, подбежал к Теплову.

— Гриша, Гриша, — тормошил он. — Проснись!

— Слышал, слышу и не шуми, — спокойно ответил тот. Поднялся, сел. Прислушался.

— Пошли ближе к берегу, — шепнул он. — Только тише, пожалуйста.

Сели на камнях. Молчали. Молчали и горы. Поднявший их надрывный крик, в котором слышались боль, муки, отчаяние, больше не повторялся. Только где-то вдали истощенно голосил одинокий шакал.

По бездонному небу пронеслась комета, оставляя за собой длинный хвост. Стрекотали кузнечики, что-то свое, важное, бормотала ночная птица.

— Так вот, Шараф, сцена, с которой «выступает» Има Сумак, где-то неподалеку отсюда. А голос действительно похож... Похоже, ничего не скажешь.

Снова в путь!

Шарафа разбудил рокот отъезжающей машины. Откинул одеяло, огляделся. У новой палатки на кошме сидели за дастарханом старики и Теплов. Арменак и Саша, видно, еще спали. «Устали, бедные, ведь трудились допоздна», — подумал Шараф. Умылся под рукомойником, к реке не захотел идти, подошел к сидящим, пожелал им доброго утра.

Следом, закрутив чалмой полотенце, подошли Арменак и Саша. «И когда это они только поднялись? — недоумевал Шараф. — Ведь несколько минут назад еще во всю храпели!»

А у стариков разговор шел на высоких нотах. Узнав, откуда поступает «неплановый мед», Садык-ака, возбужденно размахивая руками, так и насккивал на пасечника.

— Ты во что пчел хочешь превратить? В хищников, в бандитов? Что они сейчас делают? Вместо того, чтобы цветы облетывать, опылять их, они у тебя грабежом занялись! Совсем испортишь их!

— Ну нет, Садык-джан, тут ты перегнул, — заступился за друга Азиз-ака, — перегнул, как любит говорить мой сын — председатель колхоза.

— Разве это грабеж? — продолжал он. — Сам знаешь, мед вытекает, пропадает. Осенью и весной его дожди смывают. Зачем добру зря пропадать?

— И никакого тут грабежа нету, — недовольно загудел Нуритдин-ака. — Я горных пчел хорошо знаю, к себе в дом не пустят. А вот они, эти горные дикарки, налетят — наши не отобьются. Полный разгром учинят!

— Дедушка, — робко вмешался в разговор стариков Шараф. — Дикарок надо попробовать одомашнить. Там, у дерева, можно наши улья поставить. Будем следить за отроением... Потом сюда перенесем, горянок изучать будем. Сами же говорили, дикарки крупнее, сильнее и лучше переносят холод.

— Правильно, — затряс бородой Садык-ака. — Одомашнивать надо!

— Верное дело, — подтвердил и Азиз-ака. И повернулся к Шарафу. — Ну, Шараф, если не свернешь на другую дорогу и не сбавишь темпа, будешь ты пчелиный профессор. Мой сын, председатель колхоза, обязательно так бы сказал!

— Вот что, Нуритдин! Осмотреть надо место «грабежа», как говорит несравненный, досточтимый мой друг, обремененный пчелиной наукой Мирзо-султан Садык-бек, — голосом шахского придворного проговорил Азиз-ака и учтиво склонил голову.

— Дедушка, — улучив момент, опять заговорил Шараф, — можно мы тоже пойдем с вами? Один улей возьмем с собой и поставим его там?

— Согласен, — улыбнулся дедушка,

— Опять туда идти, — захныкал Саша, отправляя в рот ложку с медом. Арменак хотел что-то сказать и, видно, резкое, но Шараф взглядом остановил его. Не годится же при взрослых ссориться!

— Ты здесь останешься, Саша, дежурным по лагерю будешь.

Решили выйти завтра с рассветом, чтобы без ночевки в горах засветло вернуться обратно.

Время до вечера ушло на сборы. Улей разобрали, увязали его в заплечные мешки — так удобнее нести.

...Рассвет еще только угадывался, когда группа покинула лагерь. Жучка весело бежала впереди. Спустились к реке и шли низом. По верху был когда-то проложен овринг, но мощная лавина снега срезала его, будто гигантским рашпилом начисто оскоблив скалы.

Тропа, навиваясь, ползла по стенам, осыпям, круто поднимаясь вверх, лепилась по карнизам над бездонными обрывами, вышагивала по ступеням, высеченным в скалах.

— Идем точно по графику, в пути уже два часа, — заметил Арменак. — Пора делать привал.

Расположились на небольшой площадке, только-только поместиться всем. Садык-ака, несший провизию, разо-

стлал скатерть, выложил продукты. Все дружно принялись за еду.

Отсюда, с высоты, хорошо были видны и их тропа к реке, и место рыбалки с «мраморной ванной», как ребята прозвали заливчик, где купались. Шараф узнал и место переправы седобородого,

— Значит, где-то под нами и тот грот, куда странный старик тогда прятал турсук и где мы нашли оружие... А вон за той грядой и сухая чинара с медом, — показывал Шараф спутникам знакомые места.

— Ну, пора и в путь-дорогу, — бросил Теплов, навьючивая на себя рюкзак.

...Ребята как ни просили стариков переложить к ним часть груза, ничего не получилось.

— Ваш — нам давайте, пожалуйста! — хитро переглянулись старики. Гриша только улыбнулся и ничего не сказал. Как и в прошлый раз, назад решили идти — низом. Теплову необходимо было осмотреть грот, где ребята тогда ночевали и нашли оружие. Да и с самим оружием тоже нужно будет познакомиться.

Звонкий лай Жучки только что раздавался рядом, за скалой, а теперь она голосила в каменном распаде, вплотную подступившем к тропинке.

И вдруг ее заливистый лай стих.

— Почему не слышно Жучки? Где она? — спохватился Шараф. Остановился, окликнул. Позвал громче.

— Дядя Садык, Гриша, подождите, пожалуйста! Я Жучку поищу. Она куда-то пропала... Вот только что лаяла... — Остановился, сбросил рюкзак, тревожно оглядел товарищей.

— Иди, — согласился Азиз-ака, присаживаясь на камень.

— Вместе пойдем, Шараф, подожди, — сказал Теплов, тоже сбрасывая ношу.

Шараф почти бежал впереди, не переставая окликать Жучку. На повороте оступился, ухватился за кусты, чтобы удержаться, и вместе с кустом стал скользить вниз.

— Гриша! — еще успел крикнуть он, цепляясь за выступы, какие-то корни, и почувствовал, что остановился.

Рядом послышалось радостное повизгивание Жучки.

— И тебя угораздило сюда сорваться!

Шараф сел.

«Легко отделался» — подумал он, ощутив себя и убедившись, что, кроме ссадин на руках да дыр на штанах, ничего нет.

— Шараф! Где ты? — донесся сверху взволнованный голос Григория. — Живой?

— Живой. Удачно приземлился. Жучка тоже здесь, — отозвался Шараф со дна каменного колодца.

«Глубина, пожалуй, метров десять. Стенки — гладкие. Без помощи отсюда не выбраться», — невесело подумал Шараф.

И снова услышал Теплова.

— Шараф, жди! Я быстро, за веревкой!

— Иди! — донеслось из колодца. Глаза Шарафа постепенно привыкли к темноте. Сначала он решил, что свалился в каменный мешок, но, присмотревшись, увидел на стене, противоположной той, по какой он скользил, выемку около метра в диаметре. Подполз к ней. Лаз отлого уходил вниз. Любопытство преодолело страх.

— Посмотрим, что там такое... Жучка здесь и Теплов рядом... — проговорил Шараф, на четвереньках продвигаясь по лазу. И, словно по ледяной горке, заскользил вниз. Упав на руки, он увидел, как в темноте что-то сверкнуло, кажется, клацнуло зубами и бросилось в глубь пещеры! И оттуда тут же донесся хриплый тяжелый стон.

Шараф не был трусом, но тут он почувствовал, как под тибетейкой зашевелились волосы и по спине побежала холодная дрожь...

Подземелье

Печальная весть об упавшем в колодец Шарафе, которую принес Теплов, мигом сорвала всех с места. Путники

бросились к злополучному темному зеву, на ходу развязывая рюкзаки и доставая веревки.

— Шараф! — громко крикнул Арменак. Теплов тоже присел у провала на корточки, сложил ладони рупором. — Шараф! Где ты? Шараф!

Ответа не было.

— С ним что-то случилось, — со слезами в голосе говорил Арменак. — Спускайте меня туда!

— Нет! Зачем? Я сам полезу, — ответил Григорий. Привязал веревку к корням низкорослого дерева, вросшего в расщелину скалы, моток бросил в темноту и принялся спускаться. Напуганные происшествием старики не произносили ни слова. Через несколько минут услышали голос Григория.

— Шарафа здесь нет, куда он мог... — Голос неожиданно оборвался.

— Гриша! Почему молчишь? — срывающимся голосом закричал Азиз-ака.

— Гриша! — гаркнули все разом. Из глубины чуть слышно донеслось:

— Не беспокойтесь! Но веревка нужна длиннее! Эта коротка!

Теплов достал зажигалку, из блокнота вырвал несколько листков, зажег. При слабом свете осмотрел подземелье. Рядом с уступом, на котором он примостился, вырисовывалось черное пятно. Видно, что туда и свалился Шараф. Посветил ближе. Без веревки туда не опуститься. Григорий усмехнулся: «Вот и оказался в положении пассажира в лифте, застрявшего между этажами».

Веревка болтается высоко над головой, не достать.

— Веревку отвяжите и сбросьте сюда.

Арменак по-своему понял это приказание. Ни слова ни говоря, схватился за веревку, обжигая руки, заскользил вниз. Почувствовав опору, отбросил веревку.

Вглядываясь в полумрак колодца, опять крикнул:

— Гриша, Шараф! Где вы?

— Здесь, — слышалось откуда-то снизу. Арменак сделал шаг в сторону в направлении голоса и, оступившись, пополз вниз.

— Еду к вам, ловите!

— Ловлю! — отозвался Теплов.

— Где Шараф? — ничего не видя, кричал Арменак. — Где Шараф?

Встал на ноги. Григорий, держа его за руку, приказал не двигаться.

— Нет его здесь. Видно, дальше съехал. Рядом яма, осторожно.

Сверху что-то кричали. Не понять.

— Веревка нужна! Веревка! — отозвался Теплов. — Веревка!

Затем все смолкло. Только сверху продолжала сыпаться мелкая галька.

— Что делать? Там Шараф, может, он разбился, — захныкал Арменак, показывая вниз. Его воображение нарисовало страшную картину: Шараф лежит с разбитой головой, истекая кровью...

— Я полезу вверх за веревкой, а ты стой, не двигайся, — сказал Григорий и, шаря руками, стал карабкаться вверх.

— Вот и я... Вот и веревка... — услышал рядом Арменак голос Теплова. — Теперь я пойду ниже, а ты пока жди. На, держи веревку! Если там внизу безопасно, я тебя встречу, смелее опускайся...

— Давай, Арменак, здесь спуск, как на детской площадке! Прелесть! И пол ровный!

Арменак не заставил себя ждать.

— Что же будем делать, Гриша? — схватил он за рукав Теплова.

— Как что? Конечно, Шарафа искать! Ш-а-ар-а-а-ф!

Подземелье заохало, застонало, на все лады повторяя имя исчезнувшего мальчика.

— Гриша! — снова схватился Арменак за рукав. — Ты слышал? Шараф отозвался! Значит, он где-то здесь. Пошли скорей! Вон там, кажется, свет!

Теплов всмотрелся, куда показал Арменак. Впереди дрожало рыхлое мутное пятно.

— Пошли, — решительно произнес Григорий.

Они шли, осторожно ощупывая «пол» пещеры ногами, В такой темноте нетрудно и вниз сорваться. Открылся коридор, полого уходящий вниз. Тут опять откуда-то послышался голос,

— Слышишь? Опять кричит Шараф, — понизив голос до шепота, остановился Арменак.

Но как они ни вслушивались, вокруг была мертвая тишина.

Шли, изредка подсвечивая спичками.

Но вот отчетливо послышалось журчание воды. Еще поворот — сразу посветлело, подземный ход расширился, перерастая в пещеру. И рядом неслась река. Григорий и Арменак, жмурясь от света, увидели внизу «мраморную купальню».

— Вот здорово! Как близко до лагеря! А какой крюк наверху делали!

— Скорей в лагерь, Арменак! Фонари возьмем, веревки и быстрее назад. Шараф в подземных лабиринтах и заплутаться может! Пойдем скорей!

Спустились к реке и по знакомой тропинке направились к лагерю.

Нуритдин-ака что-то мастерил под навесом. Завидя идущих, бросился навстречу.

— Что случилось? Где Шараф, старики? Почему вы с этой стороны идете? Рассказывайте, что случилось?

Нуритдин-ака в упор глядел на Григория, с волнением ожидая ответа. Из палатки выбежал Саша с книжкой в руках.

— ...Волноваться не нужно, дедушка, — закончил Теплов свой начальный, короткий рассказ. — Все в порядке будет, — снова повторил он.

— Что же вы стоите? Берите веревки, фонари! — бросился пасечник к палатке.

— Дедушка! Вы оставайтесь, — преградил ему дорогу Саша. — Ну, куда вы по горам пойдете... — замялся он, ища подходящее слово, чтобы не обидеть инвалида, — и выпалил: — ...на больной ноге.

— Оставайтесь, мы сами все сделаем, — поддержал Сашу Григорий.

Старик молча опустился на скамейку.

...Теплову не пришлось торопить мальчиков. Обеспокоенные судьбою своего друга, они, словно горные козлы, скакали по камням.

«Того и гляди сорвутся», — беспокоился Теплов, но одергивать их не мог: он понимал ребят.

Старики сидели у той же воронки, куда свалился Шараф, рядом лежала огромная, метра в два, кобра.

— Под руку подвернулась, вот Садык-ака и выместил на ней свое зло, — на молчаливый вопрос Теплова ответил Азиз-ака.

— Потом возьмем ее с собой... В школе пригодится, — шепнул Арменак Саше.

Первым в колодец спустился Теплов, за ним — Арменак. Сашу встретили уже вдвоем. Зажгли фонарь. Не задерживаясь, переправились ниже и остановились.

Где Шараф? По какому ходу он пошел?..

Оставшись один, Нуритдин-ака не находил себе места. Тревога о внуке ни на минуту не оставляла его. Хотя Шараф и отличный скалолаз, но мог упасть, разбиться. Да мало ли что может случиться в горах! Тем более, в пещерах. Без света и заблудишься в этих страшных подземных лабиринтах.

Деду Нуритдину, прожившему всю жизнь в горах, не раз приходилось лазать в подземелья, которые за тысячелетия выдолбила вода. Бывал в огромных подземных полостях, где могло разместиться стадо баранов в тысячу голов, где свободно стать современный, четырехэтажный жи-

лой дом. А много ли места нужно, чтобы спрятать, навсегда спрятать юношу? Совсем еще мальчика...

Старик не видел кружащихся над годовой пчел, не слышал тяжелых вздохов выкипающего чайника.

Как помочь Шарафу? Поднялся, вбежал в палатку, вытащил из сундука сделанный в Ленинграде протез. Хороший был протез, берег его старик...

Азиз-ака ничуть не удивился, увидев друга. Пчеловод подошел к яме.

— Шараф там? — только и спросил он. Азиз-ака утвердительно кивнул головой.

— Садык тоже там... И ребята.

Он помог Нуритдину спуститься в каменную яму, а сам остался дежурить наверху.

Встреча в кромешной тьме

Ушибов Шараф не почувствовал, настолько он был напуган. А тут опять две светящиеся точки с шумом стали приближаться к нему. В лицо пахнуло легким ветерком, что-то больно ударило мальчика по голове. Совсем близко он увидел округлые, точно фонарики, глаза, услышал хлопанье крыльев. Из груди вырвался вздох облегчения. «Ох, да это только сова! А я, кто знает, что подумал! Вот так напугала проклятая. Но где я?»

До боли в глазах вглядывался по сторонам. Как на проявляемой фотопленке появилась галерея с изломанным высоким потолком, изрытыми стенами. «Типичное подземное русло временных потоков. И Жучки нет... Неужели погибла? Или не рискнула броситься за хозяином и осталась там, выше?.. А этот неведомый пещерный обитатель бросился в ту сторону, значит, там выход», — подумал Шараф.

«И еще... Он бросился от меня, а не на меня... Значит, боится человека, значит, он, этот пещерник, слабее... Так чего же мне бояться его? Тем более, скоро друзья придут на выручку. А там...»

Что там — Шараф не успел додумать. Кто-то большой, тяжелый сзади навалился на него, стиснул горло, с силой швырнул на землю. Пришел он в себя от света, больно ударившего по глазам. Хотел встать — веревки на руках и ногах впились в тело. Он связан. Пленник. А кто же схватил его? Кто это там сидит с кальяном в руках? Цветастый халат... Чалма... Только почему зеленая?

— Дедушка! Вы меня знаете! Зачем связали? Я же с паеки! Вы у нас были! Я внук Нуритдина-ака!

Старик молчал, с ненавистью глядя на пленника. Веки сошлись в прищуре. Подошел к очагу. Из коробочки от чая что-то насыпал на ладонь, несколько раз перебросил из руки в руку над огнем, потом старательно прилепил изнутри к медной чашечке трубки. Поднес уголек, жадно затянулся, еще, еще... Опустился на землю, откинувшись к стене, так что борода копьем нацелилась на Шарафа.

И в это время вдали послышался чей-то призывный крик. «Кажется, Григорий...» Значит, друзья недалеко... Может, старик заснет... Он же анашу, наверное, курит...»

Но старик отбросил трубку, совсем по-молодому поднялся, схватил Шарафа за ногу.

— Сюда! Сюда! Гриша, Арменак! — Шарафу казалось, что он очень громко крикнул.

Старик орлом на ягненка навалился на мальчика, за толкал ему в рот какую-то тряпку и опять потащил дальше. Протиснувшись в боковое отверстие, протащил за собою Шарафа, камнями завалил проход. Затылок у Шарафа саднило, видно, была содрана кожа, хозяин страшного подземелья с хрипом продолжал тащить его. Наконец, старик отпустил ногу пленника. Мальчик открыл глаза. Огромный светлый грот, напоминающий цирк. Это сходство еще усиливали почти правильной геометрической формы сталактиты. Откуда-то с силой бил солнечный свет. На деревянных кольях, вбитых в щели, снопами висели высу-

шенные травы, рядом — чучела птиц, зверей. На металлической треноге подвешен закопченный котел, у стены, на камнях — магнитофон, радиоприемник. «Современный колдун! Сказать кому — не поверят!»

Старик метался по своей «лаборатории», что-то бормоча.

Совсем рядом послышалось призывное, тревожное: «Ша-а-р-а-ф! Шараф!».

Старик бросился в тоннель. Шараф остался один. Голоса друзей придали Шарафу силу, уверенность. Только бы освободиться от кляпа, сорвать веревки, врезавшиеся в тело! Царапая лицо о шершавый камень, Шараф что есть сил работал языком, челюстями и, наконец, освободился от тряпки. Теперь бы снять путы! До узлов не дотянуться, они — на спине. Может быть, удастся перетереть о камень? Нет, не получится, только в кровь изодрал запястья рук. Перевернулся на бок, с методичностью маятника стал напрягать и расслаблять мускулы. Кажется, поддается веревка!

Сколько времени прошло, он не знал.

Только увидел перед глазами окровавленные, казавшиеся чужими руки.

«...Пусть чужие... Они тоже могут освободить... затекшие ноги... Тогда он уйдет от страшного старика... Нет, не уйдет! Они схватят его с друзьями! Кто ему дал право мучить советского школьника?» — словно в бреду шептал Шараф.

И словно в ответ на его вопрос, раздался хриплый крик, в пещеру с кривым ножом в руках вбежал старик. Увидев Шарафа, стоящего на ногах, он зарычал, как пещерный медведь, и бросился на пленника...

Григорий прокладывал дорогу, за ним, держась за веревку, осторожно переставляли ноги Садык-ака, Саша и Арменак. Вдруг Теплов негромко крикнул, что видит свет. Все остановились, осмотрелись. Вдали, точно в дымке, белел проем. Никто не видел, откуда неожиданно выскочила Жучка, с радостным визгом бросившаяся в ноги Арменаку.

Она принялась прыгать, ластиться к людям, то убегая вперед, то возвращаясь.

— Она дорогу показывает. Видите, как торопит! — заметил Теплов. — Давайте прибавим ходу!

— И вправду она волнуется, — поддакнул Арменак.

— Шарафа чует. Хорошая собака никогда не ошибается, — шепнул Садык-ака.

Теплов остановился, поднес ладони ко рту.

— Ш-а-р-а-ф! Ш-а-р-а-ф!

Будто не доверяя голосу человека, громко залаяла Жучка, снова бросившись вперед. Группа едва успевала за ней, боясь отстать и в то же время рискуя встретиться с новыми неожиданностями таинственного подземелья.

Еще несколько шагов, и они очутились на балконе. Этот естественный скальный выступ природа расположила на недоступном утесе и замаскировала его густым ковром ши-

повника. Многометровая поросль упрямо тянулась вверх, водопадом низвергалась вниз. Раздвинув живой занавес, ребята увидели и свою мраморную ванну-«купалку», заводь и перекат, где ловили рыбу. На той стороне видна и тропка, ведущая от реки. Отсюда она совсем не кажется крутой. И даже стремительная река, огибающая каменные исполины, на этот раз не так сердито трясла белой пышной гривой.

Собачонка продолжала метаться у завала. Просяще поглядывая умными глазками на людей, она царапала лапками стену, тывкала, словно просила помочь ей отбросить камни и открыть проход. «Зря она не будет так беситься», — подумал Григорий и подошел к завалу.

— Посмотрим, что здесь такое... Посмотрим, куда ты просясь... — проговорил он и принялся отбрасывать камни.

— Ребята, крикнем Шарафу. Он должен быть где-то рядом: собака чувствует что-то, — обратился Теплов к товарищам.

По счету «три» все хором крикнули:

— Ш-а-р-а-ф!

Многоголосое эхо ринулось в ущелье.

Принялись разбрасывать завал, Жучка тоже с остервенением скребла когтями камни. Вот показалась небольшая лазейка, собака нырнула в черную дыру, и ее звонкий лай тут же послышался за стеной.

— Там пустота. Слышите, какой резонанс? — сказал Григорий. — Поднажмем, ребята! Наверняка, Шараф там.

Работа закипела с новой силой. Камни, словно из катапульты, летели от стены, все больше и больше обнажая проход.

Несколько метров пришлось преодолеть на четвереньках. И глазам друзей открылся подземный замок старика, где совсем недавно лежал связанный Шараф. Но где же он? Чучела птиц, высушенные змеи молча смотрели на пришельцев. Они были свидетелями развернувшейся здесь трагедии, но продолжали хранить тайну... Где Шараф? Григорий, схватив большой камень, принялся обстукивать стены. В самом темном углу гранит отозвался пустотой. Теп-

лов стал прощупывать каждый сантиметр глыбы, и она послушно повернулась, будто приглашая его войти.

Почти правильной формы пещера. Откуда-то сверху, длинными нитями, просачивается дневной свет. Прислоненные к стене стоят запыленные винтовки, рядом сложены клинки, конская сбруя. На вбитых крючьях — расшитые, с пожелтевшим золотом халаты, на массивных сундуках — пудовые замки.

Друзья и не подозревали, что стоят в том самом гроте, где почти пятьдесят лет назад верные эмиру Бухары Сейид-Алим-хану люди спрятали секретную канцелярию эмирата и часть сокровищ...

Даже хороший протез — в горах плохой помощник. Старый пасечник с большим трудом спустился вниз к реке, и в отчаянии остановился. Раньше он и не подумал совсем: как будет переправляться через бурную реку? Лодки нет, а если бы и была, здесь она своей службы сослужить не может. А что нужно искать внука на той стороне, дедушка почти не сомневался. Недаром же тот незнакомый и странный старик переправился туда. «Попался бы только он мне в руки!» — заскрипел крепкими зубами Нуритдин-ака и увидел... таинственного горца, сидящего у самой воды. Тот делал ему жесты рукой, подзывая к себе.

— Вот, мулла-ака, возьмите, — протянул старик надутый турсук. — Держитесь за верблюжий горб, вылезайте там, куда вынесет.

Нуритдин-ака взглянул на противоположный берег, чуть ниже по течению увидел причудливое нагромождение скал, действительно напоминающее собой верблюда, и, не задумываясь, шагнул в воду...

Увидев над собой занесенный нож, Шараф с испуганным криком метнулся в проход, откуда только что вбежал старик. Ударившись головой о низкий свод, он упал на руки. По лбу поползло что-то живое, горячее...

«Только бы не потерять сознания! Только бы не потерять сознания... — настойчиво сверлила мозг одна и та же мысль. — Тогда... конец...»

В следующее мгновение Шараф уже мчался вперед. За собой он слышал совсем близкий топот и шумное дыхание, почти физически ощущая между лопатками холодное жало ножа. Шараф бежал на свет, но все равно, когда перед ним нестерпимо ярко сверкнуло солнце, он остановился как вкопанный, будто ударившись грудью о невидимую преграду. Но избавление от подземелья не избавляло его от неминуемой опасности: дальше бежать было некуда — небольшой балкон, длинные лапы-щупальцы шиповника, а там, внизу, пропасть, острые камни, беснующаяся река... Там — смерть! И здесь — тоже смерть!

Торжественный победный крик, блеск стали над головой, бешеные, налившиеся кровью глаза старика, размотавшаяся зеленая чалма...

Даже не думая, что он делает, Шараф прыгнул в сторону, протянул руки шиповнику, будто моля его о помощи, и почувствовал под ногами пустоту. В руки впились десятки острых ножей, кованые каблуки выплясывали на боках, спине, груди мальчика. С диким, леденящим душу воем мимо пронеслась зеленая птица...

И все стихло.

— Не выберусь... Не выберусь... Зацепиться не за что... Унесет сумасшедшая река, и внучонку не поможет... — обескровленными губами шептал пасечник, совсем явственно ощущая, как застывает кровь в жилах: вода в горной реке только что льдом не покрывается. Дедушка, выбиваясь из сил, перебирал руками под водой, в надежде хоть за что-нибудь зацепиться, не дать реке унести себя туда, откуда никто не возвращается. И руки сами на что-то наткнулись — гладкое, отполированное. Река не хотела расставаться с облюбованной жертвой, упорно тянула за собой. Но под ногами оказались вырубленные в скале ступеньки. Усилие, еще — и, уже когда казалось, что совсем не осталось сил

бороться с не знающей пощады рекой, дед почувствовал грудью горячую, желанную землю.

«...А это что такое блестит прямо перед глазами?» — протянул руку, подтащил к себе блестящий предмет. Кривой нож, турецкий ятаган. На нем капельки запекшейся крови... «Чьей? Уж не Шарафа ли?»

Вскинул вверх к скалам глаза. Метрах в десяти-пятнадцати над землей, чудом зацепившись за вывороченные корни давно отжившего дерева, висело безжизненное тело.

Не узнав, но сердцем почувствовав, что это его внук, старик закричал что было сил и не услышал своего голоса...

«Это он. Он!»

Пчелы старательно выводили свою привычную мелодию.

«Почему пчелы? Откуда пчелы? Где я? Что со мной? Где старик с ножом?..» — Шараф открыл глаза. Над ним знакомый навес, чуть поодаль зеленеет палатка. А рядом... Рядом — дедушка... Ребята, Теплов... — «Как они здесь очутились? Метнет... Как сам Шараф здесь очутился?»

Лучом света в кромешной тьме промелькнуло все недавнее, страшное. Только теперь Шараф понял, какая зеленая птица тогда пронеслась рядом. И он заговорил, мучительно напрягая мысль, глотая с огромным трудом подобранные слова.

— Там... в реку упал старик. Он гнал за мной... с ножом... Это... он... был... был зеленой птицей...

Дедушка тихонько сжал руку внуку.

— Не надо говорить, не надо! Потом все расскажешь. Потом...

Уж кто-кто, а он знал, что эта река никогда не отдает своих жертв...

Теплов отошел, сел за деревом, рассматривая найденный пасечником клинок. Эфес инкрустирован платиной, золотом, драгоценными камнями, на стальном полотне — высеченные арабские письмена.

«Немало лет ему... Но как он попал сюда, в горы, вместе со своими собратьями?»

Дедушка промыл царапины, густо покрывшие все тело Шарафа, какими-то настоями из трав, перевязал его, предварительно приложив к ранам «самое лучшее лекарство» — майский горный мед.

— Слава аллаху, переломов нет, — только и повторял он, вспомнив давно забытого аллаха, — а с этим мы быстро справимся.

Уже к утру Шараф настолько хорошо почувствовал себя, что хоть снова отправляйся в горы.

Друзья, спрятавшись за палаткой, давно уже поджидали, когда проснется Шараф. И, увидев, что он ворочается, мигом оказались рядом.

— Вот молодец, Шараф, что быстро поправился, — осторожно обнимая друга, ликовал Сапа. А Арменак только пыхтел и протягивал Шарафу огромную кобру.

— С собой возьмем... в школу... в биологический кабинет... Вот как только сохранить ее, чтобы не испортилась? — И Арменак растерянно похлопал глазами.

Шараф улыбнулся.

— А мед зачем? Это же самое лучшее средство! Так забальзамируем твою кобру, тыщи лет пролежит.

— А дедушка даст мед?

— И мед даст, и флягу... Он же добрый! А для такого экземпляра ничего нельзя пожалеть. Такие кобры встречаются редко и водятся, в основном, только в Индии. Их называют «королевскими»...

К радости школьников, Нуритдин-ака разрешил взять и мед, и бракованную флягу.

— Раз нужно для науки, для пионеров и комсомольцев, берите. Давайте я вам помогу...

— А теперь пишите письмо в школу, что с ней там делать... — приказал он ребятам, когда змея очутилась во фляге. — Мы ее с первой же оказией отправим в город.

Письмо Ивану Степановичу — преподавателю биологии, сочиняли все вместе. Просили змею положить в пустой аквариум, что стоит в углу, заспиртовать ее, мед выбросить, флягу сдать в металлолом.

Вечером, по обыкновению, все собрались у костра, договорившись, что про события последних дней не будет сказано ни слова, пока Шараф окончательно не поправится. Тем более, о гибели страшного старика.

А говорить больше ни о чем другом не могли. И сидели молча, наблюдая за жадными языками пламени, с треском и хрустом пожиравшими сухой хворост.

Вдруг Жучка сердито заворчала, шерсть у нее дыбом поднялась на загривке, и со злобным лаем собака бросилась в темноту. И в тот же миг в отблесках костра, как из-под земли, появился старик. Он в неизменном халате и белой чалме, в руках — большой и, видно, тяжелый узел.

— Это он! Он! — в ужасе закричал Шараф. — Хватайте его! Он хотел убить меня!

Словно подкинутый пружинами, Теплов вскочил, сунул руку в карман и сделал шаг к неожиданному пришельцу. Тот спокойно поднял руку, останавливая его.

— Я — не он, — тихим голосом произнес старик и опустил узел на землю.

Нуритдин-ака молча показал гостю на кошму, протянул пиалу с чаем. «Как же так? Упасть со скалы в реку, значит побывать на том свете. А с того света не возвращаются...»

Но гостю вопросов не задавали. Ждали, что сам скажет. Было тихо. Только потрескивал костер, да с гор доносилось уханье филина.

— Бисмилля-ар-рахман-ар-рахим — во имя бога милосерднейшего милосердного! — прошептал загадочный горец. Нуритдин-ака опять протянул ему наполненную до половины пиалу. Старик молча принял ее, сделал маленький

глоток, оглядел всех отсутствующим взглядом, поставил пиалу перед собой, опустил низко голову, закрыл глаза.

Казалось, что он так и заснул, сидя. Но старик вдруг заговорил, не поднимая глаз, будто не кому-то он рассказывал пережитое и прожитое, а для себя перелистывает страницы долгой жизни.

...Февраль был теплым, а в начале марта в диких горах Восточной Бухары вдруг круто похолодало. Над горами плыли низкие тучи, высеивая крупный снег. Тропы занесло. Хребет Сарсорьяк, горы Ак-Тау спрятались за плотной белой пеленой. Полновластным хозяином по земле носился пронзительный, холодный ветер.

Измученный долгим и трудным переходом, непогодой караван Сейид-Алим-хана, растянувшись на узкой тропе, продвигался очень медленно. И люди, и кони шли, что называется, на пределе.

Привыкшие к горам выючные животные выбились из сил на обледеневших каменистых тропах.

На сером в яблоках жеребце, покрытом тигровой шкурой, ехал Сейид-Алим-хан. Конь — сильный громадный красавец легко нес хозяина, одетого поверх обычной одежды в соболевый тулуп.

Впереди, сзади бухарского владыки сотни отборных конников-джигитов — охрана эмира. Свирепые телохранители на чистокровных карабаирах и кашгарских иноходцах прокладывали повелителю дорогу.

Сквозь дикое завывание слепящей метели донеслись громкие, встревоженные голоса.

Эмир Сейид придержал повод, чуть повернул голову. Подлетел юзбаши, доложил:

— В пропасть сорвалась лошадь с продовольствием и два человека.

Повелитель сурово свел брови, глаза сузились, шпоры впились в запавшие бока коня.

— Вперед! Никаких остановок! Только вперед! — властно крикнул он.

Юзбаши так перевел для себя эмирский приказ: сорвавшихся с тропы, отставших, замерзающих оставлять на волю аллаха.

— В-пе-е-ред! — пронесся приказ по колонне.

Беглецы безжалостно гнали животных. Красные шли по следу. Где-то с грохотом сорвалась снежная лавина, точно гром прогремел в суровых горах.

Дозорные миновали шаткий мост. Прядая ушами, прикусывая удила, прошел и конь эмира. Уже добрая треть каравана миновала переправу, как за пеленою снега раздались выстрелы. И тут же горы задрожали от грозного — «У-р-а-а!». Казалось, сами скалы шли в бой на остатки когда-то могучего воинства эмира.

На мосту — пробка, давка, вопли. В пучину, рычащую стоглавым зверем, падали яки, лошади, люди. Их тут же уносил ледяной поток.

Эмир, чувствуя свое бессилие, и не пытался организовать оборону. Отдав приказ уничтожить мост, он, бешено нахлестывая плеткой коня, не оглядываясь, умчался вперед.

Позади ухнул взрыв. Люди, кони, остатки моста взлетели в воздух.

За яростным воем ветра предсмертный вопль сотни людей почти не был слышен. Ветер и оплакал их, и сотворил прощальную молитву. Его слышали одни каменные исполины в накинутых на плечи снежных саванах.

Памятуя приказ повелителя: умереть, но сохранить секретные документы эмирата, начальник канцелярии домулло Хасан-хан в суматохе на мосту незаметно увел с десятков навьюченных яков за скалы. Следы их укрыла густая завеса снега.

Под вечер снегопад прекратился. Выбрав защищенную скалами площадку, беглецы решили заночевать. Слева — отвесные суровые скалы тонули в облаках, справа — мрачное ущелье. Там глубоко внизу неся свирепый Вахт. Голодные, уставшие животные жались к скалам. Люди промерзшие, голодные, злые сидели в укрытии, прижавшись друг к другу.

Хасан-хан — в волчьем тулупе, на голове теплый киргизский малахай.

Брат его — точная копия, и одет так же. Даже хорошо знавшие их приближенные эмира и те путали близнецов. Помимо внешности, и судьбы у братьев были схожи во многом.

Мать их — одна из многочисленных наложниц эмира.

Но эти близнецы, видимо, родились под счастливой звездой, хотя их и воспитывали не при дворе.

Семи лет братья-близнецы начали учиться в мужской гимназии Самарканда, а потом они продолжали учебу в Санкт-Петербургской Военно-медицинской Академии. Окончили они ее вскоре после смерти отца — эмира Абдуллы-хана.

Новый эмир Бухары Сейид-Алим-хан встретил кровных братьев с распростертыми объятиями, что называется, с головой окунул их в заполненную оргиями жизнь эмиратского двора.

Но недолго она была такой.

Война, революция, падение Бухары, побег... И вот — почти итог: ночь, дикая стужа, голод, горы, бесноватый Вахш, в ушах — дикие вопли летящих в бездну вместе с мостом людей.

За долгую зимнюю ночь братья так и не обмолвились ни словом. С рассветом двинулись в глубь Сарсорякских гор.

В поисках тайника вперед были высланы верные люди. Из пятерых вернулись только двое, остальные вместе с лошадьми сорвались в пропасть.

Но место найдено. Обнаружить его чужому глазу невозможно.

...Весну того безжалостного к эмиру 1921 года в горах, у тайника, встретили только братья-близнецы. «Никаких лишних глаз, никаких лишних ушей» — таков был приказ эмира. И их спутники во славу аллаха и эмира «отошли в лучший мир». От голодной смерти братьев спасли яки, доставившие к тайнику сокровища эмира. С наступлением

весны однообразный стол их пополнился съедобными травами, корнями.

Надежно спрятав эмирское имущество, они стали ожидать, когда повелитель вспомнит о своих кровных братьях и соратниках. Оружия, боеприпасов было вдоволь, промышляли охотой.

Но среди имущества владыки оказался и гашиш. Один из братьев и пристрастился к нему. И особенно заметна была эта новая страсть после того как он несколько раз побывал там, внизу, где жили люди, давно забывшие и про эмира, и про старую Бухару и никогда не знавшие двух его братьев...

Старик замолчал, видимо, переворачивая в памяти стершиеся, пожелтевшие страницы прошлого.

Протянутая Нуритдином-ака пиала, по которой он несколько раз щелкнул ногтем, вернула на землю старика из заоблачных вершин воспоминаний.

— О аллах всемогущий! О люди, нет бога, кроме бога, а Мухаммед — пророк его! Разбился и утонул мой брат! Этот человек и был эмирским начальником канцелярии, грозным Хасан-ханом. — Старик передохнул и продолжал:

— Близнецы мы, и были настолько похожи, что нас всегда путали. Сейид-Алим-хан, бывший эмир Бухары, нам родной брат по отцу. Многих отправил к аллаху мой брат. А теперь сам разбился и утонул. Да, утонул, — повторил он, оглядев сидящих. — Видел, как он упал в воду... И он видел, — показал старик на Шарафа. — Больше никто. Искал я брата, вниз по реке ходил. Хотел земле предать его, как подобает настоящим мусульманам. Нет его, значит, так аллах принял...

Только теперь Шараф понял: тот старик, в подземелье, был другой человек. Но какое сходство! Рост, черты лица, цветастый халат, пышная чалма. Но на том старике чалма была зеленого цвета. Шараф смотрел, не отрывая глаз, смотрел на гостя, внимательно слушая его рассказ-исповедь.

— Были здесь мои старые дружки Ибрагим-бек, Энвер-паша и другие, — продолжал рассказывать старик. — Только какие они дружки оказались! Я — врач, хоть и зарыв-

ший свой талант в землю. А они — хищники, точно гиены, всегда скалили зубы, готовы были разорвать и проглотить самого Сейид-Алим-хана с его сокровищами, не то что друг друга!

Несмотря на поздний час, никто из сидящих у костра и не помышлял об отдыхе.

— Я это берег, — гость пододвинул свой узел, развязал его — Смотрите. Это собственность бывшего эмира Бухары. Но это неточная формулировка. Это — собственность народа. Повелитель велел сохранить и передать все только ему. Я хранил сокровища много лет. Теперь передаю народу. Не задавайте вопросов, почему я «перековался», как у вас говорят. Я все понимаю: я хан, брат эмира, у меня в крови сидит ненависть к простому народу... Нет, не быстро я «перековался», поверил я народу, полюбил его. Почти жизнь человеческая мне понадобилась для этого...

Даже в скупом отблеске затухающего костра всеми цветами радуги замигали, заискрились перстни, украшенные драгоценными камнями, женские украшения, часы, портсигары, брелоки, золотые монеты...

— Никому не давал, даже тем, кто именовал себя посланцем эмира. Хранил, а теперь отдаю. Это все было отнято у народа, оно и должно ему принадлежать. Постройте горцам больницу на эти деньги. Не смотрите, пожалуйста, на меня такими удивленными глазами, я здоров. Но я врач и знаю, что значит для людей медицина. Постройте здесь в горах для Нуритдина дом, какой он захочет. Дорогу сюда проложите. И я буду жить здесь, туда, в свой волчий дом, не пойду. Если, конечно, вы оставите меня... В гроте есть горячие источники, нужно курорт создать для народа. Доберемся и до лабиринтов подземелья, где в тайных пещерах, как говорят легенды, и поныне покоятся сокровища. Здесь, в горах, много дел, есть где разгуляться смелым и пытливым, вот таким, как вы, мальчишки!

Его глаза близоруко сощурились, подобтели.

— А я слаб был духом, не сумел вовремя распознать жизнь... Сколько десятков лет жизни сорвалось с узкой тропы в пропасть! Поздно понял все! Правда, и человек-то не

всегда свободен, когда выбирает свое место в жизни. Нередко его судьбу определяют обстоятельства... И все равно не могу себе простить...

— Ничего, что лицо в пыли, была бы душа чистая, — вставил Нуритдин-ака. Старик вскинул на него глаза.

— Нуритдин не кончал академии, а умнее меня оказался. Вам и жизнь в радость, а я — отщепенец, последний из могижан, если можно так сказать.

— Извините, доктор, — кашлянул Нуритдин-ака, — что перебиваю. В древности говорили: не многие знают, как много надо знать для того, чтобы знать, как мало мы знаем.

— Метко сказано, Нуритдин-ака, — согласился горец. — Жизнь — лучший учитель, она всегда скажет, кто прав.

...Все с неподдельным восхищением разглядывали чудесные творения древних мастеров.

А Теплов взял золотую монету. Кружочек из желтого металла, чуть больше двухкопеечной монеты. Четко виднелась надпись «Николай II, император и самодержец всероссийский. 1898 год». На обороте — «Пять рублей».

Шараф сбежал в палатку, принес клинок, тогда занесенный над его головой, попросил старика разобраться в арабских письменах.

Долго смотрел горец на затейливые росписи, покрывающие страшное оружие. Лицо старика стало мраморно-ледяным, он ссутулился, казалось, что на его плечи вновь навалились тяжелые воспоминания. Наконец, поднял голову, тихо заговорил.

— Велика его история. Наберитесь терпения и слушайте. Вы должны знать это.

Клинок был выкован в Самарканде в зиму с 1224 на 1225 год. Чингис-хан в тот год в Самарканде был вторично, после победоносного возвращения из Индии. В Самарканде он пробыл зиму. В 1227 году Чингис-хан умер во время похода на Тангун.

На клинке высечено: «От сыновей отцу Чингис-хану за взятие: 1215 год — Пекин, февраль 1220 год — Бухара, март, 1220 год — Самарканд, сентябрь 1220 год — Термез...» Что высечено дальше — прочесть невозможно, стерто, смыто

кровью людей... А чуть ниже идут имена бывших хозяев клинка. Видно, недоброй рукой выкован он был. Слушайте, какую страшную историю рассказывает нам клинок.

В 1336 году в то смутное время в городе Кеш-Шахри-сбзсе родился один из величайших завоевателей древности — Тимур-Тамерлан. Умер он в феврале 1405 года, в возрасте 69 лет. Больше всего поработал клинок, когда хозяином был Тамерлан. После его смерти клинок перешел к сыну Тимура — Шахруху. Шахрух передал оружие сыну — Улугбеку. В 1449 году этим клинком Улугбека обезглавил его сын Латиф. Спустя полгода им же был убит отцеубийца Латиф.

Затем клинок побывал в руках Абул-Хаира Шейбани.

Шейбани в сражении под Мервом в 1510 году погиб от своего же клинка, вложенного в руку шаха Ново-персидского государства Исмаила. Из черепа Шейбани шах сделал себе позолоченную чашу.

От шаха Исмаила клинок переходил из рук в руки. И вот свежая насечка арабской письменности гласит: «Меч, обогранный кровью потомков Чингис-хана, будет служить великому султану, полюсу мира и веры Амир-Тара-Ган». И дальше: «Неси высоко этот меч, сын мой, Сейид-Мир-Алим-хан.

Эмир Бухары Сейид-Абдул-Ахат-Тогадур-хан».

Молчание длилось долго, все находились под впечатлением услышанного. Конец ему положил Нуритдин-ака..

— Памир высок, но человек еще выше; ярко светит солнце днем, но человек светит и днем, и ночью; велик океан, но ограничен берегами, глубок, но имеет дно; а дух свободного человека — безграничен, не знает предела. Нет ничего выше, чем свободный от рабства человек...

Старику-горцу постелили спать под открытым небом, он сам попросил об этом. А Теплов зашел в палатку к ребятам, вытащил из чемодана небольшой радиопередатчик, коротко рассказал кому-то, кого он именовал только «товарищ полковник», о событиях последних дней.

— Вот и поговорил со своим отцом, — весело бросил Григорий ребятам, тщательно упаковывая передатчик.

Те молча переглянулись.

— Одного никак не пойму, — подошел Григорий к Нуритдину-ака. — Почему братья, находясь недалеко от афганской границы, не переправили груз за кордон. Тем более, что, начиная с 1921 года, несколько раз через границу прорвались басмаческие банды Энвер-паши, Ибрагим-бека. А головорез Селим-паша даже осаждал Куляб, пытался овладеть Душанбе, Пули-Сангинской переправой.

— А я не удивляюсь, — ответил Нуритдин-ака. — Они же мусульмане и свято выполняли наказ повелителя — все вручить только ему. Вот братья и ждали покорно часа, когда встретят самого эмира, пожаловавшего оттуда, — махнул пасечник в сторону границы, — за сокровищами. Но этого за сорок с лишним лет не произошло...

— И не произойдет никогда! — отрубил Шараф. — Всяким эмирам и ханам вход на нашу землю воспрещен!

— Правильно, сынок, — погладил дедушка внука по голове.

Утром, когда дружная компания сидела за завтраком, послышался шум машин.

— Запах бензина, шум мотора мешают пчелам, а все равно радуюсь гостям, — встретил Нуритдин-ака полковника Норматова.

Друзья обнялись. А Григорий в это время обнимал друтого полковника.

А Жучке не повезло на дружбу. Из кузова грузовой автомашины одна за одной спрыгнули три овчарки.

И как Жучка ни металась с лаем около своих сородичей, служебные собаки не обращали на нее никакого внимания.

...Группа полковника Теплова гостила на пасеке почти целую неделю. За это время перенесли ценности, бумаги из секретной канцелярии эмирата. Ничего не утаил седобородый Хусан-ака, как он представился гостям. Он указал, где находится известный ему потайной склад оружия Иб-

рагим-бека, откуда неслись и те дикие звуки. Его брат, действительно, голосом Имы Сумак на магнитофонной пленке, через два мощных репродуктора, замаскированных в расщелинах, наводил на горцев суеверный страх.

— А другие сокровища я не знаю, где спрятаны, только слышал, что они есть, — извиняющимся голосом сказал горец. — Будем искать вместе с молодыми помощниками. И найдем! Обязательно найдем. А, джигиты? — повернулся он к ребятам.

— Найдем! — в один голос ответили трое друзей.

Гробницы не всегда молчат

Костер догорал, сквозь пепел еле просвечивали тусклые глазки угольков. Горец взял палочку, разгреб серую горку. Примчавшийся ветерок полной грудью дунул на тлеющие угли, вспыхнуло легкое пламя, блики заиграли на высушенном годами и солнцем лице старика.

— Вот так и жизнь человеческая... — задумчиво произнес он. — Тлеет, тлеет — и вспыхнет... Ничего! — Уже совсем другим тоном продолжал старик: — Еще поживем! Еще сделаем кое-что! Проведу вас в горы, исследуем развалины сказочного храма. А вдруг и найдем что-нибудь?

— Не знают, видно, еще ученые об этом очень древнем храме, затеряншемся в горах, с его сложными подземными и наземными сооружениями. Построили его много веков назад. И как люди могли тогда возвести его — диву даешься! Нужно только уметь представить себе благоухающие висячие сады, лебедей, плавающих в искусственных озерах.

— А еще, рассказывают, — помолчав, продолжал Хусан-ака, — это было одно из самых страшных мест на земле. Так говорят легенды, которые горцы передают из поколения в поколение. Подземные лабиринты смерти с тайны-

ми темницами — каменными мешками, с пещерами пыток, со страшными склепами, куда заживо замуровывали людей, рассказывают, появились еще до Тимура.

Тысячи и тысячи лучших мастеров были согнаны сюда. И гибли они тоже тысячами. Людей не хоронили, их сжигали на кострах, а пеплом удобряли землю под будущие сады. В народе говорят, что деревья, которые там растут, потому и достигли таких невиданных размеров, что поднялись они на том пепле... А еще говорят, что под тем замком существует целый подземный город. При его строительстве были использованы естественные пещеры, пересохшие русла подземных рек. Забывшие про дневной свет рабы превратили пещеры в подземные дворцы с секретными лазами, ловушками, с дверьми из мраморных плит, открывающимися по одному только слову. Там, говорят, выстроена сокровищница, где покоятся награбленные еще Александром Македонским ценности.

Шараф видел, как Теплов сосредоточенно слушал старика, не задавая вопросов.

А седобородый, видно, был очень рад людям, рассказывая одну легенду за другой. И только изредка бросал тревожный взгляд на своих молчаливых собеседников; слушают ли они? Не устали ли? И морщины на его лбу разглаживались.

Решили, что в трудный поход к древнему и загадочному храму пойдет только молодежь во главе со старым горцем.

— А мы, старики, — подмигнул Садык-ака, — вам тут встречу хорошую готовить будем. Сколько, говоришь, дорога займет? Четыре дня и ночи? Вот и хорошо! Мы за это время молодого барашка откормим!

...Заросшая тропинка вихляла в густой тени ореховой рощи, то и дело ныряя в заросли фишашек и шиповника. А выскочит тропинка из рощи — и кругом буйная весенняя зелень. Яркий цветочный ковер так и манит к себе уставших путников. Немного выше — арчовые леса, так и не теряющие весь год свой темно-зеленый наряд. Шли, плечами раздвигая кустарник, ощущывая взглядом каждый ка-

мень, каждую трещинку на тропинке. Первый большой привал сделали на берегу горной речушки, чуть дальше прятавшейся в зеленом тоннеле. Из кустов то и дело взлетали жирные напуганные фазаны, кеклики, куропатки, уже сбитые в стайки.

В торжественном молчании к небольшому отряду вплотную подступали увенчанные белыми чалмами горы. Дедушка Хусан, несмотря на свой преклонный возраст, шел бойким, торопким шагом, подбадривая спутников. Еще один поворот — и все, словно по команде, остановились, с изумлением глядя на чудо природы — зеленый амфитеатр, обрамленный с трех сторон могучими горами. Там, утопая в зелени, виднелись едва различимые мрачные развалины некогда величественных строений. Даже щедрое горное солнце не могло развеселить их.

— Перед спуском — отдых! — Хусан-ака сбросил с плеч рюкзак, вытер пот с лица и шеи. — Здесь передохнем как следует.

Вынул из вещевого мешка неизменный коврик из волчьей шкуры, разостлал его, сел, подобрав под себя ноги.

— Отдыхайте, друзья!

Шараф распаковал рюкзак, достал термос, пиалы. Арменак разжег костер и на вертеле подогревал вареную баранину, что дедушка Нуритдин приготовил. Саша собирал хворост, Гриша, расстелив плащ-палатку, ломал лепешки, крошил пахучий горный лук. Обязанности были распределены заранее, и каждый споро делал свое дело.

...Когда дорога шла на подъем, продвигались медленно.

— А теперь вообще ползем, как черепахи, — недовольно буркнул Саша.

— Да, тут не разбежишься, — согласился старый горец. — Тот же шиповник не пустит. Да и падалицы много, того и гляди, как на лыжах заскользишь. А обильный урожай здесь собирают не люди, а звери. Шакалы и те любят спелые яблоки и груши.

— Смотрите, — смотрите! — остановился он. — Вон словно пещера в зарослях, видите? Это тропа диких кабанов.

Пробирались через вековой бурелом по звериным тропам, утоптанному копытами кабанов, приметными когтистыми лапами медведей, шакалов, барсуков, дикобразов.

Издали была видна только густая завеса виноградных лоз. А подошли ближе, и взглядам путешественников открылась замшелая стена, сложенная из гранитных глыб произвольной формы и самой различной расцветки. Подбор цветов, рисунок, расположение камней свидетельствовали о большом художественном вкусе неизвестных строителей. Гордое арочное перекрытие венчал клинообразный многотонный блок из розового мрамора с черными и золотыми прожилками. На нем с большим искусством был высечен барельеф шагающего буйвола с лицом человека и мощными крыльями. Вокруг барельефа — арабская письменность, поражающая зрителя ювелирным исполнением. Это, видно, и был главный вход в крепость.

Хусан-ака, словно совершая омовение, провел ладонями по лицу. Постоял, глядя в землю, что-то пошептал, еще раз провел ладонями по лицу. Заговорил, вернее, продекламировал:

Молчат гробницы мумии и кости, —
лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы, на мировом погосте
звучат лишь письма...

— Это Бунин, — пояснил он спутникам. — В Петербурге любил читать его, когда учился.

Через ворота с боковыми давно рухнувшими подсобными строениями вышли на площадь. Мертво. Неестественная тишина. Корни могучих деревьев вспучили, исковеркали мраморные плиты, устилавшие некогда площадь. Все заросло шиповником, диким виноградом, деревьями, густой травой. Кое-где возвышались толстые оборонительные стены, сложенные из тесаных, хорошо пригнанных массивных блоков, да руины охранных башен.

Ребята испуганно оглядывались. Подумать только! Сейчас они стоят на площади, где кипела жизнь и царила смерть

много сотен лет назад! На этих камнях и сейчас еще, может быть, сохранились следы их далеких-далеких предков! Только следы, а самих их давным-давно нет...

На развалинах крепостной башни изваяниями сидели, насупившись, хмурые грифы. Сидели и словно ждали своей очередной жертвы.

— Шараф! А они живые? — спросил Саша. И его шепот показался таким лишним на этой мертвой площади. Шараф ничего не ответил.

За площадью зеленел огромный шатер. Вот они — деревья-великаны! Это они выросли на том страшном пепле...

Теплов и ребята были поражены ростом деревьев. Вот пирамидальный тополь с диаметром ствола около трех метров. А чинары — и того больше — метра четыре и высота около сорока! Даже урючина не захотела отставать от своих соседей, вверх и вширь разбросив свои ветви метров на тридцать.

— Больше! — пытался опровергнуть подсчеты Арменака Саша. — Больше!

— Не спорьте, — вмешался в их спор Хусан-ака. — Это урюк сорта «ок-контакт» — «белый сахар», высота его метров двадцать пять, а диаметр у корня метра три. Ежегодно дает сто пятьдесят — сто семьдесят килограммов фруктов. Урожай в четыре-пять раз больше, чем с других урючных деревьев. Дереву около трехсот лет, не меньше.

Шараф почти в центре дворцовой площади выбрал участок, густо заросший травой. Ребята разбивали бивак, а Гриша, захватив ружье, пошел «побродить по окрестностям», как он сам сказал. Послышавшиеся вскоре частые выстрелы красноречиво говорили о том, что «прогулка по окрестностям» была успешной.

Не прошло и часа, как Гриша вернулся и высыпал из мешка добычу — с десятков жирных сизаков и кекликов.

— Я, мальчики, дичь, приготовлю сам, — проговорил Хусан-ака, — Гриша и Арменак, идите за дровами, мы с Сашей займемся птицей. — И старик принялся копать рядом с костром яму. Саша заинтересовался: для чего? Может быть, дедушка торопится найти ход в подземные лабиринты?

— Нет, юноша, котел делаю, обед готовить буду.

— Дедушка, вы, оказывается, и шутник, — выпалил обидчиво Саша. — Как в этой яме вы обед сварите? Ни в одной книге по кулинарии такого рецепта нет. А читать я умею, не смейтесь, я не малыш, кончил восемь классов...

Неизвестно, что бы еще наговорил Саша, но тут Арменак громко прикрикнул на Сашу и приказал ему замолчать.

— Ты что? — передернул плечами Саша. Но тот только грозно глянул на товарища, и Саша притих.

«Разве можно так разговаривать с дедушкой? Болтаешь не знаешь что», — так и говорил взгляд Арменака. Саша молчал, растерянно моргая.

— Арменак, оставь его, — вмешался Теплов, — Саша сам скоро увидит, как в этом котле дедушка приготовит пищу. Не будем торопиться! Еще римляне говорили: поспешай медленно. Мудрые слова...

Саша, понутив голову, ошипывал кеклика. Когда Гриша, Арменак и Шараф ушли за топливом, старик стал поучать Сашу.

— Дичь нашу почистим, распотрошим, посолим, поперчим. Вовнутрь положим слив, яблок, горного чеснока. Травой перевяжем, в ореховые и смородиновые листья запеленаем. Каждого отдельно глиной обмуруем, рядышком в ямку положим, угольками засыплем, а сверху новый костер разожжем. Знаешь, как картошку в золе пекут? Или как мама в духовке, в жаровне, утку или курицу готовит? Так и наши птицы. Сок не вытечет — упаковка из листьев не пустит. А ты обиделся, говоришь, дедушка шутит!

Саша поднял голову, виновато посмотрел на старика.

— Простите, дедушка, пожалуйста, я и вправду этого не знал, не хотел вас обидеть, — закашлялся, видимо, в горле запершило.

— Я даже не знаю, как картошку в золе пекут. У нас газ и все коммунальные услуги... А мама никуда меня не пускает. Бабушка тоже боится, как бы я не простудился или что другое. Сюда, в горы, только после скандала попал. Дядя помог, в отпуск приехал. — Доверительно улыбнулся и продолжал: — Он маме и бабушке так и сказал, что они портят верзилу. Значит, меня... Под его поручительство сюда отпустили. Я только змей боюсь. Бабушка про них много страшного рассказывала...

Подожли мальчики, принесли хворост. Хусан-ака бросил в костер большую охашку, попросил Шарафа нарвать листьев с ореха.

— Только покрупней, — крикнул он уже вслед ему. — А вы, мальчики, еще за дровами ходите. Огонь большой нужен.

Тушки уложены под костер, в «духовой шкаф». Саша сбегал к роднику, принес воды, рядом с «духовкой» на рогатине повис закопченный чайник.

— Ой, как вкусно! — заохал Саша, проглотив первый кусочек приготовленной дедушкой дичи.

— Ты, смотри, косточки не проглоти, — тут же отозвался Арменак.

— А что косточки! Они мягкие...

— Да не птички... А свои... которые на пальцах, — с трудом сдерживая смех, продолжал Арменак.

А остальные не смогли сдерживать. Весело рассмеялся и Саша.

— Мы уже однажды были здесь, — сказал за чаем Хусан-ака. — Этой же дорогой пришли. Другого пути сюда нет... Только посмотрели развалины... Вниз не забирались... Годы не те — силы не те... А кто знает, что ждет там внизу... — понизил он голос.

Ночь тянулась нестерпимо долго. И уже с первыми проблесками утренней зари друзья были на ногах. Не ожидая завтрака, мальчики вместе с Тепловым пошли на разведку.

Подойдя к башне, они, как ни старались отыскать окно-бойницу, которую обнаружили вчера, найти ее не могли. А ведь щель все ясно видели!

— Интересный факт, — напирая на «э», говорил Арменак, — я видел оконце! А сейчас оно почему-то исчезло. — Немного подумал, добавил: — Я вернусь опять к лагерю и оттуда буду смотреть, а вы здесь ждите!

Саша, старательно задрав голову, осматривал стены, разыскивая злополучное окно.

— Как же так? — возмущался он. — Оно должно быть около карниза, за ветвями! А вот нету!

— Конечно, у карниза, — согласился Григорий. — Только снизу проем закрывает навес карниза. А отойди метров на двадцать — и увидишь.

Отошли. Теперь, действительно, щель-бойница хорошо просматривалась.

— Здесь раньше башня была, — объяснил Теплов, — ее вершина рухнула, возможно, от землетрясения. Камни, на которых мы стоим, оттуда, сверху.

— Гриша! — крикнул радостно Арменак. — Наверх забраться можно!

— Как? — спросил Саша и погрустнел. — Голые стены, высота метров десять. А ведь там, как сказал дедушка, должен быть и ход вниз, который, вероятно, ведет куда-то дальше.

— А вот как, Саша, — проговорил Теплов и направился к развалинам.

— Я полезу, а вы ждите.

Теплов подошел к чинаре и ловко полез вверх. Вот тут-то Саша и сообразил, что по огромной ветке, которая словно мостик шла от дерева к башне, можно забраться на самый верх развалины.

— А почему без меня, Гриша? — крикнул Шараф, когда Теплов был уже на дереве, и полез следом.

Арменак и Саша с любопытством следили за товарищами. Гриша ступил на сук-дорожку и, перехватывая над головой ветки, осторожно подошел к башне. Не дошел до конца, как следом ступил на ветку Шараф.

— Шараф! Она может сломаться! Грохнешься — разобьешься насмерть! — кричал Саша.

— Тихо, не сломается, — схватил его за плечи Арменак. — Не видишь, «веточка» чуть не в полметра толщиной!

Вот оба верхолаза осторожно шагнули с ветки на камни, и ветвь, спружинив, тяжело колыхаясь, шурша листвой, поднялась высоко над их головами.

— Арменак, Саша! — кричал и махал рукой Шараф. — Здесь ход вниз, ступени из камня, мы туда спустимся.

— Давайте! — донесся до Шарафа голос Арменака. — Только мы тоже хотим!

Жучка, услышав голос хозяина, задрала морду и принялась тявкать. Ей, видно, тоже хотелось наверх.

Лабиринты смерти

Теплов и Шараф, по обычаю, присели перед дорогой в неведомое. Под ногами было потрескавшееся куполообразное перекрытие, поросшее травой. Диаметр башни — метров пять. В центре квадратное отверстие — лаз.

По пыльным ступеням спустились в полутемное помещение. На уровне груди — бойница. Толщина стены больше метра, высота до потолка метра два. Свет падал через люк и из окна-бойницы. Стояла абсолютная тишина.

Ступени вели по-прежнему вниз. Здесь было еще темней. Щели-бойницы мало пропускали света. Такой же люк-лаз вел дальше. Там вообще царила полная тьма.

— Шараф! Придется вернуться. Обсудим вместе план похода, подготовимся. Так налегке нельзя спускаться под землю.

— Конечно, — согласился Шараф.

Подземелье манило, но все-таки он поймал себя на мысли, что ему очень хочется наверх, к солнцу, к друзьям.

Выбрались наверх. Шараф взобрался на плечи Теплового, балансируя, ухватился за ветку, подтянул ее. Повис, оседлал верхом. Теплов подождал, пока мальчик подойдет к стволу, подтянулся, словно на турнике, и через минуту уже обнимал Шарафа за плечи.

С заснеженной высоты текла прохлада, напоенная ароматом диких гор. А у костра тепло, по-домашнему уютно.

Мерно, родниковым ручейком течет речь знатока этих мест — старого горца.

— В восточной части дворца из-под скалы струится горячая вода — «оби-гарм». Вы слышали о курорте с таким названием? «Оби-гарм» — горячий источник. А у нас здесь рядом — второй такой. Завтра вас и туда проведу. Медведи и кабаны любят эту воду, тоже, видно, лечиться ходят. Звери, а понимают.

— Дедушка, а почему люди отсюда ушли, бросили это место? — спросил Саша. — И про источник забыли, только звери помнят...

— Говорят, что в старые времена народу сюда собиралось очень много. А случилось в одночасье небывалой силы землетрясение, и люди, что были здесь, все погибли. Давно это было, а народ помнит. С тех пор здесь нет жизни. Люди обходят это черное страшное место, боятся.

— А вы, дедушка? — опять вырвалось у Саши.

— Что я? — вздохнул Хусан-ака. — Смотрю на все открытыми глазами, знаю: ни привидений, ни дивов, ни черта, ни дьявола нет. Учился, читал. Все естественно. Аллаха только по привычке в сердце сохраняю...

Старик замолчал, подбросил веток в костер. Саша задремал и больше вопросов не задавал. Лишь изредка, тяжело поднимая веки, лениво посматривал на костер; оттуда струился ароматный запах томленной дичи.

Последние лучи заходящего солнца просеялись сквозь листву деревьев, на минутку застыли на выщербленной стене, и сразу стало темно.

Гриша и Шараф, не сговариваясь, стали готовить место для ночлега. Расстелили плащ-палатку, вместо подушек положили рюкзаки, по совету старика окружили «спальню» лентой из пепла.

— Преграда. Пепел ни одна тварь не переползет. Боятся, инстинкт самосохранения сказывается, — пояснил Хусан-ака в ответ на недоуменный взгляд Арменака.

— Интересно, куда ход ведет? — повернулся к Грише Шараф. — Я говорю про тот люк в башне, до которого мы дошли.

— Исследуем, узнаем. Завтра же пойдем дальше.

— А куда хотите идти? — Саша дремал и предыдущего разговора не слышал.

— Как куда? Змей ловить для зоопарка, — пошутил Арменак.

На десерт старик предложил дыни.

— Дыни? Откуда они? Что-то мы не замечали у себя в рюкзаках такого груза. Не с неба же они свалились? — слышались со всех сторон вопросы.

— Кроме дождя да снега, с неба ничего не сыплется. Остальное на земле — от человека, — немного даже торжественно произнес горец. — Нечаянно тоже хорошие дела, оказывается, можно делать. Кто-то, когда-то ел дыни здесь, выбросил семечки, а дальше природа сама все сделала. Вон посмотрите завтра, что за той стеной делается! Бахча целая! В долине такой не увидишь! А вы знаете кстати, что слово «дыня» происходит от древнеиндийского «дынна», что значит дуть, вздуть. Вот «дыня» и означает «вздутый плод». А мы его сами сейчас вздуем!

— Сахар настоящий! — причмокивал языком Арменак. Из-за огромного ломтя виднелись только довольные глазки Саши. Он так и заснул с ломтем в руке. Теплов хотел дежурить у костра, чтобы чего не случилось. Но старик оказался непреклонным.

— Нет, друг, я посижу, а ты, Гриша, ложись.

Теплов не стал настаивать, он не знал, что и первую ночь старик не спал, а старый Хусан знал, что в этих местах много медведей и по ночам вполне можно ожидать их визитов. Только не хотел говорить об этом остальным, чтобы не пугать. Даже свою богатую трехстволку «Зауэр» — он положил рядом, когда все заснули.

Поднялись до восхода солнца, зябко поеживаясь. Утренний холод не дал понежиться; все окружили костер, всю ночь поддерживаемый дедушкой. Аппетитно пыхтел чайник.

С первыми лучами солнца группа оставила бивак.

Жидкий туман оседал на землю, открывая глазам деревья, развалины, горы. На гребень гор выкатилось солнце, и ребята приободрились, расправили плечи, даже голоса их стали звучать громче. Шли вдоль стены, сложенной из отесанных глыб-камней. Подошли к проему.

Огромная арка-перемычка рухнула. В кустарнике увидели до половины утопленные в грунт какие-то скульптуры. Присев на корточки, принялись с любопытством рассматривать. Две львицы, изваянные из черного мрамора... Кто же это был обладающий величайшим талантом безвестный художник, сумевший превратить глыбу камня в чудесное произведение искусства? Словно живые, звери глядели подслеповатыми глазами на странных пришельцев. В свое время они, видно, покоились там наверху, над входом.

Минуя арку, исследователи пробрались во вторую половину крепости. Остановились в центре огромной квадратной площади, обнесенной некогда стеной. А сейчас площадь заросла буйной травой, кустарником. Мертвая тишина. На мощных стенах ворковали голуби, в воздухе носились стрижи.

— Ребята, уйдем отсюда, — прошептал Саша и испуганно оглянулся.

— Нет, мы дальше пойдем, — возразил Шараф, а Арменак добавил:

— Может быть, мы на пути к историческому раскрытию тайн. Возвращайся, если хочешь. Ушли недалеко.

Саша молча поплелся за товарищами.

— Мальчики, посидите здесь, а мы с Гришей дичи к обеду настреляем, — незаметно подморгнув Теплому, сказал дедушка.

Шараф тут же пристроился на камне, жестом пригласив ребят последовать его примеру.

— Пусть немного побудут одни, без взрослых, — шепнул Хусан-ака Теплому, — пусть смелости набираются.

— Я сразу понял, — улыбнулся Гриша, — когда вы только подморгнули.

В развалинах было действительно непуганое птичье царство, так что несколько выстрелов принесли путешественникам и обед, и ужин.

— А теперь пойдемте, покажу вам рыбий аквариум, — предложил старик, когда сетка с дичью повисла над родником, — здесь прохладнее.

Миновали еще одни ворота. Справа и слева груды камней — скромные памятники бывших строений. Выбрались из мрачных руин на огромную и тоже огороженную мертвую площадь. А когда-то здесь цокали копыта коней, лязгало оружие лихих воинов.

— Дедушка, а для чего предназначалось это место? — Арменак всем интересовался.

Хусан-ака остановился.

— Здесь воины овладевали ратным искусством, проводили конно-спортивные игры.

С трудом преодолев еще один завал, подошли к развалинам строения, где вырисовывались остатки стен, словно в гостинице с номерной системой.

— Нет, это не гостиница, — засмеялся Хусан-ака, услышав сравнение, сделанное Сашей. — Хотя, пусть будет твою. Гостиница — только для... лошадей. Это — стойла.

— Дедушка, а откуда вы все знаете и про площадь, и про конюшни?

— Из книг, сынок, у меня библиотека. Есть и древние, рукописные, сохранились от старого правителя Бухары, моего деда Мир-Сейид-Абдул-Богадур-хана. Там часто встречаются описания площадей, строений и назначение их. А я и сравниваю, что вижу, с тем, что читал.

Из-за густой листвы послышался шум. Подошли к небольшому водопаду и остановились, словно зачарованные, глядя на чудо природы. Водопад низвергался с большой высоты, весь в пене, расцвеченный радугой.

— Дедушка, а где рыба? Обещали показать аквариум, — тронул Саша за руку Хусана-ака.

Тот потянул его за собой.

Пробились сквозь заросли и вышли к водоему, заросшему камышом и кустарником. Пруд напоминал огромный плавательный бассейн с берегами, выложенными белым отшлифованным мрамором. В прозрачной воде стаями ходила крупная рыба.

— Маринка! — удивился Арменак. — Смотрите, вот здорово, рыба нас не боится!

— Да, юноши, маринку считают «священной рыбой». Она, как в народе говорят, принадлежит самому «аллаху рыбы». Мусульмане маринку не едят, грех. Говорят, что кто поест этой рыбы — умрет. Но эта «священная рыба» — самая обыкновенная рыба, только у нее внутренности покрыты черной пленкой, содержащей токсические вещества. Они и вызывают отравления. Но если хорошо маринку вычистить, она не только пригодна в пищу, но самый настоящий деликатес.

— Дедушка, еще вопрос, разрешите?

— Говори, Саша.

— Как же рыба отсюда уходит или приходит, ее здесь так много?

— Находит дорогу. Идите за мной, узнаете.

С одной стороны водоема вода переливалась через борт. Там билась рыба. Одна стая стремилась уйти из бассейна вниз, другая, наоборот, пыталась подняться вверх, в бассейн. Вода, вытекая из водоема, за долгие годы размыла котлован. Там в водовороте, казалось, шло какое-то соревнование. Рыбины без усталости прыгали навстречу воде, стараясь взлететь на стену и по ней уйти в бассейн. Мелкие рыбешки, не допрыгнув и до половины, шлепались обратно. Крупные — с двух-трех взлетов брали метровую высоту и, извиваясь по стене, продвигались дальше; ребята стояли в полном молчании: такого им еще не приходилось видеть.

За осмотром развалин дворца-крепости путешественники и не заметили, как подкрался вечер. Хусан-ака повел своих спутников к месту ночлега другой дорогой, одному ему известной.

В лагере, пока хозяева отсутствовали, ничего не случилось, все было на месте, и опасения горца «как бы шакалы чего не утащили» (о медведях он предпочитал умалчивать) были напрасны.

— Дедушка! А завтра мы пойдем по развалинам полазаем, — просяще проговорил Теплов. — Наверху мы почти все осмотрели, теперь нужно вниз спускаться.

— Что ж... Пойдемте... Я тоже пойду.

— А вам не будет трудно? Вы же уже были здесь.

— Да, был. И еще пойду искать ход в подземелье. Я должен его найти!

Старого жителя гор даже не так интересовали сами сокровища, как процесс их поисков. Еще в тот первый приход сюда он набросал план-чертеж развалин крепости. А потом на досуге пытался путем умозаключений додумать, восстановить мысленно былую планировку внутренних покоев дворца, возможную сеть подземных ходов.

Скорее всего, конечно, пришел он к выводу, что главный спуск в подземелье идет из той башни, куда забирались Шараф с Гришей. Само ее расположение наталкивало на мысль об этом. Назавтра решил сам вместе с ребятами забраться в башню и поискать таинственный ход в таинственное подземелье.

Но и на этот раз свое желание ему не удалось осуществить. Спозаранку он не захотел будить ребят, пошел сам с чайником к роднику, и левая нога попала в трещину каменной кладки. Как он ни старался скрыть свою хромоту от «сынков», Теплова ему не удалось обмануть. И мало того, что он сам остался на биваке. Теплов еще Шарафу и Арменаку приказал помочь дедушке «по хозяйству» и только после этого присоединиться к «главной поисковой группе» — к нему и Саше.

Птицы только что на плечи не садились, совсем не боясь людей. Даже трусливые шакалы и те, отбежав на пять-шесть метров в сторону, с любопытством рассматривали пришельцев. Все это подтверждало слова горца, что человеческая нога давно не ступала здесь.

Теплов и Саша подошли к башне.

— Ты, Саша, геометрию повтори хорошенько, попытайся вычислить высоту башни, — распорядился Теплов, — а я поднимусь, проверю, куда там лесенка держит путь.

По суковатому дереву взобрался наверх, к ветке привязал шнур. Крикнул, что скоро вернется, а сам через люк, по каменной лестнице, стал спускаться вниз.

А Сашу тем временем заинтересовали гнезда голубей.

Когда-то стены имели декоративную облицовку из глазурованных кирпичиков и плиток. Но от времени и непогоды эта облицовка обрушилась, обнажив в кладке углубления. И вот в этих-то углублениях голуби и вили свои гнезда.

Дедушка рассказывал, что углубления остались от кольев, которые при строительстве заделывались в стены и выступали метра на полтора. Сначала на них древние строители вымащивали себе подмостья, поднимая по мере роста стены и настил. Когда стены возводили до нужной высоты, мастера, спускаясь вниз, срезали эти колья. Столетия сгноили дерево, обвалили облицовку, а в нишах нашли себе убежище дикие голуби.

Теплова окружал полумрак, окно-бойница пропускало мало света. Спустился по третьему лестничному маршу и, по его расчетам, должен был находиться уже на уровне земли. Лучик фонаря забегал по стенам, искусно выложенным, как и сводчатые перекрытия, из тесаного камня.

Тоннель шириной метра в два. Вдоль стен стоят амфоры — глиняные сосуды, наполовину врытые в землю. В свое время они, наверное, служили для хранения воды или вина. А какая же их емкость? Пожалуй, до ста литров каждая. Насчитал тридцать штук. В темноте что-то зашуршало. Постоял, прислушался, двинулся дальше. Боковое ответвление. Свет фонарика выхватил на каменном полу фитильное ружье с подставкой-рогатиной, кривую саблю, шлем. А это что? Неужели такая кольчуга? Нагнулся, пошарил лучиком по груде поржавевших металлических кружев. Да, кольчуга из мелких колец. Потянул за край. Тяжело ты, защитное древнее одеяние! А вот меч. На нем остатки полуистлев-

шей деревянной ножны, металл густо покрыт закипевшей ржавчиной. Осторожно положил меч на землю и не успел выпрямиться, как кто-то с силой ударил по руке, вышиб фонарик и, по-кабани хрюкнув, метнулся в сторону. Что-то острое впилося в ногу. Схватил, ощупал. Стрела! Теплов метнулся за угол. Ему даже слышались хлесткие удары спущенной тетивы лука, стук в стену, с которым стрелы падали к ногам Теплова. Рука, сжимавшая рукоятку пистолета, чуть подрагивала...

Саша сосчитал голубиные гнезда, а геометрией заниматься ему совсем не хотелось. Тем более, рядом оказался муравейник. Саша долго наблюдал за веселыми хлопотами насекомых, вспомнив, что только вчера Шараф запретил ему трогать муравейник.

— Муравьи — друзья человека, — говорил он, — уничтожают вредителей природы, всяких там червяков, гусениц, букашек; муравьи — это санитары гор и лесов.

Отошел в сторону, сел.

«А почему так долго нет Гриши? И ребят тоже нет. О, да это хорошо даже, — увидел он знакомое дерево с гнездом какой-то птицы. — Еще вчера думал взобраться наверх к гнезду, но Шараф категорически запретил это делать. А Арменак даже обозвал его, Сашу, врагом пернатых друзей! И вдобавок приложил к голове сложенные ушами ладони. А что это означает, каждому малышу ясно!»

Гнездо неотступно притягивало к себе Сашин взгляд. «Да и лезть-то до него — пара пустяков. Ветки вон как близко над землей, метра три-четыре».

— Подумаешь, еще ослом обзывает, — обидчиво произнес Саша, совсем забыв, что Арменака нет рядом, что он не услышит его слов и не увидит его обиды. — А яички в городе можно выменять на марки. Полезу, пока никого нет. До их прихода успею...

Продрался через заросли и остановился у дерева.

Разделся, обхватил дерево и тут же пожалел, что остался в одних трусах: о шершавую кору ободрал ноги и руки. А тут еще противные птицы! Они с пронзительным писком налетали на Сашу, крыльями стирались ударить по лицу,

да и когти их Саша ощущал на своем лице. Птиц уже было около десятка. Саша увертывался, крутил головой, отмахивался. И все-таки добрался до гнезда. Там были пестренькие яички, чуть больше воробьиных. Он взял из пуха два тепленьких яичка и положил в рот.

Держась одной рукой за дерево, второй отмахивался от яростно нападавших птичек. Еще два яичка заполнили рот. Сжал зубы, дышать стало трудно.

— Все равно отомщу вам!

Потянувшись за остальными яичками, хотел выкинуть их. Рука, охватившая дерево, соскользнула, Саша ударился подбородком о дерево и почувствовал во рту солоноватую жидкость.

— Яйца разбились. Только весь расцарапался зря. У, противные! — кулаком погрозил он птицам. Из глаз брызнули слезы. Чувствуя, что может сорваться, дико заорал.

— Гриша! Шараф! Спасайте!

Но спасти его было некому. Только с душераздирающим криком кружились над разоренным гнездом маленькие пернатые хозяева...

В западне

Ощипывая птицу, Арменак мечтал вслух, нимало не заботясь о том — слушает его занятый той же работой Шараф или же нет.

Жучка лежала рядом, положив голову на лапы и открывая глаза только тогда, когда Арменак почти срывался на крик.

— Шараф! Вот было бы здорово найти ход в подземелье! А там сокровищ видимо-невидимо! Мы бы их нашли, сдали, куда полагается, и попросили бы, чтобы на них построили лагерь пионерский и еще курорт для стариков. Собрали бы всех наших дедушек — и сюда! Лечитесь, отды-

хайте, а мы за вас работать будем. Здесь, правда, нет моря, но воздух, горячая вода лекарственная могут же заменить его? А, Шараф?

Шараф молча улыбался, слушая вконец размечтавшегося товарища.

— На ту скалу отдыхающие будут добираться на фуникулере, а дальше, до самой снежной вершины, протянем пассажирскую канатную дорогу. А вот где мы сидим сейчас, здесь будут дома — красивые, белоснежные! Только не из бетона и стекла, как сейчас повсюду делают, а на старый манер. Чтобы они были и новые, и как все равно старые, как будто их тоже тыщи лет назад построили. Ну, понимаешь?

— Понимаю, понимаю. А для голубей там тоже место предусмотрено будет?

— А как же! Чтобы все было по-настоящему! Сюда же со всего мира будут приезжать люди, смотреть древние строения и наши.

— Шараф! Хорошо быть архитектором или строителем, давно я об этом думаю. Ты пчеловодом решил стать, а вот Саша хочет быть доктором. Говорит, так ему бабушка советует. Бабушка! — хмыкнул Арменак. — А сам что же? Я вот сам хочу быть архитектором. Хочу и все! И буду! А бабушка и дедушка тут ни при чем.

— Конечно, Арменак, — согласился Шараф, — свое место в жизни нужно искать самому.

Жучка сердито заурчала и, вздыбив шерсть на холке, стремглав бросилась в заросли.

— За кем это она погналась? — пробормотал Шараф и бросился вдогонку. Побежал и Арменак. Жучки уже не было видно, зато вовсю слышался ее голос. Но вот из развалин выскочил шакал, с обнаженными клыками за ним мчалась Жучка. Шакал бежал напрямик к крайнему «боксу» конюшни, где ребята уже были и ничего примечательного не обнаружили. Шакал юркнул куда-то между камнями, Жучка с растерянным видом металась у стены и с остервенением лаяла.

Руины утопали в колючих зарослях шиповника, джиды, фисташки, густой травы, а здесь была вытоптана небольшая полянка.

Под глыбами рухнувших камней в перекрытии какого-то подземного сооружения образовался пролом, где, как решили ребята, и скрылся шакал. Около трещины — кости, перья. Стенки самого лаза, видно, от частого посещения зверьками замаслились.

— Логово, — заключил Шараф. — Видишь, шакалы здесь резвились? Арменак, смотри, а там внизу пустота!

— Возможно, — подтвердил товарищ. — Но как тогда шакалы и шакалята ухитряются оттуда вылезать? Вниз легко прыгать, а вверх даже Брумель только на два метра с чем-то прыгает.

— Пока не знаю как, — отозвался Шараф. — Может быть, уточним?

— И уточним!

Друзья принялись расширять лаз. Но им удалось только счистить землю вокруг. Тесные камни сводчатого перекрытия были подогнаны плотно.

Арменак срезал прут метра в два, сунул его в щель. Дна не достал.

— А, понятно, — орудовал он прутом в щели. — Здесь насыпь образовалась. Интересно!

— Не только интересно, — потянул у него прут Шараф. — Дедушка Хусан говорил, что давно искал подземелье. А вдруг это именно оно и есть?

Жучка прыгала вокруг щели, злобно рычала, когтями царапала землю, а лезть вниз боялась.

— Пойдем, — предложил Шараф, — скажем дедушке о нашей находке.

— Пойдем! — прут со свистом описывал круги над головой Арменака.

...Расцарапав в кровь грудь, живот, руки, Саша, сопровождаемый криками рассерженных птиц, чертыхаясь, сползал вниз. Уставшие руки сами разжались, и Саша упал, больно ударившись коленом о корневище. Поднялся, собрал свои вещи и побежал к водоему смыть грязь.

Вернулся — Гриши нет. Кепка и полевая сумка на месте.

«Еще там, наверху», — подумал он и, увидев приближающихся Арменака и Шарафа, поспешил к ним навстречу.

— А Гриши нет еще, — захныкал Саша.

— А ты молчишь, ждешь, не подаешь сигнала тревоги! — возмутился Арменак. — Догадывался, что у тебя слабый интеллект! Может, он там упал или еще что! Столько времени уже прошло!

Шараф, укоризненно взглянув на Сашу, полез на дерево. Арменак за ним.

«Хорошо, что не заметили ссадины, — подумал Саша и поморщился, вспомнив яички. — А знали бы про ту яичницу, совсем засмеяли бы. Особенно Арменак...».

Мальчики спустились до площадки, где тогда Шараф был вместе с Гришей, закричали.

И услышали чуть взволнованный голос.

— Сюда не ходите, я сам иду к вам. — И тут же очутился рядом. — Пошли, пошли к дедушке! Есть для него сообщение...

— Черт знает что такое, — рассказывал Теплов. — Пошел по тоннелю, вдруг кто-то вышиб фонарик, и в меня полетела туча стрел.

Ребята увидели на его руках ссадины.

— Да, Гриша, враг был опасным. Смотри, сколько ран, — улыбнулся дедушка. — А знаешь, кто это такой, страшный, был в подземелье? — Подошел к Теплову и вытащил застрявшую «стрелу».

— Ну-ка, скажи, что такое? — передал ему «стрелу».

— Так это колочки дикобраза, — протянул Гриша. — А я-то думал...

— Да, дикобраза, — подтвердил дедушка, — а может, зверьков было несколько...

— Не подумал об этом, — сознался Теплов. — Слышал о дикобразах, которые метают свои иглы, но никогда их не видел.

Все с любопытством рассматривали невольный трофей.

— Теперь будешь знать, познакомились. — Иглы-перья защищают дикобраза. Но он не метает их. Обороняясь, он

поворачивается к врагу задом, растопыривает веером свои острые иглы и иглами наносит болезненные раны, даже таким хищникам, как волк. Уколы дикобраза опасны, долго не заживают. Живьем этого зверя, без снастей, не возьмешь... А теперь рассказывайте: где были? Что видели?

Когда Шараф рассказал дедушке о шакальей норе, тот, несмотря на позднее время, готов был сейчас же идти туда.

Но, посоветовавшись, решили поиски начать завтра с утра.

Ночь прошла в тревожно-радостном ожидании. Поднявшийся первым Теплов вырубил жердь, и пока он с ней вернулся, остальные тоже были на ногах. Позавтракав холодными остатками вчерашнего ужина, друзья отправились к шакальему жилищу.

Засунув в нору-щель жердь, Теплов, кликнув себе на помощь Шарафа, принялся выворачивать камни в перекрытии. Кладка плохо поддавалась. А тут еще ребята мешали, поминутно пытаясь заглянуть вниз, а что там? Но пока видна была только дорожка-спуск, до блеска натертая брюхами шакалов. Чередуясь у жерди, ребята еще возились добрых два часа, пока лаз настолько стал широк, что через него мог спуститься человек.

Первым полез Теплов. Постоял, огляделся. Вокруг разбросаны перья, кости птиц и мелких зверьков. Подал сигнал к спуску остальным.

Вправо и влево черной трубой уходили вглубь ходы в подземелье. В густой тишине слышалось только учащенное дыхание путешественников.

И голос старика прозвучал резко, неожиданно, так, что все невольно вздрогнули.

— Вы трое — налево, мы с Сашей, — обхватил он за плечи жавшегося к нему мальчика, — направо. Никаких разговоров! — оборвал он пытавшегося возразить Теплова. — Свечи, спички есть! Тогда все! Далеко не уходить, замечать путь!..

Подождав, пока группа Теплова растаяла в темноте, старый горец, крепко держа мальчика за руку, пошептал что-

то и решительно двинулся в тревожную, загадочную тишину...

Теплов подсвечивал путь фонариком, то и дело окликая Жучку. Собачка бежала впереди, обнюхивая пол, стены, изредка тявкала. Группа шла по подземному ходу уже минут двадцать. Сухо, воздух чист. Стены и сводчатое перекрытие выложены из рваного камня и, казалось, совсем не подверглись действию времени.

Тоннель перешел в огромный зал, с изрезанного потолка которого свисали огромные сосульки.

— Сталактиты. Нам о них в школе говорили, — заметил Арменак.

В стенах зияли проемы, целых пять.

— Куда они ведут? По какому идти? Прямо как в сказке о трех богатырях... — В голосе Теплова звучала растерянность.

Но что это? Похоже на дверь!

Теплов подошел к мраморному тяжелому полотну, толкнул, и от небольшого усилия оно послушно повернулось, словно на шарнирах.

— Это я понимаю! — восхитился Арменак.

Луч фонарика скользнул по стенам узкого коридора и ни во что не уперся.

— Сначала сюда, — решил Теплов, — потом другие ходы пройдем.

Коридор то расширялся, то сужался. Кое-где путь преграждали полуразвалившиеся перегородки.

— И чего они так строили? — негодовал Арменак. — Кому нужна эта перегородка? Зачем они?

Даже в темноте было заметно, что дорога петляла. Теплов понял, что тоннель имел несколько ложных ответвлений, но ничего не сказал своим спутникам об этом.

У Шарафа над головой свеча: он внимательно осматривал стены, потолок. Опять вошли в подземный зал. Он ниже и меньше прежнего. На земле — рассыпавшиеся кости двух скелетов. Рядом, на мраморной скамейке, лежали кремневые длинные ружья с истлевшими ложами. Каким-то чудом сохранился брошенный поверх ружей шитый по-

тускневшим золотом камзол. На поясе — кошелек, пиала в кожаном походном футляре. Все расшито золотом и драгоценными камнями.

Теплов и ребята с любопытством и затаенной тревогой рассматривали оружие, одежду, принадлежащие людям, жившим на земле сотни лет назад.

— Только не трогайте ничего, — предупредил Теплов. Это дело ученых и специалистов. Не тревожьте то, что лежало веками...

— Мы, наверное, уже вторые сутки бродим, — Арменак устало присел на пыльную мраморную скамью. — Дедушка говорил, что здесь где-то могут быть лабиринты непроходимые. Попадешь — не выйдешь!

— Арменак, переходи на второе дыхание! Нет времени сидеть! — полушутя, полусерьезно сказал Теплов. Пожалуй, они действительно зашли слишком далеко и пора выбираться.

— В обратный путь, спелеологи! — как можно веселее подал он команду.

— Всегда пожалуйста! — тут же откликнулся Арменак. — Домой — не на работу!

Они шли довольно долго. «Пора бы уже и большому залу показаться», — подумал Теплов и, взглядевшись в землю, крикнул:

— Ребята, стойте! — Под ногами, на пыли, виднелись чьи-то следы.

Прошел метров десять вперед, следы нескольких человек и собаки вели в боковой лаз.

— Так это наши следы! А это Жучка бегала! Как могло так получиться? — удивился Арменак.

— Пойдемте по следу в обратном направлении, — командовал Теплов. Торопливо шли, не обращая внимания ни на стены, ни на потолок, сосредоточив все внимание на следах.

Еще одна стена-перегородка, разделявшая коридор. Протиснулись в узкую щель, следы вели дальше.

— По-моему, мы здесь не проходили, — прошептал Шараф, — а следы, вроде, наши. Как же так получилось? Я старался хорошо запоминать дорогу, а вот этой стены не помню.

— Что, братцы-кролики, струсили? — попытался приободрить притихших мальчиков Теплов. — Не унывайте, выберемся, не в таких переделках бывали!

Ребята молчали. К нарастающей тревоге прибавились голод, усталость.

Уже дважды проходили по своим следам, но теперь не могли найти и зал, где лежали скелеты, расшитый камзол, оружие.

— Гриша, отдохнем немного, — попросил Арменак. — Шараф тоже устал... А, Шараф?

Шараф тоже уже понял, что они заблудились, но виду не подал. Спокойно проговорил:

— Наша задача — скорей выбраться отсюда. Дед и Саша, вероятно, волнуются. Там, наверху и отдохнем все вместе.

— Устал, пить хочу, — жаловался Арменак.

— Только смелым покоряются моря... и горы, почти пропел Теплов. — А вы с мифологией-то хоть знакомы немного? Нить Ариадны нам никто не протянет. Сами найдем путеводную нить. Только никакой паники! А отдохнуть — отдохнем, коли устали!

Сели. Шараф погасил свечу. «Экономить нужно!» Замерла и Жучка, прижавшись к ногам Шарафа.

Ребятам казалось, что они только что присели, а Теплов уже поднял их. Надо скорей выбраться из этого таинственного, страшного подземелья! Но где же тот путь, ведущий к свету, к солнцу, к спасению?

Ребята шли уже, как во сне, по команде садились отдыхать, снова вставали.

Вокруг — непроницаемая тьма и тяжелая тишина.

Ступени вниз привели в комнату с куполообразным перекрытием. Шараф задел ногой что-то металлическое, глухо звякнувшее. Теплов включил фонарик. Посередине комнаты, словно стол, возвышалась мраморная плита. По сторонам — высеченные в камне полки.

— Гриша, — крикнул Шараф, — смотри, боевые доспехи, посуда, деньги!

Шараф взял несколько монет. Монета имела неправильную окружность и толщину, будто сильным ударом молотка сплющили шарик.

Золотые, серебряные, бронзовые монеты обнаружили еще в трех местах. Арменак несколько штук положил в карман, мельком бросив взгляд на древнее оружие, истлевшую одежду. Находки не радовали. Не покидала мысль, как отсюда выбраться...

Неразгаданные тайны

Сделав несколько шагов, дедушка вдруг остановился и, все так же держа Сашу за руку, медленно пошел назад, к входу.

— Ты, сынок, посиди здесь наверху, — сказал он обрадованному этим предложением мальчику, — а я один пойду... Так быстрее будет. У меня глаза в темноте, как у кошки видят, да и на ногу я скор. А ты посиди здесь, может, там вдруг понадобишься. Договорились?

Саша важно кивнул головой: «Договорились!». Это он только из-за дедушкиной просьбы остается здесь. А то еще подумают...

Саша присел на камне, стал прутиком вычерчивать какие-то замысловатые фигуры. Исчертил всю землю вокруг — дедушки все нет. Почувствовал, что под ложечкой засосало — давал себя знать уж очень легкий завтрак. Пошел к лагерю, вытащил из рюкзака полусохшую лепешку, налил холодного чая. Поел. Под ложечкой сосать перестало, но захотелось спать. Солнце закатилось, и сразу наступила темнота. Саше совсем стало страшно, а тут с развалин доносилось какое-то жуткое надрывное уханье. Саша, дрожащий, перепутанный, зарылся с головой в дедушкин халат,

прижался к стене, укрылся плащ-палаткой и притих. Слышал, как гулко стучало сердце. Саша стал прислушиваться к этому стуку и не заметил, как заснул.

...За седьмым поворотом старик остановился. «Так я уже был здесь. Вон и мои заметки на стенах. Ну-ка, а следы мои? Неужели кружу я под землей? — Чиркнул спичку, посветил. В толстом слое пыли отчетливо были видны следы его остроносых мягких чувяк. — Мои! Впрочем, еще так проверю — вставил он туфель в след. Сомнений быть не могло. Следы его, значит, он кружит на одном месте. — Хорошо, что заметки оставлял на стенах да пирамидки из камней складывал. А то так и бродил бы по кольцу, пока из сил не выбился!»

«С полчаса, не больше, иду» — подумал старый горец, когда сквозь пролом увидел ночное звездное небо.

Окликнул Сашу. Еще и еще. Молчание. Бросился к лагерю. Тревога охватила старика, когда увидел спящего Сашу.

«А где же остальные?» — Стал тормошить мальчика.

— Саша! А где остальные? Неужели они не приходили еще? Ну, отвечай же!

Тот медленно поднялся, сел, с трудом соображая, чего от него хотят.

— Никто не приходил, — наконец, пробормотал он и опять лег, укрывшись с головой.

«Значит, они там, в подземелье, и не могут оттуда выйти!» Схватив хлеб, термос, ружье, Хусан-ака побежал к шакалей норе.

Мигом спустился вниз и пошел по следу ребят. Через каждые десять-пятнадцать шагов камнем чертил на стене знак — стрелу. Несколько раз кричал, перебирая имена ребят. Подземелье глотало звуки, словно мощный глушитель. Полный тревоги, он почти бежал, забыв о своем возрасте, усталости. Хотел выстрелить, но вовремя спохватился. «Только беды можно прибавить. Не ровен час — рухнет подземелье. Тогда...»

Один раз послышалось, что будто кто-то кричал. Как ни прислушивался — тишина. Только тишина.

Теплов понимал, что они попали в тяжелое положение. Боролся с тревогой сам, пытался приободрить ребят. Сидели в огромной пещере на скамейке без света. Приходят в это заколдованное место уже в третий раз. Но ведь какая-то дорога ведет отсюда, ведь где-то есть тот ход, который привел их сюда!

— Устал, — тихонько приговаривал Арменак. — Только не подумайте, что испугался или смалодушничал. Все равно выберемся! Дедушка и Саша точно уже ищут нас.

— Да, мальчики, — заговорил Теплов, — мы заплутались в хитроумном сплетении подземных ходов. Но обязательно выберемся, только нельзя терять силу духа. Без нее и на земле нечего делать, а под землей и тем более.

— Гриша, друг, не агитируй, — улыбнулся Шараф, хотя ему совсем не было весело. — Мы скоро десятилетку кончим и на такие вещи смотрим открытыми глазами. Положение критическое, но у других похуже было. Про молодоговгардейцев все и читали, и в кино смотрели... Те никогда духом не падали, а им как трудно было! Нам что? Аппетит только лучше будет!

Бледный лучик свечи дрожал на стенах, потолке, отбрасывал подрагивающие тени.

Теплову показалось, что в темноте тоннеля кто-то крикнул. Не ослышался ли?

Но нет, Жучка встрепенулась, твякнула, повела носом, к чему-то принюхиваясь. Потом уверенно побежала вперед.

— Мальчики! Гасите свечу и за мной! Смелей вперед, только бы Жучку из виду не потерять!

Но собака уже исчезла в темноте подземелья. «Надо было привязать ее на веревку!» — пришла Теплову запоздалая мысль. Но вот послышался глухой лай. Григорий зажег фонарик. Луч метрах в десяти уперся в стену, и тут из-за поворота выскочила Жучка. Она бежала так, словно дорога ей была хорошо знакома. Подбежала к Шарафу, радостно заскулила,

— Смотрите, она у дедушки побывала! Он привет прислал!

Шараф снял с шеи собачонки дедушкин «бельбог» — поясной платок. Не успел Теплов предупредить Шарафа, чтобы он задержал Жучку, как та, словно понимая, что выполнила срочное и важное поручение, твякнула и бросилась в темноту. Тут же вернулась, всем своим видом приглашая друзей следовать, за вей.

Размахивая дедушкиным платком, как знаменем, повеселевшие друзья, забыв об усталости, быстро пошли вперед. Повеяло ни на что не похожим запахом ночных гор. А вот и знакомый тоннель! Теперь Гриша мог привести ребят к выходу и с завязанными глазами. Но завязывать их было не к чему, подземелье и так казалось залитым черной тушью. А вот, наконец, и лаз!

— Саша! Дедушка, где вы? — радостно крикнул Арменак. Теплов и Шараф молчали. Одна и та же мысль больно уколола обоих: «А может они тоже там, в подземелье?»

Арменак вскарабкался наверх, протянул жердь Шарафу, Грише. «Может быть, они в лагере?» Еще издали услышали храп. Шараф откинул плащ-палатку, халат. Саша продолжал спать.

— Проснись! — тормошили его ребята. — Проснись!

Саша открыл глаза, сел.

— Чего подняли? Дедушка все будил, теперь вы, — лениво говорил он, аппетитно позевывая.

— А где дедушка? — придвинулся к нему Теплов.

— За вами пошел, а меня здесь оставил...

— Ну и будь здесь, мы скоро вернемся!

Но им не пришлось сделать и шагу. Послышался лай Жучки, и в темноте вырисовалась знакомая фигура дедушки Хусана.

...Расспросам на пасеке не было конца. Старики только языками прищелкивали да переглядывались, когда путешественники рассказывали со всеми подробностями о том, что им пришлось увидеть и пережить за эти несколько дней. Арменак даже чистосердечно сознался, что струсил, особенно, когда увидел скелеты.

— А где же монетки, что вы там взяли? — повернулся к ребятам дедушка Хусан. — По ним хоть примерно можно определить время, когда они туда попали. Правителей тогда было много, они часто менялись, и каждый властелин чеканил свои деньги. Вот мы и попытаемся познакомиться с ними.

— Сейчас принесу, — вскочил Шараф.

— Шараф, и у меня в кармане куртки возьми, она на раскладушке лежит, — попросил Арменак.

Монеты передавали из рук в руки.

Хусан-ака внимательно рассматривал небольшой, с ноготь, кружочек и даже зачем-то понюхал его.

— Монете, думаю, что не ошибаюсь, более двух тысяч лет. Не сомневаюсь, она государства Согд. В моей коллекции имеется такая и тоже из чистого золота. Здесь изображение согдийского царя Уркода — сына Уркода, а на обороте — фигура стреляющего из лука человека.

Старик взял друтую монету.

— Редкий экземпляр. Мне такую же здешний горец подарил. Монета с изображением громовержца Зевса.

— Итак, Хусан-ака, — заговорил старый пчеловод, — часть тайны открыта. Я говорю про древние развалины. Значит, легенда правду сказала о подземелье. Теперь ученых сюда, да побольше рабочей силы. Вот тогда и конец будет всей тайне.

— Рабочей силы! — восторжались ребята. — А мы зачем? Мы начали разгадывать тайну с дедушкой Хусаном, мы и доведем дело до конца!

— А что же? — серьезно заговорил Шараф, видя прячущиеся в усы улыбки. — Сейчас дело идет к зиме, в горах много не разгуляешься. А мы проучимся год, еще своих хороших ребят возьмем и приедем весной снова сюда. И кто знает, может быть, найдем сокровищницу Александра Македонского, которую искали Чингис-хан, Марко Поло...

Ребята сидели уже в кузове машины, а Хусан-ака что-то все говорил и говорил Грише. Тот в знак согласия кивал головой.

Жучка, жалобно повизгивая, безуспешно пыталась прыгнуть в кузов. Старики стояли грустные, им жаль, что мальчики уезжали. Будет скучно без них. А до следующих каникул, ой, как далеко! Собачонка долго бежала за машиной. Потом остановилась, тоскливо тявкнула, постояла в раздумье на дороге и уныло затрусила к пасеке...

Фагим Лукманов

ПЛЕННИКИ ПОДЗЕМНОГО ТАЙНИКА

Пер. В. Губарева

Ф. ЛУКМАНОВ

ПЛЕННИКИ ПОДЗЕМНОГО ТАЙНИКА

СЛОЖНЫЙ УЗЕЛ

— Товарищ генерал! Майор государственной безопасности Захаров явился по вашему приказанию.

Генерал поднял голову и приветливо кивнул, увидев перед письменным столом знакомую фигуру невысокого широкоплечего человека в хорошо сшитом штатском костюме.

— Экий ты сегодня нарядный, Иван Федорович, — улыбнулся генерал, — вот только галстук повязал не по-моему. Впрочем, теперь, кажется, можно завязывать такой пышный узел... Кстати, об узлах... Придется тебе, дорогой майор, развязывать один очень сложный узел. Как ты на это помотришь?

— Развязывать, так развязывать, — в тон генералу ответил Захаров. — В Москве или на выезде?

— На выезде, Иван Федорович. И сегодня же!

— Вот это жаль, — вырвалось у майора.

— Что так?

— День рождения у меня сегодня...

— Сколько же тебе пробило?

— Тридцать восемь.

— Эх, молодость! Поздравляю, дорогой! Но что поделаешь, такая у нас работа... Да ты садись, я тебя познакомлю с делом.

Захаров опустился в кресло. В кабинете было тихо. Летний ветер играл в открытом окне занавеской, и на паркете мелькали солнечные блики. Шум города слабо доносился сюда, на седьмой этаж, но было отчетливо слышно, как в отдалении Кремлевские куранты пробили четыре часа.

Генерал открыл папку с бумагами и снова взглянул из-под очков на майора. Загорелое лицо Захарова с густыми и черными бровями, сросшимися на переносице, было спокойным и сосредоточенным.

Порыв ветра шевельнул на столе бумагу, приподнял листок календаря — 29 июня 1940 года.

— Ты позвони жене, чтобы гостей предупредила, Иван Федорович. А то соберутся, а тебя нет, — сказал генерал, придерживая пальцем листок календаря. — Так слушай: в ночь на 1 января этого года в СССР начала действовать неизвестная рация. Она пять раз с короткими интервалами повторила один и тот же текст и умолкла.

— Рацию успели запеленговать?

— Да. Лес в двухстах километрах от государственной границы. Но кругом был свежий снег и никаких следов.

— Любопытно.

— В зарослях были обнаружены куски металла, сварившиеся в бесформенные слитки, а вокруг кора на деревьях обуглилась.

— Значит, рация уничтожена?

— В другое время ни один человек, даже хорошо знакомый с радиотехникой, не мог бы подумать, что эти слитки металла — остатки рации. Как видно, температура огня, уничтожившего рацию, была очень высокой. По мнению специалистов, человек, установивший рацию, ушел оттуда до снегопада, не менее трех суток назад.

— Это понятно, иначе остались бы следы.

— Ясно также, что рация заработала при помощи часового механизма. Передача велась автоматически по заранее подготовленной звукозаписи. Затем специальное приспособление втянуло в себя антенну и загло вещество, предназначенное для уничтожения аппарата.

— А текст радиопередачи?

— Расшифровать не удалось.

— Жаль...

— Позже было установлено, что между несколькими таинственными радиопередачами из разных районов Советского Союза в прошлые годы и этой новой передачей было определенное сходство: все они передавались одним и тем же «почерком».

— Рация уничтожена, товарищ генерал, чтобы не было улики.

— Разумеется. Однако это могло говорить и о том, что неизвестный радист вообще прекратил свои передачи, завершив какое-то свое подлое дело. Можно было также предполагать, что в дальнейшем он намерен поддерживать связь со своим центром другим путем. Мы наблюдали за эфиром несколько месяцев и лишь в начале мая перехватили две коротенькие радиопередачи.

— «Почерк» тот же самый?

— Абсолютно. В обоих случаях, как и в новогоднюю ночь, были найдены сгоревшие остатки рации. Всякий раз передача велась с нового, совершенно неожиданного места, отдаленного от прежних на сотни километров.

— Сколько же у него раций? — качнул головой Захаров.
— Откуда он их берет?

— Текст последней передачи мы, наконец, сумели расшифровать. Смотри, Иван Федорович. Это английский язык...

Генерал протянул Захарову бумагу: «Я У-8. Из трех городов верхний. Одиннадцатый километр. Правая сторона дороги. Лесополоса. Средний ряд. Пятнадцатое дерево. О сроке сообщите завтра».

— И это последняя передача?

— Да, она перехвачена 14 мая.

— «О сроке сообщите...» Не шла ли речь о предстоящем свидании двух лиц у этого пятнадцатого дерева? Хотя... Однако, товарищ генерал, времени с тех пор прошло уже немало.

— Времени, действительно, прошло немало, но не все потеряно. Слушай, на днях произошло одно событие в Мос-

кве. В Третьяковской галерее! В тот день среди посетителей было несколько групп иностранных туристов.

Ну, в том, что в Третьяковскую галерею одновременно пришло много иностранцев, ничего удивительного нет. Однако если один из них вдруг исчезает и, несмотря на тщательные поиски, его не находят — это уже странно. Так вот, турист Эдгар Дэвидсон пропал именно так. Правда, Дэвидсона знали как человека очень рассеянного. Поэтому вначале иностранные туристы, бывшие с ним в одной группе, и экскурсоводы только улыбались. Они не раз были свидетелями, как Дэвидсон то опаздывал на автобус, то искал где-то забытую шляпу, то терял фотоаппарат или макинтош. «Куда он денется? Найдется, — говорили они, — с рассеянными людьми такое случается на каждом шагу».

— Артист! — усмехнулся майор.

— И какой артист! — продолжал генерал. — Мы установили, что он незаметно вышел из Третьяковки и на такси уехал на Курский вокзал. Там рассеянный турист сел на электричку, доехал до станции Щербинка и на встречном поезде вернулся в Москву. В общем, хлопот он задал нам много. А в это время мы получили сведения, что адвокат Эдгар Дэвидсон, собиравшийся в туристскую поездку в Россию, убит у себя на родине. Следовательно, «человек рассеянный с улицы Бассейной» не Дэвидсон, а преступник, завладевший документами убитого.

— Где же он сейчас?

— Если бы я знал, где он, я бы тебе всего этого не рассказывал. Купив на Казанском вокзале билет на Челябинск, «турист» уехал в скором поезде из Москвы. Но сошел с поезда задолго до прибытия в Челябинск.

— Следы потеряны?

— Следы «туриста» обнаружались в Энске. Его опознал по фотографии сержант милиции. Но пока этот сержант переходил улицу, «турист» исчез в толпе.

— Энск... — задумчиво проговорил Захаров. — Что ему понадобилось в Энске?

— А вот смотри карту... — генерал разложил на письменном столе большую цветную карту. — Вот он — Энск. А тут

начинаются Уральские горы. Обрати внимание на одно обстоятельство, Иван Федорович, три города рядом — Энск, Ташкала и Бельск...

— Из трех городов — «верхний»! — воскликнул Захаров, вспомнив шифровку.

— Вот именно! Эти города очень близко расположены друг от друга. Энск стоит выше по течению реки. Не он ли верхний из трех городов? Вот это ты и выяснишь. Самолет уже ждет тебя. Лети!

— До свидания, товарищ генерал!

— Счастливого пути!

ПОПУТЧИКИ

Автобус прибыл в Энск с опозданием, и пассажиры с чемоданами и узлами в руках быстро разошлись, поругивая шофера.

Не спешили только двое безусых юношей. Положив на землю рюкзаки, они молча стояли на тротуаре, с любопытством разглядывали город.

Им было лет по шестнадцати. Один из них высокий и чуть-чуть сутуловатый. Другой на голову ниже, коренастый. Оба одеты по-походному. У высокого на плече висел фотоаппарат, а у того, кто пониже, охотничье ружье в чехле.

Прохожие не обращали на мальчиков никакого внимания. Мало ли кого можно встретить на улицах Энска, постоянно растущего и вширь и ввысь. Сколько молодежи приезжает сюда каждое лето по комсомольским путевкам!

Юноша с ружьем взглянул на часы и вздохнул:

— Без пяти шесть.

Высокий заволновался:

— Значит, не успели. Не везет же нам сегодня.

— Ничего, Махмут! Пусть мы опоздали на автобус, но, может, попадется попутная машина, которая сворачивает с большака в сторону Акбаштау.

— Хорошо, Шариф, поищем попутную.

И, действительно, им скоро удалось найти попутный грузовик. Выслушав просьбу, молоденький шофер молча указал на кузов.

За городом машина вдруг остановилась. Двое пожилых мужчин в кирзовых сапогах наперебой уговаривали водителя прихватить их с грузом.

— А вам далеко ехать?

— До реки Белой.

— Далековато...

В это время рядом, скрипя тормозами, остановилась машина, идущая в сторону Энска. Из кабины вышел автоинспектор с красным флажком.

Инспектор отдал честь шоферу, посмотрел его путевку, проверил исправность рулевого управления, тормозов и, удовлетворенный результатами, спросил:

— Что за пассажиры? — Он показал на мужчин.

Тут один из мужчин подошел к инспектору

— Извините, товарищ инспектор. Нам бы доехать до Белой. Давно тут стоим, ни одна машина не берет. Дома жена больная. Скоро ночь.

— Ну, что ж, заберите их, — сказал инспектор шоферу.

— Большое спасибо, товарищ инспектор.

— Всего хорошего! — ответил инспектор и пошел на встречу другой машине, показавшейся из-за поворота.

— Ну, садитесь побыстрее! — торопил шофер пассажиров.

— Подожди, дорогой, у меня тут небольшой груз.

— Какой?

— Не беспокойтесь, я хорошо заплачу.

— Дело не в этом. Что у вас за груз?

— Несколько стульев, детская кроватка, пять ящиков, несколько мешков.

— Ладно, погружайтесь, — сказал шофер. — Ребята, помогите им.

Махмут и Шариф с готовностью выпрыгнули из кузова.

Особенно тяжелыми оказались ящики.

— Кажется, здесь мука, — шепнул Шариф, отряхивая рубашку. — Куда они столько везут?

Спустя минуту машина тронулась. Вытирая потные лица, мужчины уселись на ящиках, отказавшись от предложения одному из них сесть в кабину.

— А вы, ребята, куда направляетесь? — спросил мужчина, который назвал себя «хозяином груза».

— Нам еще дальше ехать.

— Охотники? Или рыбаки?

— Ни то и ни другое. Хотим побродить в горах, посмотреть пещеры.

Попутчики мальчиков переглянулись.

— Вот что значит молодость, Максимыч!

Тот, кого называли «Максимычем», пробормотал что-то невнятное, наклонив голову и мрачно разглядывая из-под козырька мальчиков. Невысокий, рыжеватый, широкоплечий и неразговорчивый, он совсем не походил на художавого напарника, серые глаза которого беспрестанно улыбались.

— Счастливые. Есть время бродить, — продолжал «хозяин груза» и провел ладонью по щеке. — А тут побриться некогда! Да что же вы ищете в тех пещерах?

— Понимаете, — оживился Шариф, — мы оба учимся в Уфе, в девятом классе. Но сам я ежегодно приезжаю сюда и эти места хорошо знаю. А теперь вот и товарища пригласил поехать в деревню Акбаштау.

«Хозяин груза» усмехнулся:

— Да кто же так каникулы проводит? Вам в лагерь надо, а не в пещеры.

— Ну, нет! — качнул головой Махмут. — Мы уже вышли из этого возраста. Через недельки две весь наш класс поедет в один из зауральских совхозов. Мы два года дружим с ребятами этого совхоза. Зимой они у нас были в гостях. А мы обещали им помочь летом в уборке урожая. Но наши ребята поедут в совхоз через Челябинск, по Южно-Уральской железной дороге. А мы с Шарифом — напрямик, через Уральские горы. Сначала погостим у родных Шарифа, потом побродим по пещерам, а затем — по охотничьим троп-

кам — в совхоз! Придем туда как раз в тот день, когда придут наши. Все рассчитано!

— Это хорошо, что вы все так рассчитали, да и снарядились, я вижу, неплохо, — сказал «хозяин груза», показав на набитые до отказа рюкзаки ребят. — И ружье даже есть. Но в пещерах опасно ходить: сыро, темно, холодно. А если случится обвал?

— Не случится! — уверенно ответил Махмут. — Наш Шариф в прошлом году со своими друзьями из Акбаштау уже был в пещере... А я... а мы с Шарифом в одном журнале прочитали, что в Западной Европе и Северной Африке есть пещеры, в которых найдены рисунки, сделанные пещерными людьми тысячи лет назад...

— Смотри, закат-то какой! — перебил товарища Шариф. — Погода завтра будет хорошая. К обеду уже будем в Акбаштау.

Махмут покраснел. Он понял, что его откровенность Шарифу не нравится.

— Вот оно что! — протянул «хозяин груза». — Значит, будете заниматься научной работой? Молодцы, хвалю в таком случае.

Все надолго умолкли. Под монотонный шум машины усталые мальчики задремали. Когда они проснулись, в небе уже блестели первые звезды.

Бесконечно петляя на крутых поворотах, машина поднималась в гору. Направо — пропасть, налево — огромная темная скала. Местами дорога такая узкая, что, кажется, не разъехаться на ней встречным машинам. Замечательные люди — эти шоферы, по каким страшным дорогам водят свои полуторки и трехтонки.

Вокруг будто все уснуло. Даже натруженный рев машины, преодолевающей подъемы, не может разбудить юры, сплошь покрытые лесом. Проплывают в свете фар стволы придорожных сосен и берез и медленно скрываются во тьме.

После полуночи машина проехала какой-то мост, преодолела подъем и остановилась.

— Здесь, что ли, будете разгружаться? — спросил шофер.

— Нет...

Мужчины вылезли из кузова, что-то объяснили шоферу. Шофер резко ответил:

— Этого я не могу делать!

— Ну, вот! Подводы должны были ждать на этом самом месте. Эх, задержались мы там, в городе. А они ждали, ждали, наверное, и уехали.

— Какое мне дело до них? — возмутился шофер. — Я ведь не на прогулке, я работаю. Еду за срочным грузом. И никак не могу изменять свой маршрут. Я вас привез туда, куда вы просили. И больше никаких! Если бы знал, что надо в другое место, я бы ни за что вас не посадил в машину.

— Не горячись, шофер. Это же недалеко. Ты пойми, мне здесь надо было оставить часть груза. Люди должны были ждать. Но их нет.

Как же мне быть? Не могу же я увезти чужой груз на сорок с лишним километров дальше. Лучше я сдам его по назначению. А свой повезу дальше завтра. Днем машины найдутся. Для тебя же это пустяковое дело. Тут должна быть прямая дорога... и недалеко. Это, видимо, и ребята знают.

— Нет, — прервал его Шариф, — мы никаких других дорог, кроме этой, не знаем.

— А ты не беспокойся, шофер, мы отблагодарим. До сих пор не было человека, который бы сказал, что я неблагодарный. Слава богу, пятьдесят лет живу на белом свете! Не оставляй уж, шофер, в этом диком лесу! Дорога есть. Вот видишь, ездили же! — «хозяин груза» показал на следы от колес, уходящие куда-то вправо.

— Какая тут дорога? Здесь и ахнуть не успеешь, как полетишь в пропасть.

— Будь добрым, шофер! Места эти я знаю. Километра два будет, не больше. Сделай уж милость! Помогите в беде!

Наконец, шофер сдался. Машина подала назад и с прерывающимся ревом повернула на следы, уходящие в густой осинник. Дорога оказалась жуткой. Днем тут прошел дождь. Колеса то попадали в ямы, то лезли на пни, то с треском

ломали сучья, валявшиеся на земле. Временами машина так кренилась, что от страха у ребят замирало сердце.

Через некоторое время машина очутилась на какой-то поляне у большой скалы. Дальше не было даже тропинки.

Шофер выключил мотор.

— В темноте поехали не по той дороге, — кротко сказал «хозяин груза». — Прости уж, дружок, и вправду замучили тебя.

Шофер не ответил.

— Не сердись, милый. Уж больше тревожить тебя не будем: совесть не позволяет! Я сам виноват... Давай, Максимыч, останемся здесь. Скоро начнет светать, найдем дорогу. А за лошадьми я сам схожу в деревню. Помогите, ребята, разгрузиться.

Впятером быстро разгрузили машину.

— Спасибо, — весело сказал «хозяин груза» и пошутил: — Прощайте, пещерные люди!

Освобожденная от груза машина развернулась.

— Скоро и мы сойдем, — сказал Шариф. — А там до Ак-баштау остается каких-нибудь два-три часа ходьбы.

— А до Карякэ?

— Карякэ еще ближе. Вниз по Белой. Но тут никакой дороги нет. Горы. А река делает большой круг.

Внизу за стволами деревьев что-то забелело.

— Река Белая? — спросил Махмут, втягивая носом свежий прохладный воздух.

— Да. Она здесь неширокая, но зато вода чистая, мягкая! Хочешь мыться — не надо даже мыла! А рыбы тут!.. И течение быстрое.

Весной, если людям надо ехать вниз по течению, связывают кашмяк и готово! Не надо тебе ни машины, ни катера.

— Кашмяк? А это что такое, Шариф?

— Разве не знаешь? Небольшой плот из двух-трех бревен.

Махмут вдруг ударил товарища по плечу:

— Идея, Шариф!

— Что с тобой, Махмут?

— Давай, поедem на кашмяке! И не надо будет топать пешком до Акбаштау! Приедem прямо к Карякэ. Эх, если топор у нас был бы чуть-чуть побольше...

— Дело не в топоре. Тут полно бревен, оставшихся от весеннего сплава...

— Ну, в чем же загвоздка? Вот это будет класс!

— Если бы в мае! Мы бы, ух, как быстро доехали! А теперь вода убyla. К тому же нас только двое. А в Акбаштау тоже есть ребята, которые бы пошли с нами в пещеру.

— Да... А у меня в голове уже зародились было интересные планы. Пойти обратно туда, где мы оставили наших попугачиков, переночевать у костра, а утром — вниз по Белой на кашмяке! Жаль, что наши альбомы будут лишены многих чудеснейших фотоснимков, а сколько ухи, ухи не простой, а вкусной и ароматной не будет сварено!

— Ты так хочешь? — у Шарифа был вид человека, приготовившегося принять рискованное решение. — Эх, шайтан, подзадориваешь же ты, а?..

План созрел быстро.

Мальчики в четыре руки забарабанили по кузову.

— До свидания, товарищ водитель!

— Неплохой шофер! — оценил его Махмут. — Машину водит нормально! — в его языке слово «нормально» означало «замечательно».

Ребята пошли по следам машины. Под ногами хлюпала грязь, встречались лужи. Поэтому они старались идти не по дороге, а немножко в стороне от нее, там, где посуше. Часто спотыкались о пеньки, по лицу больно били гибкие прутья. «Может быть, лучше было бы дойти до Белой по шоссе или вообще не сходить с машины, а ехать дальше?» Но об этом никто из ребят вслух не говорил. Каждый боялся показаться товарищу трусом.

И они поплатились за это: заблудились. Первым об этом догадался Шариф. Пошли назад.

— Да, вот же куда надо: тут посветлее и должна быть дорога, — Махмут рванулся вперед.

Деревья стали более различимы. И тут Шариф чуть удержал Махмута от падения: они оказались на крутом каменистом берегу Белой.

— Ну, теперь ясно! — обрадовался Шариф, — Те мужики должны быть рядом, где-то правее. Я еще тогда почувствовал, что река рядом. Ну-ка, подадим им сигнал!

— Тише! — Махмут взял Шарифа за плечи. — Смотри...

Внизу, метрах в ста правее от того места, где они стояли, под водой двигался какой-то странный огонек, скупо освещаая камни на дне реки. Поблизости от огня что-то очень осторожно углубилось в воду.

— Рыбу, что ли, ловят при помощи карманного фонарика?

— Айда! — Махмут потянул Шарифа за руку.

НА БЕРЕГУ БЕЛОЙ

Приблизиться к огоньку по берегу не удалось: лежал глубокий овраг. Пришлось сделать большой круг. Наконец, нашлась дорога. Вот скала, у которой они оставили своих попутчиков. Но где же они? А где груз? Никакого огонька, никакого шороха!..

— Прожектор! — вспомнил Махмут.

Из туго набитого рюкзака Шариф с трудом достал аккумулятор, который они сами сделали специально для этого похода, и фару от автомобиля, затем выбрал наиболее мощную лампочку и ввернул ее в фару.

Полоса света коснулась вершины дерева и тотчас же торопливо начала что-то искать на реке и по берегу. Но сколько они ни старались, ничего подозрительного не смогли обнаружить.

— Что за чудо? — воскликнул Махмут. — Ничего не понимаю. Огонек ты ведь тоже видел?

Шариф, отыскав место посуше, расстелил плащ и лег. Махмут озирал деревья и камни, за каждым из которых,

казалось ему, скрывается нечто неожиданное, подозрительное, и удивлялся спокойствию Шарифа.

— Видел, — ответил Шариф. — Днем все станет ясно. Айда, ложись.

— Наверно, те вещи были краденые, вот они и прятали их. Ну, тогда зачем же старые стулья, детская кровать!..

Шариф старался успокоить товарища:

— Днем узнаем.

— А ружье заряжено?

— Нет.

...Когда стало светлее, ребята проверили, то ли это место, где они оставили попутчиков.

Сразу же бросились в глаза свежие глубокие следы машины, на которой они ехали. А на примятой траве были заметны полоски просыпавшейся муки.

Ребята осмотрели поблизости все овраги и кусты. Не переправили ли мужики груз на ту сторону реки? Нет, здесь берег высокий и очень крутой, местами даже выступает карнизом над рекой. Только лишь в одном месте имеется узенький спуск к реке. Но там очень глубоко. Значит, брода здесь нет. А если груз перевозили на лодке, ребята заметили бы ее. Может быть, здесь был готовый плот, и на нем уплыли? Плот почти с двухтонным грузом мог бы дойти только вон до того переката на повороте реки и там на долго задержался бы.

Не лежит ли этот странный груз под водой? Несмотря на большую глубину, утренние лучи солнца хорошо освещали дно этой прозрачной, как морская вода, реки, и нельзя было не поверить тому, что, кроме крупных белых камней, там ничего нет.

У Махмута уже пропал интерес к этим бесплодным поискам. Он достал свой фотоаппарат. Сейчас света было достаточно, чтобы фотографировать не только на открытом месте, но и в лесу. Он поднялся на высокий выступ скалы.

Какая вокруг красота! Как бы обгоняя друг друга, чем дальше, тем выше поднимаются горы. Недвижимы кудрявые березы, светло-зеленые липы, стройные сосны на берегах Белой.

Терзавшие ребят подозрения исчезли. Вокруг такая изумительная свежесть, такая прелестная природа — может ли быть в ней место каким-то тревожным сомнениям!

Через видоискатель своего фотоаппарата Махмут смотрел то на склоны гор, где лениво висят туманы, так похожие на стада фантастических животных, то на сосны на каменистых скалах Белой, то на Шарифа, который все еще ходил по берегу.

«Замечательные кадры для первых страниц альбома!».

Щелкнув последний раз затвором фотоаппарата и осторожно закрыв крышку объектива, Махмут обратился к Шарифу:

— Брось свою палку! Позавтракаем! Я как волк голодный.

— Вот странно! — Шариф еще раз осмотрелся по сторонам и, словно желая прогнать замучившие его мысли, откинул ногой валявшийся камень. — Будто в воду канули...

Разбрызгивая мыльную пену, долго мылись.

Развели костер. Скоро в чайнике закипела вода. Достали из рюкзака кружки, сахар, пирожки.

— Вот это чай! Сроду не пил такого чая, — Махнут, растянувшись, лег на спину, раскинул руки, с наслаждением сделал глубокий вдох. — Я действительно не знал вкуса чая. Не раз слышал, как другие говорят: вкусный чай. А для меня никакой разницы.

— Проголодались мы. Вот и кажется все вкусным.

— Не в этом дело... например, в прошлом году на Кавказе... Слушай, согласишься ли? Если бы я знал, что здесь так хорошо, еще в прошлом году приехал бы с тобой. Зря не слушался тебя...

Спокойный человек — Шариф. Пустяками трудно его удивить. А все же ему приятно слушать эти признания своего друга. Да еще из чьих уст эти слова! Из уст Махмута, человека, который может спорить с тобой нередко даже и тогда, когда сам понимает, что он неправ.

— Честное слово! Там на Кавказе летом, ой, народу как много. В столовых большие очереди. Поэтому мать часто готовила обед на квартире. Но каково было мне! То ей раз-

веди огонь, то следи, чтобы не подгорело, то сбегай за продуктами. Пообедаешь — опять: мой посуду!

— Э, дружок, без этого и здесь не обойтись.

— Возьми-ка чайник и кружки, а я эти...

После того, как все было убрано, вымыто и сложено в рюкзаки, Шариф спросил:

— Не поспать ли нам немножко?

— Что ты! — возразил Махмут. — Я днем никак не могу уснуть.

Стали готовиться в путь.

Бревна, годные для кашмяка, они нашли чуть выше по течению реки, в овраге, который им пришлось обходить ночью. Здесь много бревен застряло во время весеннего лесосплава. Таскать их, скатывать по большим камням и гниющим деревьям было очень трудно. Но зато кашмяк получился хоть куда! Принесли много веток с сухими листьями и постелили на кашмяке, сделали два весла, приготовили несколько длинных шестов...

Отчалили от берега, кашмяк дошел до середины реки, и сильное течение плавно понесло его вперед.

— Ура! Салют! Салют! Шариф, не пожалей одного патрона! Дай салют!

Шариф, хотя и считал такое излишество не совсем уместным, — но так счастливо сияло в эту минуту лицо его друга, — достал ружье, зарядил и отдал Махмуту.

Выстрел благодаря эху, многократно повторенному крутыми берегами, сообщил о начале путешествия двух молодых друзей по чудесной реке Белой.

НА КАШМЯКЕ

Шариф вытащил попавшуюся на удочку рыбку и оглянулся назад: что Махмут на это скажет?

— Махмут...

Ответа не последовало. А, он же спит. Спит сладким младенческим сном. «Ну и любит хвастаться, — про себя улыб-

нулся Шариф. — А ведь еще утром говорил, что днем никак не может уснуть».

Шарифу хотелось поговорить с Махмутом о секретах рыбной ловли, о планах на ближайшие дни. Но Махмута он не разбудил.

... Ехать в деревню Акбаштау он приглашал Махмута не раз. Еще в позапрошлом году, когда учились в седьмом классе, они договорились после сдачи экзаменов поехать туда. Однако мать Махмута не дала на это согласия. А в прошлом году его родители, получив отпуск, решили отдохнуть на Кавказе. Какое может быть сравнение между Кавказом и Акбаштау. Кавказ — это же Кавказ! Сколько людей едут туда отдыхать, лечиться, сколько о нем говорят, пишут книги, показывают в кино! Сколько выпускается открыток с видами Кавказа! А про Акбаштау редко увидишь даже на страницах областных газет, где уж там писать книги!

— Правда, — сказал тогда Махмут, прикидываясь будто шутит, — ты Акбаштау очень расхваливаешь. Но все же на Кавказе поинтереснее.

Итак, Махмут поехал с родителями на Кавказ отдыхать «диким способом». «Дикий способ» — это, оказывается, поехать без курортной или даже туристской путевки по своей инициативе и по своему усмотрению.

Обиженный Шариф больше уже его не приглашал. Однажды, еще в начале прошлой зимы, Махмут показал Шарифу интересную статью в журнале, где рассказывалось о рисунках, сделанных десятки тысяч лет назад пещерными людьми. Побывать в такой пещере для Махмута, говоря его же словами, «был бы класс».

— Вот ты, — сказал он Шарифу, — говоришь о пещерах в окрестностях Акбаштау. Но ведь там ничего интересного нет. Эх, если бы там были рисунки!

— Как это «ничего интересного»?! — возмутился Шариф. — Если бы ты видел, какие там поразительные подземные залы, какие чудеса!.. А рисунки... Там они тоже могут быть. Если хочешь знать, мне рассказывали, что будто мой дед поговаривал о каких-то рисунках в пещере Карякэ.

— Не может быть! О них бы уже писали.

— А может быть, кроме моего деда, больше никто их не видел? Кто будет писать? Мой дед не был ученым. Он был неграмотный башкир, простой охотник. Кто в те времена придавал значение словам такого старика?

— Но ты же говоришь, что сам побывал в пещере Карякэ? Разве ты не обратил бы внимания на рисунки, если они имелись?

— Это не так просто. Ты даже не представляешь, как там трудно.

— Шариф! Бери меня летом с собой, а?

— А, нет уж, друг мой! — нарочно дразнил Шариф, — В прошлом году ты тоже хотел ехать, а потом передумал.

— Я в тягость не буду, не думай. Возьми уж, а? Может и рисунки найдем...

Махмуту долго пришлось умолять своего друга. Шарифа же в пещерах интересовали не только рисунки.

Каждый раз, когда он приезжает в Акбаштау, ему рассказывают удивительные истории о его деде Тимербае. Судя по рассказам, дед был замечательным охотником, много времени проводил в горах и лесах. У него была своя тайна: он знал место, где можно найти алмазы. В свое время об этой тайне ходили всякие слухи. Один из приказчиков крупного уральского капиталиста не раз пытался выпытать тайну у старика. Чего только он ни обещал Тимербаю, но старик отшучивался: «Все это пустая болтовня, я ничего не знаю».

Однако в голодный год, когда люди умирали, как мухи, старик не вытерпел: «Ждите меня, — сказал он аксакалам. — Будет конец голодуде».

Перед тем, как отправиться в путь, он показал сыну — будущему отцу Шарифа — несколько алмазов.

— Еду поменять их на лошадей, на продукты, — и добавил, что нашел алмазы в какой-то пещере.

Старик уехал и больше не возвратился. По-разному толковали. Некоторые говорили, что узнав, с каким богатством он едет, его убили грабители. Другие уверяли: за то, что он не сообщал, где достал драгоценные камни, его обвинили в краже и отправили на каторгу в Сибирь.

Кто из них был прав — об этом Шариф не знает. Мать рассказывает о деде, ссылаясь на слова отца. Но отца-то давно уже нет в живых. Он умер от ран, полученных на гражданской войне. Шариф тогда был еще очень маленьким. Даже не помнит отца. Вот если бы отец был жив!

Алмазы! Где только их ни применяют в нашей промышленности. Найти хотя бы такое место, где алмазов много — и то какая бы это была польза для родной страны!..

И вот они с Махмутом в пути к пещере. Все идет очень хорошо, даже лучше, чем задумано. Предаваясь этим приятным воспоминаниям, Шариф, однако, не забывал вытаскивать то и дело клевавших рыбок. Вдруг он вздрогнул: Махмут вскрикнул неестественным голосом. Его укусил невесть откуда прилетевший овод.

— Вот проклятый! Смотри-ка, сколько успел испить крови! — жаловался Махмут, растирая лоб. — Как я мог уснуть? Времени сколько? Посмотри-ка на часы. Впрочем, я только что бодрствовал. Прошло, наверное, не более пяти минут.

— Еще бы! «Пять минут!» Вон сколько ты проспал! — Шариф показал свой улов.

От удивления у Махмута смешно расширились глаза:

— Ну и ну! Когда же ты успел столько наловить? А ну-ка, почистим. Ух, какую вкусную уху сейчас сварим! Варить уж я мастер.

— Пока достаточно, — сказал Шариф, сматывая удочки, и, бросив взгляд в сторону Махмута, приступившего к чистке рыбы, крикнул: — Что ты делаешь?

— Не видишь, что ли? Дрова колю, — пошутил Махмут.

— То-то! Дрова колешь! А надо бы рыбу чистить. Кто так чистит рыбу? Дай-ка сюда ножик! Вот так надо держать и вот как скоблить чешую. А эти штуки не бросай, это же жир, а не кишки.

— Гм... Вот, оказывается, как...

— Вот так, дорогой, рыбных дел мастер.

— Не смейся, не смейся! Если бы я не уговорил тебя поехать на кашмяке, ты бы сейчас тащился пешком с грузом на спине, — сказал Махмут.

— Ну, конечно! Ты ведь у нас гений.

— А вот что! Видишь на берегу вон тот выступающий камень? — Махмут взял в руки палку. — Можешь попасть, как я?

Палка, брошенная с сильного размаха, сделала большую траекторию и, точно ударившись о камень, скатилась вниз, поднимая пыль и приводя в движение большое количество мелких камней.

— Видел? А ты так не сможешь.

— Нет уж, дружок! Спорить из-за пустяка — это глупость. А я вот дам тебе одну задачку. Решишь умно, — тогда я скажу, кто ты.

— Давай!

— Смотри, вон впереди узкое место, где берега высокие. Представь себе, что между этими берегами на нашем пути стоит сплошная гранитная скала весом в десять тонн и высотой в десять метров. Запомнил? Как бы ты проехал то место, не сходя с кашмяка?

— Думаешь, не смогу решить?

— Почему же? Обязательно решишь! Но как ты это решишь?

— Простая арифметика. Ширина реки тут, примерно, тридцать пять метров. Согласен?

— Допустим.

— Так и твою тоненькую гранитную стену просто вот этим веслом развалю. Толщина же ее, постой-ка, сколько будет?.. Меньше одного сантиметра. Соображать надо!

— Молодец! Быстро ты решил!

— А за кого ты меня принимаешь! — Махмут с хитринкой прищурил глаза. — Вот в прошлом году, когда ты заставил меня решать эту задачу впервые, я действительно долго ломал голову и решил не без твоей подсказки. За сколько секунд сегодня я решил? Ты не следил по своим часам?

— Вот оно что! А я-то забыл, что ты уже знаком с этой задачей.

Над рекой раздался громкий смех. Смех добродушный, веселый, задорный.

КАРЯКЭ

Ребята проснулись одновременно. Воздух был прохладный. Они вышли из своего шалашика, наспех сооруженного вечером в темноте.

На небольшой поляне развели костер. Не торопясь, приготовили уху.

После завтрака, одевшись потеплее и забрав с собой самое необходимое, ребята спрятали рюкзаки в густых зарослях и по влажной высокой траве направились к подножию горы, величественно поднимавшейся за деревьями.

Так вот она какая — пещера Карякэ, о которой из поколения в поколение передаются легенды!

Узкое ущелье. Мрачно поднимаются высокие скалы. Над синей, точно само небо, водой зияет пасть пещеры. А внутри ее тяжелый и плотный мрак.

Но как весело выбегает из-под скалы небольшая речка Сапкын, что в переводе с башкирского означает «Скачущая». В крошечном озере, образованном речкой, плавали хариусы и форели. Появление людей их не испугало. Они подплывали к берегу и, словно красуясь, исполняли свои плавные рыбы танцы.

— Ну! — сказал Махмут. — Рискнем, что ли?

Озираясь, друзья осторожно вошли в пещеру. Под ногами хрустел известняк и песчаник. Вскоре коридор повернул направо, и стало совсем темно.

Шариф осветил прожектором стены и потолок. Сверху, словно в сказочном дворце, свисали сталактиты. Толстый слой кальцита покрывал стены сверкающими узорами.

Пещерный ход становился все теснее. Стало холодно.

— Голову береги! — крикнул Шариф, сгибаясь.

Они протиснулись между камнями и вдруг очутились в огромном зале.

Конический купол этого зала поднимался на высоту четырехэтажного дома. Искрились стены. С мелодичным звуком падали сверху невидимые капли.

Шариф светом прожектора пошарил по стенам.

— Айда, поднимемся! — сказал Махмут громко, увидев вверху начало какого-то канала.

Это уже был второй этаж пещеры. Ребята знали, что два нижних этажа людям уже достаточно известны, описание их опубликовано в журналах и книгах. Да и сам Шариф в прошлом году был здесь.

Поэтому они останавливались только там, где в глаза бросалось что-то интересное; а главное внимание их было обращено на поиски более удобного подъема на труднодоступный и пока еще малоизученный третий этаж.

То они оказывались в огромных залах, где свободно могли бы вписаться большие дома, то шли по узким, извилистым коридорам, то ползли по сырым трубам.

Долгое пребывание в холодной пещере дало себе знать: одежда промокла, ребята устали и замерзли. Проголодавшись, они спустились вниз и направились к выходу. У Махмута упало настроение, и он уже ни на что не обращал особого внимания.

— Да, — сказал он, — в этих условиях никогда человек здесь не смог бы жить.

— Не везде же сырость, — возразил Шариф. — Притом сейчас лето. Зимой, наверно, здесь, в сравнении с наружным воздухом, очень тепло... Вижу, что у тебя нет уже желания заглянуть подальше.

— Почему же? — без особого энтузиазма произнес Махмут. — Раз за этим приехали, посмотрим и дальше.

Впереди показался свет. Воздух становился суше. До них дошел запах леса. Махмут, увидев, что до выхода осталось немного, облегченно вздохнул:

— Уф! Замерзли. Ох, и погреемся на солнце!

Шариф, не перестававший оглядываться, вдруг остановился, что-то увидев на земле, и осторожно взял в руки лежавший там камень.

«Интересно! Будто природа нарочно сделала его таким, чтобы было удобно держать рукой. А какой правильной формы его острый конец! Долго лежал он тут: покрыт толстым слоем извести. А ведь когда-то он был еще острее. Постой! Не человек ли это сделал?!»

Вдруг перед глазами Шарифа возникла картина, которую он видел в какой-то книжке: мастерская первобытного человека! Тут человек изготовлял свои каменные орудия. Света здесь достаточно, ни снег, ни дождь не мешают, не могут застать врасплох и враги: ни двуногие, ни четвероногие. Да, да! Для мастерской это самое подходящее место!

Как же ребята проморгали это утром? Впрочем, все понятно. Камней везде полно.

Они забыли и усталость, и голод. Вначале они осматривали, и бросали камни без определенного порядка. Затем догадались, что здесь должен быть продуманный план. Все осмотренные камни они сложили на одном месте. Тщательно проверяя каждый из них, они нашли два камня, похожих на зубило, и четыре камня, напоминающих всевозможные скребки.

Сейчас уже можно было идти сушиться, погреться, поесть.

Но их встретило хмурое небо. Тяжелые тучи, касаясь горных вершин, ползли на восток.

Ребята кое-как развели огонь и сменили мокрое белье на запасное.

Мрачная, плотная туча, образовавшаяся между двумя горами, постепенно опускалась все ниже и ниже, и вдруг полил неприятный, мелкий дождь.

Шариф и Махмут собрали в одну кучу всю свою одежду, вещи, продукты и, подняв капюшоны плащей, бросились к шалашу, чтобы укрепить его.

К счастью, дождь на время прекратился. Огонь перенесли поближе к входу, чтобы в шалаше можно было сушить одежду.

Ребята выпили по две кружки чаю, а в оставшийся в чайнике кипяток опустили яйца.

— Засекай время! — сказал Махмут. — Варить надо не больше пяти минут. Я люблю яйца всмятку.

Однако он себя все еще чувствовал очень голодным и под предлогом «пробы» достал одно из яиц уже через три минуты.

После яиц дошла очередь до картошки, приобретенной вчера в одной прибрежной деревне. Махмут, который любил хвастаться, что умеет готовить картошку более чем десятком способами, сегодня просто испек ее в горячих углях.

Наевшись, снова начали рассматривать камни, найденные в пещере.

В лесу уже стало темно. Шариф подправил костер, и в шалаше стало светло.

— Правду говоря, — сказал Махмут, — трудно поверить тому, что эти камни являются орудиями труда. Если бы я нашел их в другом месте, не подумал бы даже взять их в руки.

— Еще бы! Да ты и у этих не хотел останавливаться.

Вдруг лицо Махмута помрачнело. Словно вспомнив забытое горе, он кусал губы, глаза его смотрели через камень, который он держал в руке, в неопределенную точку. Он покачал головой и тихо сказал:

— Дураки мы, Шариф, дураки... Известняки же все это. А первобытный человек свои орудия изготовлял из более твердого камня, кремня.

Махмут брал в руки то один, то другой камень:

— Вот тебе зубило, вот скребок, — перечислял он с каким-то раздражением и, увидев растерянность Шарифа, рассмеялся.

— Ха-ха-ха! Показать бы кому-нибудь: «Вот смотри, мы нашли орудия труда, принадлежавшие человеку древнекаменного века!» Ха-ха-ха! Что бы он сказал, а?

Махмут так долго хохотал, что потом еле отдышался.

— Сколько времени тратили! — сказал он и, как бы желая освободиться от ненужной вещи, с размаху швырнул камень, который был у него, и потянулся за следующим.

— Оставь! — сказал Шариф, не громко, но резко.

Махмут с недоумением взглянул на Шарифа. Он казался спокойным, только лишь загорелись глаза, выдавая его сильное возмущение.

— Если тебе они не нужны, отнеси туда, где взял. Но швыряться вещами из пещеры никаких прав ты не имеешь! Ясно?

— Подумаешь, будто там мало таких, — ответил Махмут, покраснев, но положил камень на место.

— Может быть, каждый из этих камней хранит какую-нибудь тайну, нужную людям, науке. На свете мы не одни ведь с тобой. Придут другие. Разберутся.

— Да, ничего же особенного в них нет, — сказал Махмут кротким голосом.

Сколько лет уже они дружат с Шарифом, но то, что Шариф может так сильно сердиться, он видел впервые.

В шалаше установилась тишина.

А дождь о них и не думал, был занят своим делом.

Огонь у входа в шалаш долго и лениво облизывал сырые дрова и, почувствовав, что о нем никто не заботится, погас. Шалаш наполнился горьким дымом.

Кругом, кроме нескольких деревьев, потерявших в темноте свою форму, ничего не видно пришла ночь.

Иногда в лицо попадают холодные капли. Все вещи влажные, везде вода, весь мир кажется насквозь промокшим, и не верится, что где-то в сухих домах живут люди.

— Те люди, которые жили здесь, по-твоему, где должны были достать кремьнь? — спросил Шариф, как человек, пришедший после долгих размышлений к серьезному выводу.

— Наверно, там, где удобно...

— А где удобно? — Шариф сам же и ответил, четко и раздельно выговаривая каждое слово. — Нет здесь такого «удобного места».

— Поблизости нигде нет кремня. А издали не могли они возить кремьнь: тогда у них не было не только самолетов или автомашин, но даже прирученных лошадей. Им приходилось пользоваться такими камнями, какие находили.

— Ведь верно! — воскликнул Махмут, уже забыв о своей обиде. — Правда же! Как же это я сам не додумался до этого! А ведь по-другому и быть не может!

Он поднялся с места. Накинул на себя плащ и пошел искать тот камень, который бросил. Догадавшись о его намерении, Шариф быстро достал прожектор и посветил ему дорогу.

Аккуратно завернув найденный камень в бумагу, вместе с другими положили в рюкзак и выключили прожектор.

Вскоре тлеющий костер загорелся последний раз и слабо осветил спокойные лица спящих, крепко прижавшихся друг к другу ребят.

НЕ СОН ЛИ ЭТО?

Махмут проснулся: с него сполз плащ. Шалаш протекал. «Сейчас короткие ночи, почему все еще не наступает утро? — подумал Махмут. — А зачем нам день? В пещере же все равно, что днем, что ночью».

Он мягко погладил друга по голове:

— Шариф, Шариф!

Шариф что-то бормотал.

— Шариф, проснись-ка! Который час?

Шариф приподнялся и стал шарить в карманах. Махмут разыскал прожектор.

Было половина третьего.

— Шариф, послушай-ка. Может быть, пойдем? Там же все равно.

— Где все равно?

— В пещере...

Шариф полежал немного, как бы раздумывая, встал и начал одеваться.

Не прошло и пяти минут — они были уже готовы. Подъем на верхний этаж пещеры был долгим. На крутых стенах глубоких колодцев, по которым они поднимались, им пришлось молотком долбить уступы. А раз случилось такое, что Махмут из-за своего неосторожного движения поскользнулся по наклонной гладкой стене. Если Шариф не успел бы укоротить веревку, которой они были связаны, могло быть большое несчастье. А так Махмут отделался только испугом, но компас в его кармане разбился.

Наконец, они поднялись в узкий коридор, который, извиваясь, привел их в просторный зал.

— Смотри-ка, Шариф! — показал Махмут на углубление в стене, напоминающее кресло. — Природа не только создала трудный путь, но позаботилась и о том, чтобы после тяжелого подъема человек мог посидеть и отдохнуть.

— Точно! Айда, садись!

Ребята достали из авоськи завернутый в кусок клеенки свой завтрак.

Здесь было немного суше, чем на нижних этажах. Махмут увидел под ногами странные кристаллы, в форме длинных призм и похожие на иголки.

— А это арононит, — пояснил Шариф, — естественный карбонат кальция.

Скоро они очутились в таком огромном зале, какого они еще ни разу не встречали. Для внимательного осмотра пришлось сменить в прожекторе лампочку на более мощную.

Махмут определил размеры зала: высота — двадцать шесть метров, а ширина — сорок с лишним метров.

— Пятиэтажный большой дом может вместиться здесь!

Стены разукрашены молочно-белыми сталактитами, разноцветно мигают кристаллы. На середине зала величаво, как хозяин, сидел огромный сталагмит. Высота его равнялась трем метрам, а диаметр основания доходил до восьми метров. Махмут несколько раз сфотографировал его, используя магниевую вспышку.

В дальнем углу зала показалось наклонное разветвление. Ребята решили его осмотреть. Это был коридор, не широкий, но очень высокий. Шариф посветил стены, и ребята не поверили своим глазам: тут были барельефные изображения каких-то гигантских деревьев и стада слонов между ними.

«Не творенье ли это рук человеческих?! Вот как неожиданно!» Нет, это были не рисунки, а очаровательная шутка природы. Ребята надолго задержались у этих сложных узоров, образованных кальцитовыми отложениями.

Дальнейшая дорога шла вверх по наклонному коридору и вывела в следующий зал. Он был намного меньше предыдущего, и ничего привлекательного в нем не бросалось

в глаза. Ребята обратили внимание только лишь на то, что здесь было сухо, как ни в одном зале, осмотренном до этого.

Шариф уже пошел было дальше.

— Постой! — остановил его Махмут. — Видишь!

— Что?

— Здесь тоже есть рисунок!

— Где?

— Не видишь разве? Посмотри на эти линии! — Махмут приблизился к стене. — Вот!

— Да нет же! Тебе кажется. Это простые пятна.

— Смотри повнимательнее!

Шариф повернул рычажок прожектора. Светлый круг на стене уменьшился, но зато он стал намного ярче.

— Лошадь! Да, настоящая лошадь. Это уже не работа природы, а нарисовано человеком.

— Ты серьезно? Неужели вправду? Гляди-ка! Э-эй-й! Вот еще! Голова быка! Видишь? А ну-ка, я их... — Махмут, волнуясь и торопясь, перезарядил кассеты фотопластинками. Для этого не понадобилось никакого искусственного затемнения, достаточно было выключить прожектор.

Пока Махмут фотографировал рисунки, Шариф исследовал другие стены.

— Еще один рисунок!

— Шариф! Скажи-ка мне: не во сне ли все это? А когда ехали сюда, как я мечтал об этом!

— Но я и не представлял, что это будет так просто. Как замечательно получилось, а? Нет уж, я это предчувствовал, действительно предчувствовал. Нет, это было даже не предчувствие, а предвидение!

«Ну, ты что уже лишнее загнул!» — подумал Шариф.

— Как же иначе! — сказал он с иронией. — Зря, что ли, ты всю жизнь занимался крупными научными исследованиями в этой области!

Однако Махмуту было не до иронии.

— Говорил же я, что такие рисунки должны быть не только в пещерах Западной Европы, но и у нас. Если их нет в пещере Карякэ, то где же еще они могут быть?

Долго возились ребята в этом зале. А когда пошли было уже дальше, Махмут еще раз остановил друга.

— Слушай! А не окажется так, что на той стене рисунки сделаны так же, как и слоны, в результате...

Они вернулись к рисункам. Шариф очень внимательно осмотрел один из рисунков.

— Охра же это! Охрой нарисовано! Ее изготавливают из глины или извести, смешивая с окисью железа и с жиром или даже просто с водой.

Эти слова заметно успокоили Махмута. Он хотел выяснить, сколько времени прошло с тех пор, как были нарисованы на стенах пещеры эти рисунки. Не решив этот вопрос, как они расскажут об открытии своим одноклассникам?

— Рисунки нарисованы как тени животных. Значит, они относятся к первому периоду жизни человека крома-ньонского типа, а именно: к эпохе ориньякской культуры. Стало быть, рисункам, найденным нами, столько же лет, сколько рисункам в Западной Европе.

— Ты не торопись с такими выводами, — посоветовал Шариф.

— А я и не тороплюсь. Здесь вывод сам напрашивается. Логика тут очень простая. Если бы рисунки были нарисованы не как тени, а лицом к нам, то они относились бы к культуре солютрэ. Солютрэ — это позже, чем ориньяк. Затем — мадлен. Этой культурой заканчивается древнекаменный век. Начинается новокаменный. Он...

— В твоей «простой логике», — прервал Махмута Шариф, — непонятно вот что: совпадает ли время развития древних культур на Южном Урале со временем развития западноевропейских культур?

От прямого ответа Махмут уклонился:

— Это надо уточнить... — а сам подумал: «Уточнить... проверить...». Нашли камни — надо проверить: есть ли поблизости кремль. Да пещера сама еще как следует не изучена. Будут возникать все новые и новые вопросы. А их только двое. Вот если бы они были тут всем классом, человек тридцать!

Вдруг Махмута осенило:

— Шариф! Давай дадим телеграмму!

— Кому? О чем?

— Нашим! Пусть немедленно приезжают сюда! Дела всем хватит. Вот это был бы класс!

Шарифу мысль понравилась.

— Обязательно пошлем, Махмут! Я думаю, по такому поводу сюда и сам директор школы вместе с нашими ребятами приедет.

— И в газетах о нас напишут!

— Конечно, напишут!

Но было ясно, что сегодня они не успеют дать телеграмму. Поэтому договорились, что до конца дня они будут в пещере, а завтра рано утром пойдут в Акбаштау.

После перехода через быструю и чистую подземную речку они поднялись в зал с куполообразным потолком. Гладкие стены зала сразу привлекли внимание.

Здесь ребят ожидала новая удача. При первом же освещении стен показались медведь и голова волка. Тут же рядом на них смотрела лиса.

Громко разговаривая, забыв об усталости, ребята двинулись дальше. Каждый рисунок они фотографировали.

— А это что за странная стена? — вдруг остановился Шариф. — Смотри, мне кажется, что ее кто-то сложил из камней...

Сунув пальцы в трещину, он попробовал потянуть один из камней к себе. Камень легко оторвался. Внутри — пустота. Ребята вытащили еще несколько камней. Образовалась брешь, через которую можно было ползком пробраться в крутую пещеру.

— Вот это открытие! — обрадовался Махмут.

Шариф показал на следы, оставшиеся на камнях от ударов каким-то острым предметом:

— Кто-то уже знает об этом.

— Пожалуй... Но почему же он снова закрыл ход?

Освещая прожектором путь, они вползли внутрь нового хода.

После непродолжительного спуска по наклонной трубе вышли в довольно широкий коридор. Воздух здесь был не только сухим, но и теплым.

Остановились на развилке коридора, у большого камня.

— Вот это действительно класс! — восхищался Махмут то ли высокой температурой воздуха, то ли всем увиденным за сегодняшний день. — Эта пещера, оказывается, целый Эрмитаж!

— Вот чего я боюсь, — прервал его Шариф. — В пещеру лезут все, кому только не лень. Пока не видно людей только потому, что испортилась погода. Люди бывают разные. Могут кое-что испортить или унести.

— А знаешь, что надо делать? Как только наши придут, все вместе напишем письмо и направим куда следует. Пусть берут пещеру под охрану...

Мечты и желания ребят разрослись. Они говорили о том, что здесь, на берегу Белой, в горах следовало бы открыть туристскую базу: кругом много интересного, прекрасный воздух, чудесная вода. А будущее этой темной, сырой, страшной пещеры им представилось своеобразным музеем, где хранятся ценнейшие произведения искусства, созданные первобытным человеком, далеким прапрадедом современного человека.

Вдруг Шариф схватил Махмута за руку:

— Тише!..

Из-за поворота вырвался луч яркого света, и через мгновение они увидели фигуры трех мужчин.

— О! Молодые люди! Здравствуйте! Вы уже здесь?

Один из мужчин приблизился к ребятам и протянул руку. Это был их попутчик, загадочно исчезнувший в лесу вместе со своим товарищем и грузом.

— Здравствуйте! — ребята пожали протянутую руку.

— Вы, я вижу, — улыбнулся «хозяин груза», — немножко струсили, увидев нас. Нет, нет! Я шучу. Ну, расскажите, какие тайны вы раскрыли?

— А вы? — вопросом на вопрос ответил Махмут.

— Мы? Дела у нас идут неплохо! — «хозяин груза» усмехнулся. — Как, друзья, показать, что ли, мальчикам наши находки?

— А почему бы и нет! — ответил один из его спутников и жестом показал туда, откуда они только что явились сами.

Шли недолго. Мальчиков внезапно сбили с ног и связали.

ЗАХАРОВ В ЭНСКЕ

... Жаркий полдень. По пустынной проселочной дороге неторопливо шагал запыленный, небритый мужчина с мешком в руке. Что-то заинтересовало его на обочине дороги. Он сошел в ложбинку и сорвал несколько стебельков. Внимательно осмотрел их, понюхал и положил в мешок. По-видимому, он собирал лекарственные растения.

Затем мужчина медленно двинулся по лесополосе, то и дело срывая траву. Мешок его все больше тяжелел.

Дойдя до густой березки, он остановился, сбросил мешок в заросли ромашки и, поморщив нос, посмотрел на небо. Кажалось, он хотел сказать: «Ну, и печет же сегодня солнце!»

Мужчина рукавом вытер лицо, сделал шаг в тень и опустился на траву рядом с черной кучкой взрыхленной земли.

Кто бы мог подумать, что этот человек — майор Захаров?

Убедившись, что его никто не видит, Захаров достал из походного мешка небольшую лопату и начал раскапывать взрыхленную землю. На глубине полуметра, в сгоревшей и превратившейся в мягкий серый порошок земле, он обнаружил спекшиеся куски металла.

Майор с величайшей осторожностью собрал найденное, завернул в бумагу и положил в мешок.

Внезапно он присвистнул: неподалеку от разрытой ямы он увидел голубой галстук. Такой галстук видели на груди «туриста». «Рассеянный с улицы Бассейной», — многозначительно улыбнулся Захаров.

Сомнений не оставалось: это было то место, о котором говорилось в расшифрованной радиограмме. По-видимому, в яме для «туриста» был приготовлен металлический ящик с новой одеждой и документами. А свою прежнюю одежду турист положил в ящик и уничтожил точно так, как кем-то уничтожались таинственные рации.

— Упустили, — вздохнул Захаров. — Все значительно усложняется.

«Куда он дальше поехал?.. Все три города тщательно обследовать! Да и дороги тоже. И немедленно!»

Он поднялся и зашагал в сторону дороги.

Легковой автомобиль, появившийся из-за холма, увез майора в город Энск.

... Дни сменяли друг друга. Шла упорная работа. В дело подключилась уже и милиция. Но ничего утешительного пока не было обнаружено. Как-то вечером Захарову сообщили о возвращении домой того из автоинспекторов, с которым Захарову до этого не удавалось поговорить. Автоинспектор несколько дней где-то в районе гулял на свадьбе: сестра его выходила замуж.

Несмотря на поздний час, Захаров послал за ним свою машину.

Автоинспектор оказался несколько резковатым, но словоохотливым человеком.

Мало ли людей ездят и ходят по дорогам? Всех разве запомнишь! Его дело — автомашины. А их стало много. Каждый колхоз теперь имеет свою полуторку, а некоторые даже трехтонку. Говорят, в этом году районам опять выделяют по десять-пятнадцать машин. Значит, дорожных происшествий тоже станет больше. До людей ли тут автоинспектору! Правда, на его участке дороги в этом году происшествий с тяжелыми последствиями не было. Но ведь это, с одной стороны, потому, что автоинспектор ведет профилактику, принимает меры предупреждения.

Деликатно прервав автоинспектора, Захаров разъяснил, что он интересуется человеком, приехавшим в эти края недавно, описал его некоторые приметы, откуда-то незаметно достал групповое фото:

— Вот один из этих — он. Правда, здесь на нем не та одежда, в которой вы могли видеть. Смотрите внимательно.

— Никого из них в жизни не видел.

— Не торопитесь. Учтите, он, может быть, был не один, а с кем-нибудь вдвоем. Могло быть их еще больше.

— Да... Нет... Впрочем... Пойдите-ка... Вот того я, кажется, где-то видел... Когда же?..

— Подумайте.

— Вспомнил. Я их, то есть его и еще одного мужика, дней десять тому назад посадил на попутную машину.

— Где?

— Ну, разумеется, на моем участке дороги.

— Куда они уехали?

— Вот этого не запомнил... А ведь номер машины! Я это хоть во сне! У меня такая привычка, то есть такая память: ни один из наших ребят состязаться со мной не может. Увидел номер — все! Я уже зафиксировал. Кстати, кажется, номер я не только запомнил, но и записал. Минуточку... а вот, посмотрите-ка!..

УЗНИКИ

Шариф открыл глаза, но ничего не увидел: вокруг был полный мрак. Болела голова, ныли руки и ноги. Он с трудом вспоминал: им крепко связали руки... В луче света мелькнуло лицо «хозяина груза» — он зло улыбался... И что-то говорил своим спутникам на каком-то непонятном, кажется, на английском языке. А те возражали, о чем-то спорили...

Потом их повели по коридору. Дорога, извиваясь, шла вниз. Пещера становилась все шире и выше. Их привели к черному, как деготь, озеру. На берегу лежал ящик, напоминающий опрокинутый железный шкаф, в котором они увидели водолазные костюмы.

Костюмы вынули, а в шкаф втолкнули ребят, с сильным стуком захлопнули крышку. По ящику кто-то ходил, стучал...

И вот ящик сдвинулся с места. Он, оказывается, был разделен на две камеры — верхнюю и нижнюю. Слышалось, как нижняя камера заполняется водой. По-видимому, это делалось для того, чтобы ящик погрузился в озеро: Шариф слышал, как плещется вода.

Дышать становилось все труднее.

Перед глазами закружились красно-желтые пятна. Холодные стены ящика, казалось, суживаются и давят на грудь и голову.

Шариф попытался окликнуть Махмута. Ответа не последовало. А еще раз подавать голос — у Шарифа не было сил...

А затем... Нет, он не мог вспомнить, что было затем...

Шариф попытался двигать ноющими руками. Они уже развязаны. А где же Махмут?

Шариф ощупью искал вокруг себя. Под ним было какое-то тряпье, старое одеяло. Он вытянул руку и коснулся человеческого тела.

Махмут! Положив голову на грудь, Шариф напряженно слушал, бьется ли сердце друга?

— Жив!

Шариф попытался разбудить его. Но тот не просыпался.

Надо было зажечь огонь, осмотреться, но спички из кармана кем-то вынуты.

Вдруг екнуло сердце: комсомольский билет! Его рука лихорадочно нащупала под рубашкой тайный карман. Цел!

Немного успокоившись, Шариф порылся в карманах Махмута. Оказалось, что его карманы тоже опустошены. Однако две спички Шариф все-таки обнаружил в складке кармана.

Что делать дальше? Можно зажечь спичку, чиркнув о сухую доску, о стекло или картон. Но где их взять?

На каменном полу под одеялом Шариф обнаружил гладкое и сухое место.

Но спичка не зажигалась. А когда Шариф чиркнул с нажимом, головка спички с треском отлетела.

Последней спичкой нельзя было рисковать. И вдруг он вспомнил: у него же есть ватман, в который завернут комсомольский билет!

Шариф осторожно развернул бумагу и расстелил на ровном месте. Долго не решался чиркнуть, наконец решился и облегченно вздохнул — вспыхнул огонек. Отвыкшие от света глаза невольно зажмурились.

Шариф разорвал ватман на узкие длинные полоски и, бережно сжигая одну за другой, осмотрелся. Их темница напоминала каменный подвал под домом, а не пещеру. Увидев железную дверь, Шариф потолкал ее — она была заперта снаружи.

Недалеко от двери он обнаружил отверстие с железной решеткой, откуда дул теплый ветерок. Где-то слышалось мерное жужжание. «Вентилятор», — определил Шариф. В углу напротив двери — три больших камня, которые, видимо, служили сиденьями. Над ними еще одно отверстие. Шариф догадался, что оно сделано для вытяжки воздуха: туда клонилось пламя.

У стены по неглубокой канаве тихо журчала вода. Шариф очень осторожно, чтобы не погас огонь, лег на пол и напился. Затем побрызгал водой на лицо Махмута.

Махмут открыл глаза и приподнял голову.

— Где мы?

— Если бы я знал, Махмут...

ЧТО ВСЕ ЭТО ЗНАЧИТ?

Скоро послышались шаги, и кто-то дернул запор. Дверь открылась. На пороге стоял «хозяин груза» с фонарем в руке.

После всего случившегося ребятам казалось, что теперь их ничто не может удивить. Однако аккуратный синий ха-

лат из тонкой материи на «хозяине груза» не мог не привлечь их внимания.

— Ну, проснулись, друзья? — весело спросил он. — Молодцы! Испытание прошли блестяще!

Трудно было понять, за что хвалил их этот человек.

— Выпустите нас отсюда! — заговорил Махмут сердито. — У вас нет никаких прав мучить нас. Что плохого мы вам сделали? Что все это значит?

— Я так и думал! Я точно предвидел, что вы скажете! На вашем месте я бы тоже сердился. Да, немножко грубовато получилось, — «хозяин груза» покачал головой, вздохнул и вдруг спросил: — А вы знаете, где находитесь?

Ребята молчали.

— То-то! Не знаете! Вы, наверно, подозреваете, что мы черт знает кто, может быть, даже бандиты?

— А кто вас знает, — пробормотал Махмут.

«Хозяин груза» пропустил мимо ушей его реплику.

— Нет, — продолжал он. — Мы не собираемся держать вас взаперти. Но чуть-чуть задержать вас придется.

— Мы требуем, чтобы вы нас отпустили немедленно! — вырвалось у Махмута.

— Понимаю, браток, твое желание, — усмехнулся «хозяин груза». — Тебя Махмутом звать? Вы, ребята, пришли туда, куда без особого разрешения вход категорически запрещен.

Мы же не звали вас. Вы сами пришли. Здесь, — «хозяин груза» показал на дверь, — ведутся большие научно-исследовательские работы, которые являются государственной тайной. Теперь сами подумайте: можно ли вас отпустить до завершения исследовательских работ? Нет, нельзя! Придется погостить у нас...

— А когда завершится ваша работа? — спросил Шариф.

— Меня зовут Василий Федорович. Научные эксперименты ведутся уже больше двух месяцев. Еще три-четыре, а может быть пять месяцев надо трудиться.

— Пять месяцев?! А наша учеба? Что подумают дома?

Василий Федорович нахмурился.

— Ты, Махмут, понимаешь, когда говорят по-хорошему? Пока вас никто не отпустит! А родителям и вашей школе через соответствующие органы будет все сообщено. Не беспокойтесь! Кстати, мы решили поручить вам очень почетную работу. Вы же приехали сюда в качестве спелеологов, то есть исследователей пещер. Но ваши исследования — это детская игра. Мы дадим вам очень ответственное задание, после сами скажете спасибо. О такой работе ваши одноклассники даже и мечтать не могут. С другой стороны, ваша помощь в какой-то мере поможет нашим специалистам завершить научные эксперименты.

Василий Федорович жестом показал, что надо идти, и открыл дверь. Они вышли в широкий светлый коридор. И странно: ребята ясно услышали запах каких-то цветов. Откуда эти запахи под землей?

Коридор ничем не напоминал пещеру. Ровные и высокие стены окрашены светло-желтой краской. По обеим сторонам много дверей. И на потолке электрические лампы.

Василий Федорович вел ребят к дальнему концу коридора. Тяжелая дверь плавно открылась.

Вдруг... что это? Они вышли из пещеры в лес?! Показались зеленые листья деревьев, дневной свет ослепил глаза.

Нет, это был всего лишь огромный пещерный зал. Не солнце, а множество электрических ламп дневного света освещало его. Они увидели не дремучий лес, а зеленые ветки яблонь, выращенных под землей.

За яблонями потянулись ряды многоярусных полок. Чего только не увидели ребята! Огурцы, лук, помидоры, картофель, морковь, свекла — тут был настоящий огород.

По узким проходам между полками они прошли в отгороженную застекленными рамами комнату в дальнем углу зала. Здесь свет был еще ярче, сами стены, казалось, излучают тепло.

— Здесь, — сказал Василий Федорович, — субтропические растения, требующие много света и тепла. Видите, лимоны созревают!

Но ребята смотрели не на лимоны, а на голого человека, лежащего на небольшой площадке, посыпанной речным песком. Человек был худ и костляв.

Василий Федорович с улыбкой пояснил:

— Принимает световую ванну. У нас эта ванна заменяет солнечную. Очень удобно: можно загорать не только днем, но и ночью. Не мешают ни дождь, ни облака. Можно так загореть, что кожа станет черной, как чугун.

Человек на песке поднялся и накинул на себя халат — точно такой же, какой был на Василии Федоровиче. Свинцовыми глазами он внимательно осмотрел ребят с головы до ног. Лицо его было в морщинах и, казалось, вылеплено из желтой глины.

— Это Петр Михайлович, — сказал Василий Федорович. — Он у нас садовод и повар... Заведующий хозяйством. Вас, ребята, мы назначили его помощниками. Под его руководством вы будете ухаживать за садом и выполнять кое-какие другие работы. Его поручения вы обязаны выполнять аккуратно. Особенно хорошо надо трудиться в саду и на огороде. Урожай должен быть достаточным, чтобы хватило всем, кто здесь живет.

Василий Федорович собрался уходить, но что-то вспомнив, остановился:

— Чуть не забыл: наш Петр Михайлович человек с Кавказа. Поэтому русским языком владеет не очень хорошо. Вы не удивляйтесь. Но зато он отлично знает кавказские языки. К тому же изучил немецкий и неплохо разговаривает.

— Пошли кушайте! — резко скомандовал Петр Михайлович.

Миновав полки, он привел ребят в какое-то помещение с длинными столами.

Петр Михайлович жестом остановил ребят, ушел куда-то и скоро вернулся с котелком, ложками и двумя ломтиками хлеба.

Ребята проголодались. Махмут уже приготовился было занять место за одним из столов, но Петр Михайлович недовольно закачал головой.

Он повел ребят по узкому проходу в саду и открыл небольшую дверь. Это была комната, напоминающая естественное углубление в стене пещеры. По-видимому, здесь когда-то была кладовка, но сейчас комната не использовалась.

— Каждый день кушайте будете стес, — сказал Петр Михайлович, — спайт тоже стес.

Ни стола, ни кровати, ни стула... Но Петр Михайлович не обращал никакого внимания на недоумевающих ребят. Он вытащил из кучи тряпья два грязных матраца, дырявые одеяла, бросил на пол и ушел.

— Стало быть, это наши постели, — разочарованно сказал Махмут. — Ну, а чем они нас угощают?

— Судя по одеялам, — ответил Шариф, — харчи вряд ли будут слишком жирными.

— Так оно и есть! — подтвердил Махмут, заглянув в котелок. — Вода и кусочки овощей. Ой, нет, я поторопился. Тут плавают еще два куска мяса. Правда, куски не ахти какие. С кончик мизинца. Давай-ка, садись, попробуем проглотить это богатство.

Через минуту в котелке ничего не осталось.

— А теперь давай обсудим обстановку, — сказал Махмут. — Я здесь долго задерживаться не намерен. Надо только знать, где выход! Удерем, Шариф, а?

Шариф подал знак, чтобы Махмут перестал болтать.

Махмут оглянулся: дверь закрыта, стены никаких щелей не имеют. Никто не подслушивает.

Махмут понизил голос:

— Ты послушай-ка! Я вот чего не понимаю: нам сказали, что нас не отпускают потому, что мы можем выболтать их тайну. А почему же они нас не отпустили сразу, при первой встрече, когда мы ничего не знали? Да и сейчас что мы знаем о них? Пусть возьмут с нас слово! Мы согласны понести любое наказание, если кому-нибудь о них расскажем...

Шариф поднял руку и указал на небольшое углубление над дверью.

— Там должен быть микрофон, — шепнул он Махмуту.
— Или что-нибудь в этом роде. А понимают ли они по-башкирски?

— Кто знает?..

В комнате установилась тишина.

КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА

Махмут тихо приоткрыл дверь. В саду уже не сверкали лампы дневного света. Чуть-чуть светилось несколько слабых лампочек.

— Здесь, оказывается, тоже делают ночь.

— Мне-то думалось, что здесь всегда светло. А знаешь, зачем выключили свет?

— Зачем?

— Я думаю, для того, чтобы приблизить условия роста растений к естественным.

— И так может быть.

— А по-твоему, зачем?

— Думаю, что всем, кто здесь живет, захотелось спать.

Махмут вдруг вздрогнул и шепнул:

— Скорей, на место!

Едва они улеглись на своих матрацах, дверь приоткрылась и в кладовку просунулась голова Петра Михайловича.

— Темно: фстафайт нельзя. Плехо будет! Спайт! Будет сфетло — быстро фстафайт!

Несколько охрипший и чем-то напоминающий шипенье змеи голос этого человека казался недовольным и раздраженным. Он погасил свет, и дверь захлопнулась.

— Как это чудело так скоро появилось здесь? — удивился Махмут. — Мы же делали все очень тихо.

Теперь им было все ясно: их держат под строгим наблюдением. Следовательно, спешить не надо. Каждый шаг должен быть осторожным и продуманным.

— А наш выход в сад, — шепнул Махмут, — зря не пропал... Небольшая, но все же полезная штука, — он прибли-

зил в темноте руку к лицу друга. Шариф почуял знакомый запах.

— Огурец?

— Угадал. Задел случайно рукой и одна штука упала.

Шариф не нашел, что сказать: одобрить такой поступок или нет?

— Ну-ну! — успокоил Махмут. — Я же не сорвал его, он сам упал. Под ногами пропадать, что ли, ему? Теперь мы сами садоводы, вырастим! — он осторожно разломил огурец. — Держи! Ешь все, чтобы никаких улик не осталось.

«Пока я не начну есть, он не перестанет шептать», — подумал Шариф и с хрустом откусил огурец.

Махмут тотчас же последовал его примеру;

— Эх, немножко бы соли! Хотя и без соли неплохо идет. Было бы побольше!

Скоро они заснули, но спали, как им показалось, совсем немного.

Дверь вдруг снова открылась. В саду ярко горели лампы.

— Фот и фстафайт, пошалуста! Пошли полифайт!

Петр Михайлович участия в поливке не принимал. Он показал ребятам, что нужно делать, и ушел.

Работа была нетрудной. На каждый ряд полков вода проходит по трубам. Следует надеть шланг на патрубок, открыть вентиль и направить струю воды на растения. Надо только следить, чтобы на лампы не попали брызги.

Из столовой доносились людские голоса и звон посуды.

— Жрут, кажется, — проворчал Махмут.

Наконец, голоса в столовой стихли, и Петр Михайлович вышел в сад. Проверяя работу, долго ходил между рядами полков. Кое-где останавливался, длинными, как щупальца, пальцами поправлял стебли растений, землю на полках, а затем, даже не останавливаясь возле ребят, кивком головы давал знать, чтобы они следовали за ним. Наконец, он повел их в столовую. В котелке, который он дал ребятам, похлебка едва покрывала дно.

Петр Михайлович, не обращая внимания на недоумение Махмута, объяснил, что на этот раз они получают половину нормы, так как часть пищи изымается в возмещение съеденного ими огурца.

— Я снай не только, что фы делайт, но и что думайт! — закончил он.

— Ни черта он не знает, — выругался Махмут тихонько. — Просто вспомнил, где рос тот огурец.

Название пищи трудно было определить: пожалуй, это был овощной суп. Махмут достал ложкой единственную картошку и показал Шарифу:

— Смотри, чем нас кормят!

Картошка была кем-то надкушена, на ней четко виднелись следы зубов.

— Вот, оказывается, какая это еда! Всякие отбросы!

Они посмотрели друг на друга. Одним и тем же гневом горели их глаза.

— Какой же он «человек с Кавказа»! Немец он, — шепотом говорил Махмут. — Ты прислушайся только к его речи!

Послышался скрип двери, и в саду появился Василий Федорович.

— Кажется, мы сегодня еще не встречались с вами? — Василий Федорович старался улыбаться, но улыбка не получалась. — Доброе утро! Нет, я не обижаюсь. Но все же не забывайте: молодые люди должны приветствовать старших первыми, не дожидаясь приветствия старших.

— Мы, — сказал Шариф с таким видом, будто он увлечен работой, — не знаем, когда кончился вчерашний день.

— А, вот в чем дело! — на этот раз Василию Федоровичу удалось выдавить улыбку. — Действительно, солнца не видно, часов нет. А вы обратите внимание на эти огни. Ночью лампы не горят.

Нам никто не объяснял, когда их выключают.

— Теперь будете знать. Пошли. Вас начальник ждет. Пока оставьте работу.

Василий Федорович повел ребят по коридору. Дверь, у которой они остановились, отличалась от других тем, что над ней выступало стеклянное полушарие, которое горело

белым светом. Василий Федорович нажал на кнопку, полшарие загорелось зеленым светом, дверь открылась автоматически.

Они вошли в большой кабинет.

Все его стены превращены в сплошные шкафы. За письменным столом сидел моложавый, светловолосый человек. Он положил бумаги, которые лежали перед ним, потянулся, прислонившись головой к спинке кресла, и коротко сказал:

— Проходите, — его взгляд останавливался то на одном, то на другом юноше. — Вот какие у нас гости!

Он, не торопясь, спрашивал, откуда явились ребята, как их зовут.

— Вот... э-э-э... то есть Василий Федорович, мальчики пришли в пещеру искать следы первобытного человека. А в пещере нашли не древний мир, а будущее! Разве это не интересно?.. Я знаю, вам Василий Федорович уже объяснил, зачем мы вас временно задерживаем. Все ясно?

— Нет, — ответил Шариф, — нам это не ясно. Мы не знаем никаких ваших секретов и ничего плохого не делали...

Махмут перебил его:

— А что мы знаем, кроме того, что вы в пещере выращиваете овощи и деревья? Мы ничего о вас не знаем и знать не хотим. Выращивайте! А задерживать нас вы не имеете права!

Начальник прервал их:

— Вам... э-э-э... Федор... Василий Федорович все объяснил. Я не собираюсь добавить что-либо. Я пригласил вас не для того, чтобы спорить, а чтобы познакомиться. Мы ведем научно-исследовательские работы. Как только работы будут завершены, мы вас отпустим. А пока... если хотите, чтобы работа скорее завершилась, вы поможете нам по мере ваших сил и способностей.

— Простите, — прервал Шариф, — нам непонятно, кто мы здесь: невольники или рабочие?

— Что ты! Что ты! — начальник тонкими длинными пальцами сделал резкое движение. — Вы наши гости, пра-

вда, незваные гости. Но все равно вы должны чувствовать себя, как в гостях. У нас вам будет неплохо: воздух теплый и всегда свежий. Вы будете жить в прекрасном саду. А ведь у нас сад всегда такой: и летом, и зимой. Ванна или душ всегда к вашим услугам.

— Не только гостей, но и заключенных не кормят остатками из чужих тарелок.

Начальник вопросительно посмотрел на Василия Федоровича. Василий Федорович негромко сказал несколько слов, по-видимому, на английском языке.

— Это просто недоразумение. Вас будут кормить не хуже, чем других... О! — Начальник, как бы вспомнив о чем-то важном, поднял указательный палец. — Василий Федорович, надо вернуть мальчикам их вещи.

Он встал, подошел к стене и открыл дверцу шкафа. Теперь было видно, что он высок, строен и по-спортивному крепок. На нем был хороший серый костюм.

— Мы принесли и те вещи, которые вы оставили в лесу, — сообщил он, словно желая обрадовать ребят. — Все в полной сохранности! Вот ваши рюкзаки. В них и ваше продовольствие. Что не испорчено, ешьте. А вот топорик и нож пока пусть остаются. Ружье получите, когда отпустим вас домой. Удочки берите, но для лова рыбы у нас есть более совершенные средства. Фотоаппарат, вместе с пластинками, пока пусть полежит здесь.

Шариф слушал начальника, а взгляд его был прикован к бумаге, лежащей на столе.

Светлая извилистая линия на этой исполненной разноцветной тушью карте показалась чем-то знакомой.

Это же река Белая! Сколько раз на самодельных картах Шариф ее сам чертил! Однако никаких надписей нет. Впрочем, зачем они? Вот знакомая излучина Белой. А вот пещера Карякэ. От пещеры идет какая-то тоненькая линия. Да это же речка Сапкын! Та ее часть, где она течет по земле, обозначена светлой линией, а там, где под землей, более темной линией. Здесь таких темных линий довольно-таки много. Местами они широкие. Неужели это все подземные реки и озера? А что это за дороги, обозначенные штрихом?

Пещеры? Да, пещеры! Ведь и пещера Карякэ показана так же! Рядом с ней начинается другая пещера, по-видимому, та, где их поймали эти люди. Да, именно та! Всяких знаков здесь полно, и не так просто в них разобраться... А вот другая ветка пещеры. Самая длинная. И выходит она туда, где начинается большая излучина Белой. Постой! Это же то место, куда они ночью приехали на машине! Неужели...

Внезапный удар свалил Шарифа с ног, и ему показалось, что он летит куда-то вниз. Перед глазами замелькали красно-зеленые искры.

— Не смейте драться! — яростно закричал Махмут, бросаясь к другу.

— Не надо быть таким любопытным, — очень спокойно сказал Василий Федорович.

Из рта Шарифа сочилась кровь. Махмут осторожно подложил под голову друга рюкзак. Первым заговорил начальник:

— Какие вы оба горячие! — сказал он, обращаясь к Василию Федоровичу и Махмуту. — По-моему, во всем надо разобраться умом, а не кулаками.

Василий Федорович молча вытирал платком руку, испачканную кровью Шарифа.

Шариф медленно поднялся, опираясь на плечо друга.

— Как только выйдем отсюда, за хулиганское нападение я подам на вас в суд.

— Согласен, — усмехнулся Василий Федорович, — сам же заварил кашу... А ты, Махмут, выведи его и помоги умыться. До суда еще далеко.

— Да, идите, — сказал начальник, — вы мне больше не нужны. А рюкзак оставьте: он весь в крови...

ГАЛИН ПОЛУЧАЕТ ЗАДАНИЕ

Капитан милиции Галин собирался поехать с женой и дочерью отдыхать в деревню. В родных краях он не бывал уже несколько лет, давно мечтал встретиться с друзьями

детства, погулять в лесах и лугах, о которых так часто вспоминал.

Для родственников и друзей уже были куплены подарки, упаковано все необходимое. Осталось ждать только приказа об отпуске.

В такой момент получение нового задания, естественно, не обрадовало Галина. Но ознакомившись с заданием, он сразу забыл об отпуске. Более того теперь в его голове были только мысли о двух исчезнувших учениках.

Их искали уже несколько дней. Но сколько ни старались, не могли установить, куда они поехали после того, как сошли с автобуса в городе Энске.

Родители ребят были уверены, что они погостили в деревне Акбаштау и ушли в совхоз, поэтому о них долгое время не проявляли беспокойства.

Галин без промедления взялся за работу. Он посетил дома, где жили Шариф и Махмут, поговорил с их родителями. Спрашивал, в каких местах ребята намеревались побывать, в какой одежде поехали, какие вещи взяли с собой. Попросил их фотографии. Интересовался даже книгами, какие они читали, просмотрел их тетради.

Затем он побывал в школе, встретился с учителями. Посетил квартиры нескольких учащихся, с которыми Шариф и Махмут были в дружеских отношениях.

«Нет, — подумал капитан, словно возражая кому-то, — это не глупые мальчики. Нельзя объяснить их исчезновение тем, что они связались с плохой компанией и где-то бродяжничают».

Галин приехал в Энск. Ознакомившись на автовокзале с бумагами диспетчера, он узнал, что автобус, на котором ехали ребята, прибыл с опозданием на один час. «Значит, они в тот день не успели на автобус, идущий в сторону Акбаштау, поехали на попутной».

Найти бы эту машину! Но как? Ничего не известно. Хотя нет. Машина вышла из Энска 27 июня после шести часов вечера. Известно направление машины. Там населенных пунктов не так уж много. Сбор сведений займет не более одного-двух дней.

Галин сел в свою машину и поехал в городское отделение милиции.

Через два дня рано утром шофер Салимов, прибывший из дальнего рейса, вместе с Галиным выехал из Энска. Ему пришлось проехать по «диновинным дорогам» еще раз, но уже на легковой автомашине и не за рулем, а в качестве пассажира.

Память у него была хорошая. Галину он рассказал подробно все, что видел и слышал с момента посадки пассажиров до их высадки.

К месту, где шофер оставив ребят, доехали после полудня.

— Вот здесь остались, — показал Салимов. — Я из-за каприза тех двух пассажиров был очень раздражен, и поэтому, наверно, мне не пришло в голову спросить, зачем ребята решили сойти здесь.

— Поедем туда, где оставил тех двоих с грузом.

То, что пассажиры остались ночью здесь, Галину показалось более чем странным.

Осматривая местность на берегу, почти у самой скалы, Галин увидел место, где когда-то горел костер. Зола было немного. Похоже, костром пользовались только однажды. Кто же был здесь? Тот, кто вывозил лес? Те пассажиры? Или охотник какой-нибудь?

Рядом с костром в траве лежала бумажка. Она оказалась исписанным листком ученической тетради. Дожди сильно смыли записи, но можно было догадаться, что это черновик решения математической задачи. Галин достал из сумки какую-то тетрадь и сравнил записи. Сомнений не оставалось: записи и в тетради, и на найденном листке были сделаны рукой Шарифа.

Галин обратил внимание на колышки, забитые для приготовления пищи на костре. Рубили их топориком, на лезвии которого были две небольшие зазубрины. На берегу лежал шест, на котором также остались следы от этого же топорика. Галин вспомнил слова отца, всю жизнь проработавшего лесником: «На свете нет двух топоров, оставляющих одинаковые следы».

Он достал из машины ножовку и отпилил толстый конец песта, где следы были более четкие. «Ясно, что после того, как ребята сошли с машины, они пришли обратно сюда, к своим попутчикам, — подумал Галин. — Но зачем?»

Словно догадавшись о том, какие вопросы мучают Галина, Салимов тихо сказал:

— Наверно, переночевали здесь, а утром опять вышли на дорогу...

Из-за поворота Белой показались две небольшие лодки.

— Путешественники, — догадался Галин. — Да... наши мальчишки, видно, тоже решили спускаться по Белой. Поэтому-то они и сошли здесь с машины. Вот что мы теперь сделаем. Мне надо ехать дальше. А вас посажу на встречную машину, и вы поедете в Энск, там получите справку и проездные.

Салимову не повезло: до поворота дороги в сторону Акбаштау не было ни одной машины. Он решил поехать с Галиным. Дорога здесь была ужасной: крутые подъемы и спуски, ухабы, камни.

Хорошо еще, что председатель сельсовета был на месте и связь работала сносно, хотя слабая слышимость потребовала от Галина полного напряжения голосовых связок.

Договорившись с райотделом милиции о том, что группа милиционеров и местных охотников сегодня же начнет осмотр пещер, и по приметам, сообщенным им, скоро в деревнях будут искать пассажиров-попутчиков и мальчиков, Галин вышел из сельсовета.

— Ну что ж, вернемся в Энск, — сказал Галин Салимову.

В шесть часов вечера они выехали на большак. Тут стоял какой-то старик и, защищая ладонью глаза от солнечных лучей, наблюдал, как машина Галина поворачивает в сторону Энска. Старик поднял руку.

— Если едете в Энск, возьмите меня, пожалуйста.

— Айда, бабай, садись!

Старик торопливо полез в машину.

— Как хорошо получилось! Одна грузовая прошла, но народу в ней было много — не взяли, — старик рукавом вытирал пот на лице.

— Откуда едешь, бабай?

— Я из Таняя. Слыхали, небось? Нет? Это недалеко. Верст пятнадцать отсюда. В нашу деревню тоже приехал милиционер. На такой же машине. Ищет двух детей. Заблудились тут они где-то. Ай, плохое тут место...

Галин внимательно прислушивался к словам разговорчивого старика.

— Почему плохое место, бабай?

— Плохое! Ой, как нечистое! Я дал клятву не ходить туда.

— А что там?

— Я, кустым*, всю жизнь ходил в этих местах. А теперь трудно пройти даже три версты. Задыхаюсь... Старею... А лет десять назад там, на Белой, я застрелил медведя. Большой был. Не меньше двадцати пудов. Труд пропал даром. Убил я его вечером, накрыл хворостом и пошел домой. Рано утром приехал на подводе — нет медведя. Если бы увез кто-нибудь, остались бы следы. А унести на руках — он же не зайчик!

— Может, он был только ранен?

Старик не считал даже нужным ответить, только развел руками: мол, за кого ты меня принимаешь, опытного охотника?

— Я уж хорошо знаю, что-то место — заколдованное. Вот слушай: лет пять назад целый день бродил там. Неудачный был день, ничего не подстрелил. И лыжа сломалась. Стало темно. Решил спуститься к реке и переночевать у костра. Вдруг низко, низко над головой пролетел большой самолет. Летел так низко, что, может быть, коснулся вершины дерева, снег оттуда упал на меня. А я иду и иду. Как ни говори, место же заколдованное: то сползаю в

* Кустым — мой младший брат (вежливое обращение к младшим по возрасту).

глубокий овраг, то оказываюсь перед крутой горой, приходится делать обход. К Белой дошел только перед рассветом. Смотрю с горы и глазам не верю. Самолет лежит на льду. Да какой это самолет! Остались от него хвост да одно крыло. Люди разламывают его машиной, которая режет синим огнем. А отломанные части оттаскивают в сторону и опускают в воду. «Вот оно что! — говорю про себя. — Летели очень низко, задели самолетом гору, сломали самолет. А теперь заматают следы». Решил следить. Спустился на другую сторону горы и пошел по оврагу туда, где лежал самолет. Эх, были бы лыжи исправные! Кое-как с трудом вышел к Белой: нет ни самолета, ни людей! А на льду везде вода... Самое странное что: днем все крутом посмотрел, ни на том, ни на этом берегу не осталось никаких следов. Никто никуда не уходил, а все исчезли...

Галин спросил:

— Бабай, а ты кому-нибудь рассказывал об этом?

— Как не рассказывать! — ответил старик с обидой в голосе. — Сообщил председателю колхоза. Он не поверил, да еще высмеял, говорит: «Ты, поди, устал и спал очень крепко. Вот тебе и приснилось»... Ну, теперь уж многие знают, что место это заколдованное, если уйдет в ту сторону скотина, не ищи, все равно пропадет бесследно. Что скотина! Люди пропадали. Однажды исчез охотник из соседней деревни. Затем девушка, приехавшая из города в гости к родственникам. Сколько их искали! Никаких следов...

Через три часа они въехали в Энск. Старик горячо поблагодарил Галина и сошел на первой же улице.

Из отделения милиции Галин позвонил на междугороднюю телефонную станцию и доложил своему начальнику о розыске. Начальник почему-то просил задержать Салимова в Энске до утра.

Галин вернулся в гостиницу, быстро поужинал и лег спать.

Утром его разбудил посыльный с конвертом. В конверте был приказ о переводе Галина в распоряжение предста-

вителя Комитета государственной безопасности майора Захарова.

Через полчаса он встретился с Захаровым.

— Товарищ майор! Капитан милиции Галин прибыл в ваше распоряжение.

— Садитесь, — приветливо сказал Захаров, пожимая его руку. — Итак, вы считаете, что потерявшиеся ученики непременно интересовались пещерами?

— К такой мысли меня привело вот что, — Галин достал из портфеля бумаги. — Это список книг, прочитанных за последний год Ишкильдиным Махмутом и Булатовым Шарифом. Я его взял в библиотеке. Большинство книг в той или другой форме касается пещер. Среди них есть научные книги, авторы которых — виднейшие спелеологи. В одной из тетрадей Ишкильдина есть такая деталь, — Галин открыл тетрадь на странице, где была начерчена какая-то схема. — Это план окрестностей реки Белой, выполненный по памяти. А вот эти знаки соответствуют пещерам, известным в том районе. Пещера Карякэ начерчена с особым старанием.

— Так... Расскажите, пожалуйста, зачем вы начали разыскивать их попутчиков.

— Попутчики выгрузились в таком далеком от населенных пунктов месте, что это вызвало подозрение.

— Так, так... — Захаров снял телефонную трубку. — Алло!.. Салимов прибыл?.. Пусть войдет!

Вошел шофер, доставивший на берег Белой ребят и их странных попутчиков. Захаров протянул ему фотографию.

— Не узнаете ли кого-нибудь здесь, товарищ Салимов?

Это была одна из площадей Москвы. Человек пятнадцать стоят полукругом и слушают девушку-гида. Позади автобус, на котором написано «Интурист».

«Иностранцы, — подумал Салимов. — Какие у меня могут быть знакомые?»

Но тут его взгляд остановился на одном человеке.

— Во! — вскрикнул он. — Этот ехал со мной! Кажется, Максимычем называл его попутчик.

— Посмотрите повнимательнее! Он ли?

— Он! Он! Когда со мной разговаривал, тоже стоял этим же боком ко мне. Только одежда... Здесь он хорошо одет. А ехал со мной в очень простой, рабочей одежде...

— Ну, — сказал Захаров с улыбкой. — В дальнейшем будьте осторожны с такими. До свидания, товарищ Салимов!

— До свидания, товарищи! — Салимов бесшумно закрыл за собой дверь.

— Что скажете, капитан?

— Не думал, что в этой истории замешан иностранец.

— Спасибо вам, товарищ Галин, вы нам здорово помогли. Мы тут из-за одного болтуна-автоинспектора потеряли несколько дней. Видел он этих самых попутчиков. Посадил их на машину. Но перепутал номер машины и день. Ввел нас в заблуждение. Хвастун несчастный.

Когда мы, наконец, установили номер машины, вы уже были с Салимовым в пути. Ну, ближе к делу. Познакомьтесь-ка с этой бумагой.

Это было донесение, напечатанное на машинке, в котором сообщалось, что на одной из станций Южно-Уральской железной дороги найден брошенный рюкзак. Он продырявлен дробью из охотничьего ружья и окровавлен. В рюкзаке оказались испорченные продукты, нож, веревки, несколько коробок спичек и книга. На титульном листке книги написано: «Ишкильдин Махмут».

Кровь на рюкзаке уже проверили и сравнили с показателями крови Махмута и Шарифа, записанными в их медицинских карточках по месту жительства. Анализ показал, что рюкзак мог быть залит кровью Шарифа.

Галин недоумевал.

— Много версий можно придумывать по этому поводу, — сказал он. — Самая простая версия, которая приходит в голову, такая: мальчики между собой не ладили, дело дошло до ружья... У них же оно было... Можно подумать и так: ружье выстрелило нечаянно. И в том, и в другом случае один был убит, а другой, боясь наказания, убежал... Но я не могу этому поверить. Каким образом рюкзак очутился

на Южно-Уральской железной дороге? Не потому ли, чтобы отвлечь наше внимание от реки Белой?

— Ну, это, я думаю, им не удастся, — сказал Захаров, — но мне ясно, товарищ Галин, что мы имеем дело с опытными и умными преступниками.

Галин рассказал о старике-охотнике, которого привез вчера в Энск. Рассказал не столько потому, что сам поверил его словам, но больше потому, чтобы у Захарова составилось полное представление о том крае, где потерялись мальчики и подозрительные взрослые.

— О медведе — это еще ничего, — сказал Галин, — такое может сочинить любой охотник. Но он рассказал другое: почти на том же месте, говорит, где был убит медведь, он видел упавший самолет. А люди, которые на нем летели, разобрали самолет на куски и спрятали в воду. Богатая фантазия у старика?

— Когда это было?

— Пять с лишним лет назад.

Захаров помолчал.

— В середине тридцатых годов, товарищ Галин, транспортные самолеты неизвестной марки стали нарушать нашу государственную границу. Перелетали они границу каждый раз поздно вечером и направлялись в глубокий тыл. И каждый раз летело только по одному самолету. Два из них были перехвачены нашими истребителями, но в обоих случаях самолеты взорвались и ничего от них не осталось. Третий самолет был поврежден зенитчиками. Но и он взорвался, не доходя до земли.

Таким образом, не удавалось узнать, что это были за самолеты и зачем летели. Но установлено, что пять других самолетов, пользуясь темнотой и плохой погодой, проникли до Южного Урала и там исчезли...

— Может быть, старик не фантазировал? — пожал плечами Галин.

— Бывают случаи, товарищ Галин, когда вот такие «фантазии» помогают раскрыть преступление спустя много лет.

Захаров разложил на столе карту.

— Я хочу теперь вас познакомить с планом дальнейших действий. Смотрите, капитан...

ХИЩНИКИ

Прошло немало времени с того дня, когда Шариф и Махмут стали подземными пленниками. Но люди, живущие здесь, остались для них такими же таинственными, как и в первый день.

Обычно, кроме Петра Михайловича, никто с мальчиками не разговаривал. Он почему-то упорно не хотел, чтобы Шариф и Махмут с кем-нибудь встречались. О численности людей они могли догадываться только по количеству посуды и ложек, мыть которые приходилось им: не менее двадцати человек.

В общий коридор ребят не пускали. Поэтому, кроме огорода, они успели ознакомиться только со столовой и кухней. В кухне имелись электрические плиты разной величины, краны с водой, приспособления для мытья и сушки посуды, большой холодильник из блестящего металла.

Столы были собраны из такого же металла. Красивые горчишницы и перечницы, солонки, вазы на столах, нежные цветы у стен, лампы дневного света, хорошее мыло у раковин, зеркала — все это говорило о каком-то стремлении этих людей к роскоши. В то же время вместо полотенца они пользовались старыми тряпками. Этим людям явно не хватало домашнего уюта.

Внутри столовой имелись еще четыре двери. Одна из них открывалась в комнату, где жил Петр Михайлович или, как они прозвали его — Огородное Пугало. Вторая вела в большую холодильную камеру. Огородное Пугало выносит оттуда замороженные продукты для приготовления еды. А куда ведут остальные двери — об этом ребята не знали. Через одну из них, по-видимому, люди приходят сюда есть.

Люди эти заняты каким-то напряженным трудом. Иногда они лежат под кварцевыми лучами. Издалека ребята видят их мозолистые руки и крепкие от постоянной физической работы мускулы. Они почти никогда не разговаривают.

Кое-какие подробности ребята узнали об Огородном Пугале. Он не связан с той загадочной работой, которой заняты другие. Готовит лишь для всех пищу, ухаживает за огородом. С ребятами по-прежнему груб.

Уже в первые дни они заметили, что в глубине сада у него есть любимое место. Там, между двумя столбами, он иной раз стоит очень долго. Позднее ребята обратили внимание, что Огородное Пугало стоит там именно тогда, когда другие приходят принимать кварцевую ванну. Но почему же? Наблюдать их оттуда он не может, заслоняют деревья и полки с овощами. Подслушивать тоже нельзя: расстояние большое.

По ночам Огородное Пугало ведет себя совсем странно. Примерно через час после того, как в огороде гаснет свет, он тихо крадется к «берлоге» ребят. Прислушивается и, уверившись, что ребята спят, уходит в дальний угол огорода, освещая дорогу фонариком.

Там к стене прислонен большой камень. Пугало отодвигает камень и через открывшееся четырехугольное отверстие лезет внутрь. Часа через два он возвращается. Закрывает камнем отверстие. Затем моется под душем и уходит к себе.

Что делает старик за камнем?

Как-то ребята проверили, что там.

Это небольшой грот. Однако, кроме нагромождения острых камней, они ничего не обнаружили. Прощупали все стены, но никуда другой дороги не нашли.

Однажды Пугало привел ребят в небольшую комнату. В ней стояла швейная машина, а на полках лежали изношенные рубашки, халаты и брюки. Пугало выбрал самые старые и заставил пороть. А наиболее сносные начал чинить. Распоротое ребятами тряпье шло на заплаты. Вдруг Петр Михайлович прекратил крутить машину и затих. Го-

лова его откинулась назад, желтое лицо болезненно сморщилось, а руки судорожно ощупывали грудь.

— Что с вами, Петр Михайлович?

Глаза Петра Михайловича были закрыты, он дышал с трудом.

— Ему надо лечь! — сказал Махмут.

Старика уложили на старой одежде, и Шариф сбегал за водой.

Петр Михайлович сделал глоток, открыл глаза и прошептал:

— Карашо...

— Может быть, кого-нибудь позвать, Петр Михайлович?

— Нет... Когда надо, сам посфайт...

Вскоре он поднялся и тихо двинулся к двери. Ребята поддерживали его. В саду он два раза остановился, чтобы передохнуть.

Когда дошли до столовой, он приказал:

— Фы пока стес работайт... — и закрыл за собой дверь.

— Мне показалось, что он умирает, — сказал Махмут. — Я даже испугался.

— Велел работать, а не сказал, что делать.

— Это он сказал по привычке. Разве ему сейчас до нас?

В столовую пришли люди, о чем-то разговаривали. Открылась дверь. Вышел человек в халате.

— Смотри! — Махмут схватил Шарифа за локоть. — Узнаешь?

— Максимыч!..

Ребята скрылись за полками. Впрочем, Максимыч не смотрел на них. Он стоял задумавшись, и они ясно видели его четкий профиль с носом, похожим на ястребиный клюв. Светлые волосы откинuty назад, высокий лоб в мелких, еле заметных морщинах. Изредка нервно подергиваются брови и ресницы. Сейчас он похож на вполне образованного человека и не имеет ничего общего с их грубоватым попутчиком Максимычем.

Но все же это был он.

— Этот, наверно, поковарнее всех! — шепнул Махмут, хотя больших оснований для такого вывода у него не было.

К Максимычу подошел Василий Федорович, и они оба скрылись за стеклянной перегородкой.

— Пошли принимать кварц, — снова зашептал Махмут.

Ребята бесшумно дошли до того места между двух столбов, где любил стоять Пугало. Ни на столбах, ни на полках ничего необычного не было. Впрочем, не глазами, оказывается, надо искать, а ушами! Откуда-то сверху слышны голоса... Потолок и стены над этим местом образуют сферическое углубление правильной формы. Это углубление ясно отражает звуки, доносящиеся из-за стеклянной перегородки.

— На немецком языке!.. — взволнованно шепнул Шариф.

В школе они оба всегда имели по немецкому языку «хорошо» и «отлично». Эх, жаль, мало у них практики!..

А у тех, кто лежал на песке, языки так развязались, что они умолкли только тогда, когда из столовой стали доноситься голоса людей, пришедших на ужин.

— Чудовищно! — у побледневшего Махмута тряслись руки.

— Успокойся!.. Знаешь что? Кое-что я не понял. Давай сделаем так: что они говорили, повторим вдвоем вместе. Что я не понял — объяснишь ты. Что тебе не ясно — я... А теперь наша очередь ужинать...

Ужин был сегодня чуть обильнее, чем обычно. Пугало даже сунул ребятам по кусочку колбасы.

Провожая их из столовой, он сказал: — Перед сном кушайте мясо плёхо, но сефодня можно, — подчеркивая, вероятно, что он дал колбасу только лишь по доброте своей.

— Расщедрился! — покривился Махмут. — Эх, еще бы таких кусочков двадцать на каждого!

После ужина опять пришлось поработать.

Вот Пугало объявил, что пора спать, проверил, запертали дверь в общий коридор. Одна за другой погасли лампы.

Ребята шепотом восстанавливали услышанное. Вначале речь за стеклянной перегородкой шла об Огородном Пу-галле.

— Чем заболел старик? Серьезная болезнь? — спросил Максимыч Василия Федоровича.

— Сердце. Был приступ. Впрочем, какими только болезн-ями он не мучается! Ревматизм. Желудок. Головные бо-ли. Сам черт не разберется. Долго не протянет.

— А сколько ему лет?

— Паулю Шульцу? Пятьдесят. Из них последние две-надцать лет прожил здесь, ни разу не выходя на поверх-ность.

— Как?! С двадцать восьмого года и поныне?! Вот это... герой!

Оценка, по-видимому, не очень понравилась Василию Федоровичу:

— Особого значения это ни для кого не имеет... В пеще-ру его привела лишь собственная жадность.

— Не понимаю. Не хотите ли вы сказать, что он при-шел сюда добровольно, не получая ни от кого задания?

— Именно об этом и я говорю. Он приехал сюда, чтобы запастись большим количеством алмазов и вернуться в Германию богатым человеком.

— Алмазы? В пещере? На Южном Урале? Быть этого не может!

— Многие так думают. Однако именно здесь, в пещере, находили алмазы.

— Трудно поверить. Но интересно. Не хотите ли расска-зать подробнее?

— С удовольствием!.. Слухи о месторождении алмазов ходили давно. Эти слухи заинтересовали отца Пауля — От-то Шульца. Он работал директором у хозяина одного из крупнейших заводов на Урале. Было это лет тридцать тому назад. До него дошло, будто один старик-башкир знает пещеру, где имеются алмазы. Шульц разыскал этого ста-рика. Предлагал ему подарки и еще больше надавал вся-ких обещаний. Но старик не поделился тайной, от подар-ков отказался. Потерпев неудачу, Шульц организовал тай-

ную слежку за стариком. Но время шло, результатов никаких. Пришли к выводу, что все слухи об алмазах — выдумка.

Решили прекратить слежку. Но вдруг старика поймали с несколькими алмазами. Башкира долго пытали. Но даже умирая, он не сказал, где добыл их. Однако Шульц нащупал другую нить. Выяснилось, что старик ездил к башкирам, живущим немного севернее от этих мест.

Шульцу сначала показалось, что старик привез алмазы именно оттуда. Но скоро установили: старик ездил не за алмазами, а для каких-то тайных разговоров с одним башкиром.

И за ним установили слежку. Но и тот башкир вел себя очень осторожно.

Вскоре началась война. Затем — революция в России. А Шульц продолжал следить за башкиром и добился своего. Башкира поймали вот в этой пещере — где-то почти совсем рядом отсюда. Там же нашли один или два алмаза. В это время самого Шульца здесь не было. Он воевал на стороне белых и вскоре появился здесь с солдатами. А время было сложное: Колчак отступал, красные быстро приближались, и скоро линия фронта переместилась за Урал, в Сибирь. Но отряд Шульца успел скрыться в этих горах.

Солдат и пленных заставили рубить лес и таскать в пещеру. Преданные Шульцу люди свозили в нее все необходимое для того, чтобы тут можно было жить и работать. Они и покупали и грабили. И все это до поры до времени шло гладко. Властям тогда было не до Шульца. А к тому времени, когда кончилась гражданская война, Шульц с самыми ближайшими ему людьми сидел уже в подземном тайнике. Всех пленных и солдат уничтожили. Но надежды Шульца не сбылись. Правда, вначале находили алмазы, но их не хватало даже на покрытие расходов.

Однако Шульц упрямо занимался исследованиями. И обнаружил, что здесь существует не одна, а несколько пещер, и некоторые из них — огромные. Они соединялись подземными каналами, заполненными водой. Кое-где из пещеры в пещеру можно было пробить ходы.

Шульц установил, что пещеры, образованные в основном в поверхностных отложениях, местами опускаются к горным породам. А эти породы, как вы знаете, очень богаты полезными ископаемыми, в том числе и драгоценными металлами. Правда, для их обработки у Шульца не доставало оборудования. Поэтому он решил оставить пещеры и подождать до наступления благоприятных времен. Закрыв и разрушил входы, замаскировал их. А своих многочисленных сподвижников он... Как вы думаете, что он сделал с ними? Отравил! Да, да!

После всяких приключений ему удалось вернуться в Германию. Там он нашел эмигрировавших из России жену и сына Пауля.

Вернуться в Россию к неисчислимым тайным богатствам — было его заветной мечтой. Однако в России возврата к старым порядкам не предвиделось. Коммунисты становились все крепче и крепче. А годы шли. Шульц состарился. Однако не такой он был человек, чтобы умереть, не попытавшись овладеть богатством. Он задумал организовать тайную экспедицию на Южный Урал. Сколотил отряд из двенадцати человек. В это число вошел и его сын Пауль. Очень тщательно готовились они к путешествию на Урал через восточные страны. И что же? После неисчислимых приключений Шульц достиг цели. Правда, не без жертв: при переходе через границу в горах Памира один из его людей сорвался в пропасть. А двоих, обессиленных и беспомощных, застрелил сам Шульц. Еще двое других попали к пограничникам. Таким образом, до пещеры добрались только семь человек. Наладить жизнь им помогло то обстоятельство, что все вещи, оставленные Шульцем в пещере, сохранились. Самое значительное из того, что здесь построил Шульц, была электростанция. Нет, нет, не та, которая работает сейчас. Электростанция Шульца была совсем маломощной и получала энергию от маленькой подземной речки. Силы ее хватало лишь на освещение жилых помещений, приготовление пищи, зарядку аккумуляторов и сварку металлов. Но тем не менее эта электростанция положила начало всему, что вы видите. Не было бы ее, мы

бы не приехали сюда... О, планы у Шульца были большие! Он мечтал организовать в пещерах добычу и обработку драгоценных металлов и вывозить их контрабандой за границу. Но старость сломила его: он заболел и умер. А у сына Пауля такого размаха не было. Как-то, еще при жизни отца, он нашел алмаз в несколько каратов. После смерти отца он отказался продолжать начатое и все внимание уделил поискам алмазов. Но алмазов больше никто не находил. Предавшиеся отчаянию люди решили оставить пещеру. Однако в этот критический момент приехали мы...

— Простите! Я понял, что покойный Шульц свою тайну не разглашал. Он не приглашал вас? Как планы пещер дошли до Германии?

— Вы правильно подметили это. Он приводил людей в пещеру, но никого не выпускал. Кстати, эта хорошая традиция и сейчас строго соблюдается... Так вот, для организации экспедиции Шульцу нужно было много денег.

— Это заставило его искать богатого компаньона.

— Компаньон нашелся. Но тот тоже был не дурак и сделал одного из людей Шульца своим тайным агентом. Как ни скрывал Шульц выходы из пещеры от тех, кому не положено было выходить, этот человек узнал об одном из ходов и после смерти Шульца вернулся в Германию. Оставшиеся о его бегстве не знали: он перехитрил их, устроив в каком-то гроте обвал.

Все думали, что он погиб. Но судьба все же не пощадила его. Он умер в этой же пещере, спустя всего лишь полгода с того дня, как привел нас сюда. Плохая пища подорвала его здоровье. В начале тридцать пятого года мы испытывали большие трудности из-за нехватки продовольствия...

Мы ждали грузы с оборудованием. А в Германии их отправка задерживалась... Вы, наверно, слышали о самолетах, которые наш хозяин использовал для доставки грузов?

— Самолеты? Вот этого мне никто не рассказывал.

— О, эти самолеты!.. Наш хозяин строил их тайно в Америке. Разные части делались на разных заводах. Поэтому никто, кроме хозяина и конструкторов, не знал, для каких целей они производятся. Во всяком случае до сих пор еще

ни одно государство не располагает такими самолетами ни по дальности полета, ни по грузоподъемности. Если бы Гитлер узнал о них, то стал бы производить их серийно! Придет день, запомните мое слово, наш хозяин наладит производство этих самолетов... А в тридцать пятом году произошла задержка с поисками тайного места для монтажа и взлета самолетов. До прибытия самолетов мне не разрешалось отлучаться из пещеры. Вот мы и сидели голодными.

Этот огород давал тогда жалкий урожай... Сколько у нас было хлопот в те дни! Представьте себе: приходилось за одну ночь не только разгрузить большой транспортный самолет и спрятать груз, но и разобрать по частям сам самолет, а детали доставить в пещеру и устранить следы. А с каким трудом прилетали эти самолеты! Обратного они уже не могли улетать: не оставалось горючего, не было взлетной площадки, да и нельзя было отпускать самолеты с экипажем, уже знающим о том, где мы находимся.

Самолет приземляется на льду, а лед здесь бывает не очень толстый, потому что теплые подземные родники не дают возможности реке покрыться слишком прочным слоем льда. Лед на том участке, где садился самолет, мы просто разрушали. А вот заставить людей из экипажа сразу же по приземлении ломать чудеснейший самолет, на котором они, может быть, надеялись немедленно лететь обратно, вынудить их надеть водолазные костюмы, нырнуть под лед, таскать под водой в пещеру весь груз, привезенный ими, да и части самолета, — все это не так просто. Хотя и при укомплектовании экипажей учитывались физические возможности и здоровье каждого человека с точки зрения дальнейшего их использования, но большинство же их не подготовлено для работы под водой. Вы представляете себе, что означает работать под водой человеку, хотя и очень крепкому, но плохо обученному? А мы заставляли! Правда, часто без угрозы.

— А если бы самолет перехватили в пути? Ведь экипаж, может быть, не знает о пещере, но знает место посадки! Вас могли...

— Это исключено. Экипаж никак не мог попасть в плен. И вот почему: если бы самолет пошел на посадку раньше того времени, которое требуется для полета до Южного Урала, то он взорвался бы на высоте одной тысячи метров. Сработал бы специальный механизм!

И надо сказать, что несколько самолетов погибли. Но другие достигли цели! Сколько было принято мер предосторожности! До сих пор о нас никто не знает! Я знаком с нашим хозяином и преклоняюсь перед его умом. Поверьте, он еще себя покажет!.. Жаль, конечно, что хозяину пришлось продать пещеру американцам. Разумеется, на равных паях... Слишком велики были расходы, и хозяин чуть-чуть не обанкротился. А американцы сразу же направили сюда Рестона. Он изменил наши планы. Рестону мало было снарядов, созданию которых мы посвятили здесь жизнь. Значительные наши силы он направил на добычу драгоценных металлов. И работа над снарядами задерживается. Ненавижу этого янки! Но рано или поздно мы возьмем свое! Давно ли мы завоевали Польшу, а уже почти вся Западная Европа наша. И хозяин наш опять встал на ноги! Стал даже крепче, чем раньше! Мне приятно было получить через вас подтверждение этого... О, эту весточку я давно ждал! То, что вы добрались сюда — это предзнаменование того, что великая Германия будет властелином всего мира!

Максимыч его прервал:

— Но пока еще американцы нам будут нужны... Кстати, я так и не понял, зачем вам надо было приводить сюда этих мальчишек? Неужели, если их не трогать, они могли бы что-нибудь...

— Нет, они ничего не узнали бы ни о нас, ни о пещере.

— Ну, для чего же тогда держать лишние рты?

— Лишние рты — это правильно. Но руки у них не лишние.

Максимыч понизил голос. По отдельным фразам можно было догадаться, что речь идет о политике разных государств и о каком-то смертоносном оружии...

ДЛИННАЯ НОЧЬ

До полуночи взволнованные ребята ломали голову над услышанным. Многие еще не могли понять. Было ясно одно: они в плену у врагов.

Убедившись, что Махмут уснул, Шариф тоже закрыл глаза, стараясь прогнать измучившие их мысли. Однако громкий стон Махмута (по-видимому, он видел какой-то кошмарный сон) прервал его дремотное состояние.

Не успел Шариф успокоить друга, как за дверью послышались шаги.

— Ну вот! Своим дурацким стоном разбудил Пугало! Тише! Закрывай глаза!

Приблизившись к «берлоге» ребят, Огородное Пугало окликнул их и, не получив ответа, тихо открыл дверь. Луч фонарика скользнул по лицам ребят. Пугало, видимо, не совсем уверенный в том, что ребята спят, негромко ворчал.

— Дай ухо, — шепнул Махмут, когда дверь закрылась.

— Ну?

— Если бездействовать, мы никогда отсюда не выйдем. А если не выйдем, кто догадается об этом змеином гнезде? Нет, Шариф! Мы обязаны выйти отсюда!

— Как?

— Не понимаешь? Какая у Пугала сила? Я даже один с ним справлюсь...

— А дальше?

— Его фонарь будет у нас. Ключ от двери в большой коридор найдем в его комнате...

— А если не найдем?

— Найдем!

— Нет, Махмут, нельзя так рисковать.

Скрип двери заставил ребят прикинуться спящими. Осторожные шаги удалились вглубь огорода.

— «Туда» пошел, — шепнул Махмут. — Теперь часа два там посидит.

Камень, закрывавший отверстие в грот, с грохотом опрокинулся. Как видно, Огородное Пугало не сумел осторожно открыть его.

— Подождем. Пусть лезет... Ты, Махмут, рассуждаешь по-детски. Нанести им небольшой ущерб — это нетрудно. Но это надо делать только в том случае, если ничего другого нам не остается. Подумаешь: Пугало! Это разве для них потеря?

— А кто для них потеря?

— Например, тот, кто назвал себя «Василием Федоровичем»... Или Максимыч, или тот «начальник»!

— Какая разница?

— Пугало занимается только черной работой. А Максимыч в пещеру прибыл недавно. Значит, он приехал с каким-то новым заданием, привез что-то подлое. Думаю, тот, кого они назвали «Рестон» — это и есть начальник, с которым мы познакомились.

— А Василий Федорович какую роль исполняет?

— Точно не могу сказать. Но он не пешка! По-моему, он держит связь с внешним миром. Сам же видел, сколько из Энска везли муки. Кто-то должен раза два-три в год ездить закупать продукты.

— Пожалуй. Но Максимыч тогда ехал сюда впервые. А Василий Федорович его встречал...

Глухой грохот внезапно нарушил их шепот.

— Пугало там что-то ломает, — сказал Шариф, прислушиваясь. — Не зря он ходит ночью тайком от других. Давай сходим, посмотрим?

— Айда! — вскочил Махмут.

— Если увидит нас, скажем — проснулись от шума. Испугались и вышли посмотреть.

Через несколько минут ребята были у входа в грот и затаили дыхание.

Шариф заглянул в грот.

Свой фонарь Шульц положил на камень, направив свет внутрь грота, и остервенело колотил молотком по зубилу, словно пытаясь расколоть стену. Впрочем, это не стена...

Оказывается, это огромный камень, плотно прилегающий к стене.

Стены и потолок покрыты копотью. Значит, когда-то в гроте произвели взрыв и затем что-то сожгли. Вот отчего до сих пор здесь такой тяжелый запах — смесь гари и затхлости.

А что лежит на земле? Черные от копоти кости!..

Это же человеческие кости! Шариф почувствовал мурашки на спине.

Вспомнились слова: «Всех пленных и солдат уничтожили...»

Кто знает, не ожидает ли его и Махмута такая же участь? Может быть, надо поступить так, как советует Махмут? До утра еще далеко... Никто не услышит. Подползти к Пугалу поближе, взять вон тот камень и...

Какая у него отвратительная рожа!..

И сидит так спокойно, будто в мастерской, а не на костях замученных людей.

Между тем Шульц вытащил из-под камня еще один отколотый кусок. Он лег и просунул руку в образовавшуюся под камнем брешь. Поспешно встал. Взял в руки длинный лом. Опять лег и втокнул лом в брешь. Лом, длиной больше метра, весь ушел под камень. Значит, за камнем — пустота!

Огородное Пугало лизнул почерневшие, пересохшие губы и снова начал долбить камень.

Что ищет здесь этот больной, дряхлый старик, вместо того, чтобы спокойно спать?

Кажется, камень дал трещину. Напрягаясь и выкатывая глаза, Шульц отодвинул отколотую глыбу.

Открылась черная дыра. У Шарифа учащенно забилося сердце. Нет ли там выхода из пещеры?

Шульц отбросил в сторону мелкие камни и на четвереньках полез внутрь.

Там, внутри, был большой ход. Шульц поднялся, сделал несколько шагов, и под его ногами сухо захрустели кости. Такие же человеческие кости, как и в гроте, только не черные, а белые.

Вот Шульц отодвинул ломом скелет, присел на корточки и вскрикнул не то радостно, не то удивленно. Что-то поднес к фонарю. Это была металлическая фляжка.

Шульц откупорил ее, вытащил свернутые бумаги. Дрожащими руками развернул их, долго рассматривал и, наконец, отбросил в сторону.

Прикрыв ладонью горловинку, он потряс флягу. Она гремела так, словно в ней лежали железные гайки. Шульц, покачиваясь, поднялся и прохрипел:

— Майн готт!*

Быстро снял халат и высыпал на него какие-то камни. Он брал то один, то другой камень. Пробовал зубами. Вставал и снова садился.

— Мои! Мои! Мои алмазы! — шептали его перекошенные губы.

Махмут с волнением шепнул:

— Дорогу видишь? — он показал на черную щель в дальнем конце пещеры, — как только уйдет это Пугало, мы...

— А скелеты ты видишь?

— Вижу.

— То-то. Если бы там был выход, скелетов не было бы.

— Как?

— Люди ушли бы через тот ход, пока были в живых. Не умирали бы здесь.

Махмут хотел возразить, но увидев, что Шульц встает, умолк.

Огородное Пугало всыпал камни обратно во фляжку, засунул ее за пазуху, надел халат, застегнулся, затем, подняв фонарь, зашагал к выходу. Он торопился и качался, как пьяный. Свет не падал на его лицо, но Шарифу показалось, что глаза у него стали огромными и безобразно неподвижными.

— Пошли! Сюда идет...

* Майн готт — Мой бог (нем.)

Когда Пугало закрыл камнем входное отверстие в грот, ребята уже были в своей спальне. В эту ночь Пугало не стал даже мыться, сразу пошел в столовую.

— Шариф! Надо проверить! Мое сердце чувствует, там выход есть. Завтра будет поздно. Закроют. Рисковать так рисковать!

— Пошли! Задерживаться там не будем. Минут через пятнадцать-двадцать надо вернуться.

— Посмотрим! Может быть, через пятнадцать-двадцать минут мы уже будем на свободе?

Они спрятались за деревьями, некоторое время следили за дверью столовой, еле различимой в полумраке. Убедившись, что все спокойно, пошли...

Нет, выхода из пещеры тут не было. В дальнем ее конце начинался крутой спуск, а дальше — ледяная вода.

От того, как отражаются от стен пещеры звуки, можно узнать в темноте их расположение. Ребята в этом деле уже имели некоторый опыт. Они пришли к выводу, что впереди сплошная стена, но в правой стороне пещера еще продолжается. Однако там была вода.

Повернули назад. Чтобы не наступить на скелеты, шли очень осторожно. Им казалось, что прошла целая вечность, пока они дошли до того места, где Пугало нашел флягу.

Шариф потянул Махмута за руку:

— Постой-ка! Здесь должны лежать бумаги. Те самые, которые он вынул из фляжки.

— Где тут найдешь в такой темноте. Стой!

— Что это? Молоток! Шариф, молоток с железной рукояткой! А вот и зубило!

— Тсс! Не бросай! Ищи бумагу!.. Он вот здесь сидел, а бумаги бросил туда.

Махмут услышал, как в руках Шарифа зашуршала бумага.

— Нашел! Пошли быстрее! Дай мне руку.

— Это что? Лом!

Все орудия, оставленные Шульцем, они спрятали в гроте под камнями у входа. В огороде было тихо.

Ребята легли спать. Но разве могли они уснуть! Когда, наконец, кончится эта длинная ночь?

СМЕРТЬ ОГОРОДНОГО ПУГАЛА

Как только в саду зажегся свет, Шариф приоткрыл дверь и стал рассматривать бумаги. Это были листки разной величины, разного цвета, ветхие от долгого хранения.

— Что написано? — спросил Махмут.

Шариф показал ему арабские каракули.

— Писать-то писали. Но не для нас! — ворчал Махмут, потеряв надежду. — Если бы можно было прочесть, Пугало бы их не бросил. Впрочем, на что ему эти бумаги, когда алмазы уже в его кармане?

— Эх, Махмут... — произнес Шариф недовольным голосом.

Махмут покраснел. Ему почему-то вдруг вспомнилось, как они вдвоем сидели в шалаше. Лил дождь. Перед шалашом лениво горел костер. Как он тогда обидел Шарифа своими необдуманными словами о камнях, найденных ими в пещере!

— Помнишь, Махмут, мы с тобой читали рассказ Эдгара По «Золотой жук»? Там шифровка о месте клада намного сложнее этих записей. Однако герой произведения прочел их.

— Если бы в жизни все было так, как в приключенческих и фантастических рассказах!..

— Есть примеры и без фантастики. Вспомни тайну пириусов, которые тысячи лет лежали в египетских пирамидах! А французский ученый Шампольон расшифровал их. Ведь подумать только: количество знаков в тех записях доходило до семисот! Более того, неизвестно было, на каком языке они написаны. А это письмо хотя и написано арабскими буквами, я не думаю, чтобы его привезли из Ирака, Ирана или Ливана. Да и русские не пишут такими буквами, французы и немцы — тоже. Написано или на баш-

кирском, или на татарском языке, что для нас почти одно и то же. Количество знаков в этом письме не доходит даже и до тридцати. Читается оно не слева направо, а наоборот*.

— Это я и сам знаю.

— А ты помнишь журнал, который хранит твоя мать? Мы же с тобой его читали.

Журнал-то Махмут помнил. Мать очень берегла его. В журнале была помещена ее фотография. Там она была еще молодой, комсомолкой. В маленькой заметке под фотографией было напечатано, что она передовая работница швейной фабрики, активистка клуба, хорошо работает по ликвидации неграмотности среди взрослого населения.

Махмут и Шариф читали этот журнал. С трудом, но все же разбирались. Однако тогда перед ними лежала «шпаргалка», где было указано, какой знак что означает. А «шпаргалку» они составили с помощью матери Махмута. Здесь же нет этой шпаргалки. Да и с тех пор прошло немало времени. Почти два года.

— Может, вспомним буквы?

— Буквы... Дай-ка сюда!

Палец Махмута скользил по строчкам:

— Вот эта палочка, подлиннее, кажется «алиф», то есть «а». Оттуда и пошла поговорка о неграмотном человеке: «для него что алиф, что палочка».

— Нет уж, дружок! Вот и не знаешь! У алифа хвоста не бывает. А у этой палочки, видишь, налево загнут хвост. Это «лям», читается «л».

— Шариф, а я же знаю, как пишется мое имя! — Махмут полез в карман за блокнотом и карандашом, забыв, что их там давно уже нет.

— Я ведь тоже учился писать свое имя! — обрадовался Шариф. — Да и писал много раз!

* До тридцатых годов большинство тюркских народов, в том числе башкиры и татары, пользовались письменностью, основанной на арабской графике.

— Сейчас! — Махмут ловко перепрыгнул через камень, принес горсть земли и рассыпал ее у двери.

— Вот это будет для нас бумагой.

Они оба палочкой написали свои имена.

— Вот уже мы знаем десять букв!

Затем вспомнили, как мать Махмута учила их легче запоминать буквы. Есть знак, напоминающий зубчик. Если этот знак стоит с одной точкой под собой, означает букву «б», с двумя точками — «и», с тремя — «п», а если точки стоят не под буквой, а над ней: с одной точкой — это «н», с двумя — «т».

— Постой, постой! — прервал Шариф Махмута, — где же в твоём имени «т»? Ты же две точки поставил не над зубчиком, а над какой-то дугой, лежащей на спине.

— В том-то и премудрость. Если эти буквы в конце слова, то, вместо зубчика, пишется такая дуга. Рассматривая знаки в своих именах, они вспомнили ещё две буквы. Если над «р», похожей на крючок с опускаемым влево концом, поставить точку, получится «з». Таким же образом букву «ф», состоящую из кружочка с хвостом, можно превратить в «к»,

— Семнадцать букв! — Махмут от радости потирал руки. — Остальные уж можно узнать при чтении.

— Восемнадцать! — поправил его Шариф. — Если у «ш» убрать все три точки, будет «с».

Ребята выбрали лист с более четкой записью и попробовали читать.

— «Б-у»... А это что такое, как носок беговых коньков? Оставим пока... «а-т-н»... Это тоже оставим. «И-а-з-у»... И опять носок конька, но уже под ним есть ещё черточка с точкой. Ничего не понятно.

Махмут переписал прочтенные буквы, но уже не по-арабски, и вместо незнакомых букв поставил точки. Получилось:

«БУ. АТН. ИАЗУ...»

— «Х» же это! — Шариф указал на знак, похожий на носок конька. — Не можешь узнать букву, которую имеешь в своём имени.

— Так она же у меня вот такая, как прямоугольный треугольник, а это, как сам говоришь, носок конька.

— Значит у вас разные почерки.

— Бухатн...язух...

— Последняя буква не «х», ведь «х» не имеет черточки с точкой. Подожди-ка, получилось очень длинно, наверно, это не одно слово. — Шариф смотрел то на бумагу, то на буквы, переписанные Махмутом. — «И» перед «а», по-видимому, надо читать как «й». Обе буквы вместе будут «я». «Бухатн. язух...» Ага! Не «х», а — «ч»! «Бу хатны язучи»! Написано на татарском языке. «Пишущий это письмо...» Так обычно в старину начинали письмо, когда обращались к незнакомым или малознакомым людям.

Но тут ребята услышали чьи-то крики. Наверно, Пугало ругает их за опоздание. Шариф поспешно спрятал бумаги в карман.

Позевывая и делая вид, будто только что проснулись, они вышли в огород.

Пять-шесть человек шумели у дверей столовой. Первым бросился в глаза Пугало. Он махал руками и кричал. Остальные окружили его и что-то требовали.

Пугало так и не сменил грязного халата и не умывался, лицо и руки его были в копоты. Глубоко сидящие глаза старика выпучились, зрачки потускнели. На губах слюна.

— Он сошел с ума, — шепнул Шариф.

— Они хотят меня задержать и ограбить, — визжал Шульц.
— Ограбить хотят!

— Пауль! Пауль! — Василий Федорович обнял его. — Кто же они? Кто хочет обидеть тебя?

— Я их искал давно. Кто посмеет забрать их у меня?

Лицо Шульца было не только неприятным, но и ужасным.

Он вдруг заплакал:

— Они хотят меня задушить своими костяными руками. Не ведите меня к ним! — Он указал в сторону грота. — Боль... ш... ше я туда н... не пой... не пойду!..

Он издавал такие звуки, будто его душат. Вдруг он засмеялся, дрожа всем телом:

— Хи-хи-хи! А я, хи-хи-хи, все равно, камушки забрал себе! Ха-ха-ха!

— Держите его! — Василий Федорович достал из кармана маленький фонарик и быстро зашагал к гроту.

— Не ходи туда! Не ходи! — требовал Шульц. — Они все мои! Я их нашел! Мои!

Шульц хотел броситься за Василием Федоровичем. Но его держали крепко, и он не смог вырваться.

— Пустите, он хочет подговорить мертвецов, чтобы они задушили меня. Знаю я его! Он не пожалеет брата.

Теперь Шульц стремился не в сторону грота, а к двери столовой. Наконец, обессиленный, он сел на землю.

Василия Федоровича ждали долго. Очевидно, ему было нужно тщательно просмотреть неизвестную ему часть пещеры, открытую Шульцем.

Как только он вышел из грота и показался между деревьями, Шульц поднялся с земли:

— Они выгнали тебя! Не дали! Нет, они ничего не дадут тебе!

Внезапно Шульц вырвался из рук, упал перед Василием Федоровичем на колени, обнял его ноги.

— Пусти меня, Конрад! Я вернусь к матери. Выпусти отсюда! Отец перед смертью велел мне вернуться к матери.

Он настойчиво умолял Василия Федоровича и рыдал, оскалив редкие, почерневшие зубы. Слюна пенилась на его губах. Смотреть на него было противно, тошно.

Вот он несколько успокоился, встал, пощупал свою грудь и улыбнулся:

— О, я теперь богат. О как богат! У меня будут свои именина, дома, люди! Уйду я отсюда, не задерживай меня, Конрад. Мы же с тобой двоюродные братья! Пусти меня! А я буду кормить тебя еще лучше! Приготовлю сейчас тебе жареное мясо. Хорошо, Конрад?

— Держите его! — приказал Василий Федорович почему-то вдруг притихшим людям.

Но Шульц, размахивая руками, никого к себе не подпускал:

— Отец тебя самого не выпустит отсюда. Он сумеет с тобой поговорить!

Василий Федорович на мгновение побледнел, судорожно сжимая челюсти, и на русском языке крикнул Махмуту:

— Воду холодную принеси!

Махмут сбежал к крану. Шульц уже был пойман. Увидев Махмута, он заорал:

— Мертвец идет! Помогите! Пусть он уходит туда, где лежал!

— Не бойся! — сказал Василий Федорович Махмуту на русском языке. Ему и в голову не приходило, что ребята понимают почти все, о чем они говорят. — Он пьян.

Василий Федорович взял у Махмута кружку. Махмут в какое-то мгновение увидел в его руке маленький блестящий предмет, из которого в кружку упала прозрачная капля.

Василий Федорович подошел к лежащему на земле Шульцу, разжал зубы, влил в рот всю кружку, затем оставшиеся на дне капли вылил на полку с рассадой капусты и пошел к крану мыть руки, заодно и кружку.

К нему подошел Максимыч, который до сих пор стоял в стороне и ни во что не вмешивался:

— Что там случилось? — он кивнул головой в сторону грота.

— Ничего особенного. Шульц обнаружил неизвестное доньне разветвление пещеры. Думаю, что это очень подходящее место для разведения кроликов.

— А это не будет лишней заботой?

— Мясо здесь никогда лишним не бывает...

— Вот мальчики будут ухаживать. — Василий Федорович улыбнулся. — Им это полезно. Только вчера уфимское радио хвалило школьников, которые ухаживают за кроликами...

Он вдруг умолк, увидев в дверях столовой фигуру уже знакомого ребятам «начальника».

— Что случилось, герр Зете? — обратился он к Василию Федоровичу. — Почему до сих пор не подается завтрак?

— Видите, мистер Рестон, — Василий Федорович показал на лежащего Шульца.

— Зете... Конрад Зете, мистер Рестон, — шепнул Шариф Махмуту. — Запоминай...

— Опять сердце? — спросил Рестон. — А почему его держат?

— Нервное расстройство. Психует, — ответил кто-то.

Рестон брезгливо сморщился, посмотрел на грязную одежду Шульца, пощупал у него пульс, с недоумением взглянул на неподвижное с полукрытыми глазами лицо Шульца, быстро расстегнул его халат, взял фляжку и приложил свое ухо к его груди.

Затем медленно поднялся и тихо сказал:

— Отпустите, больше шуметь не будет, — он сделал свободной рукой движение, направленное по спирали вверх.

— Не может быть! Ведь только что...

Все собрались вокруг Шульца, потрогали его еще не успевшие затвердеть руки.

Рестон откупорил взятую из-за пазухи Шульца фляжку, вынул из нее несколько светлых камушков, достал из своего грудного кармана какую-то гладкую пластинку, провел камушком на пластинке кривую линию и воскликнул:

— Ого! Алмазы... Чистейшей воды!

Эти слова подействовали на всех как удар электрического тока. Все окружили Рестона.

— Долго она лежала в земле. — Рестон держал фляжку на ладони, словно взвешивая ее. — А камни довольно крупные: каждый из них целое состояние.

— Мистер Рестон! — взволнованно сказал Зете, протягивая руку. — Дайте, пожалуйста. Они принадлежат мне.

Рестон с недоумением отступил:

— Я не понимаю вас, Конрад Зете! Слава богу, до сих пор еще здесь никто не посягал на имущество безвременно ушедших от нас в лучший мир. Наступит время, и никто в обиде не останется: мы разделим все по справедливости.

— Мистер Рестон, вы меня не поняли. Я не собираюсь нарушать справедливость. Наоборот, я хочу быть справедливым. Я защищаю справедливость. Я требую справедли-

вости. Фляжка вместе с содержимым переходит ко мне по наследству. Ставлю вас в известность, что я и покойный Пауль Шульц — двоюродные братья. Моя мать была родной сестрой отца Пауля — Отто Шульца... у него других родственников не осталось... А говорить о том времени, когда будем распределять накопленное нами, думаю, еще рановато. Но скажу, раз вы сами напомнили об этом: я буду полноправным и единственным наследником и Пауля Шульца, и его отца.

Все негромко заговорили:

— Мы никогда об этом не слыхали!

— Тут что-то непонятно!..

— Даже представить трудно!

— А доказательства имеются?

Шариф и Махмут хорошо понимали, что у каждого из этих людей появилась надежда получить какую-то долю из того, что лежало во фляжке. Однако все они, кроме Рестона, держали себя нерешительно. Очевидно, Зете имел над ними власть, и его боялись.

Зете окинул всех презрительным взглядом.

— Вы хотите знать, почему мы не ставили вас в известность о нашем родстве с Паулем раньше?

— Допустим...

— По многим причинам. Скажу лишь об одной. Этого будет достаточно. В прошлые годы мы несколько раз предупреждали измену.

— Изменники свое получили. Об этом вы знаете.

— Если бы хоть один раз нам не стало бы известно о готовящейся измене, было бы плохо, очень плохо. Я не могу сказать, чем бы именно все кончилось: виселицей или пулей. Но даже в лучшем случае этих, — Зете показал на потолок, — светлых огней здесь не было бы, а мы сами... от нас остались бы одни скелеты. Простите, — Зете поклонился Максимычу, — герр Миллер в это число не входит. Тогда вы все хвалили меня за бдительность. Да, я раскрывал планы изменников. С помощью Пауля! Об этом знал только мистер Рестон. Он может подтвердить. Остальные о его помощи не догадывались. Изменники ему верили. А если

бы они догадались, что Пауль мой родственник? Что было бы тогда?..

— Да, я знал, что он вам помогает. Но из этого еще не вытекает, что он ваш брат.

Зете усмехнулся:

— Тогда, мистер Рестон, разрешите мне представить вам моих свидетелей. Вот они! — Зете указал на всех, кто был вокруг него. — Только лишь за несколько минут до вашего прихода на этом самом месте покойный Пауль Шульц заявил, что мы двоюродные братья.

Стало тихо. Рестон на мгновение сморщил лоб, оглянулся, и его взгляд упал на покойника:

— Пойдите-ка! Вы же сказали, что Шульц потерял раскладку. Так ли это?

Все подтвердили слова Рестона.

— Всякому известно, что показания умалишенного человека не могут быть признаны доказательством.

— Ну тогда, — сказал Зете после паузы, — я добьюсь получения доказательств по радио. Я требую, чтобы такую возможность вы представили мне при первом же выходе в эфир.

— Герр Зете! Я искренне желаю, чтобы вы успешно доказали свои права. Однако я обязан заявить вот о чем: если бы вы и доказали, что алмазы принадлежат вам, они должны храниться не у вас. По крайней мере, до определенного времени.

— Может быть, вы разъясните это?

— С удовольствием! Вам приходится отлучаться, — Рестон показал пальцем вверх. — Нет, нет! Я и не подумаю, что, имея с собой алмазы, вы оставите нас. Нет! Но все же они вам... так сказать... могут принести неприятности.

Шариф и Махмут заметили, что люди смотрят на Зете с плохо скрываемой насмешкой.

— В таком случае, — спокойно сказал Зете, — дайте мне опись камней.

— Это мы сделаем, — с иронической улыбкой ответил Рестон. — Но, может быть, сначала надо вашего двоюродного брата проводить в последний путь?

Все вдруг вспомнили, что покойник с ними рядом, и постарались принять скорбный вид.

АНДРЕЙ

Место Шульца занял Андрей. Он и вправду не был каким-то Гансом или Джоном. Это было ясно уже по тому, что Зете обычно разговаривал с ним на русском языке.

Он был темнолиц, скуласт. Но кто он по национальности? Ребята подозревали, что Андрей понимает башкирский язык.

Они давно уже приметили его. Этот невысокий человек, с небритым и хмурым лицом, небольшим горбом на спине, чаще всех приходил принимать кварцевые ванны.

Из слов Зете ребята догадались, что он иногда и раньше помогал Шульцу вести хозяйство. Однако Андрей оказался не очень способным в этих делах.

За каждый пустяк он грубо ругал ребят. Иногда его ругань прерывалась удушающим кашлем.

Когда обед был приготовлен, Андрей нажал одну из кнопок на стене и сказал:

— Мальчики, вы посадили рассаду? Не посадили? Что же вы до сих пор... — тут его прервал продолжительный кашель. — Чего стоите, дармоеды! Идите немедленно!

— Дядя Андрей! А какую рассаду посадить? — спросил Шариф.

Андрей растерялся. Это можно было узнать лишь в специальной тетради Шульца. Ребята, конечно, знали, что посадить и как посадить, знали и о тетради, о существовании которой Андрей и не подозревал.

— Вон отсюда! — снова закашлял он.

Обрадованные ребята ушли в свою спальню и занялись расшифровкой найденных бумаг. Решили читать только те слова, в которых больше знакомых букв. Распознав эти слова, они узнают и незнакомые буквы. И тогда сумеют прочитать все.

Прошло около часа, а ребята узнали лишь несколько новых букв и прочитали около пятнадцати слов в разных строчках письма.

— Хватит пока, — сказал Махмут, вспомнив, что им пора идти обедать. — Бумаги у нас никуда не денутся. А вот...

— Что «вот»?

— Фонарь...

— Какой фонарь?

— Спрашиваешь еще! Какой бывает фонарь! Осветительный... Шульц умер, а завещания так и не успел написать. Ведь он умер внезапно. Если бы написал, алмазы, может быть, он завещал бы Зете. Потому что Зете нужны алмазы. А нам нужен фонарь.

— Думаешь, фонарь завещал бы нам! — усмехнулся Шариф.

— А больше кому он нужен? У остальных есть фонари. Конечно, нам! В общем, фонарь я припрятал!

— Ну?! Почему же сразу не сказал? Махмут, ты гений!

Издали послышался кашель Андрея. Он шел к ним. Ребята перестали шептаться.

— Заставляете ждать? — спросил он сердито. — Подумаешь, бояре!

В столовой уже никого не было. На столах в беспорядке валялась немытая посуда. Андрей указал им место за столом.

— Дядя Андрей, мы обычно кушали там, у себя...

— Сопляки! Каждое мое слово — для вас закон!.. Ладно, идите! Только быстро! Я еще проучу вас!

За дверь Шариф горячо спросил друга:

— Где спрятал фонарь?

— Спрятал так, что и достать трудно.

— Где, где?

— За холодильником есть углубление за камнем. А камень-то сидит не очень плотно. Вытащил камень и засунул туда фонарь. А там какая-то пустота, и фонарь скатился вниз. Рукой не достать.

— Достанем!

— Теперь послушай... Когда Пугало глаза закатил, Зете дал ему что-то выпить.

— Лекарство?

— Да еще какое! Сам же видел, как быстро старик поправился!

— Неужели яд? Не может быть! Они же двоюродные братья! Нет, не может быть!

— Не веришь? Не надо. Но я не могу доказать: трупа не вскрывали...

— Звери, а не люди!

После обеда Андрей не давал ребятам ни минуты покоя. Чтобы они ни делали, он ругал их, называл лентяями и тупицами.

Уши ребят отдохнули, лишь когда пришло время ужина.

Друзья заметили, что сегодня ужин кончился раньше, чем обычно. Люди выходили из столовой мрачные и недовольные.

Стукнув дверью, вышел Зете, за ним выскользнул испуганный Андрей.

— Раз не умеешь готовить, не надо было проситься в столовую! — желчно говорил Зете. — Руду копать — «плечи болят», груз таскать — «одышка», «под водой нет сил работать!» Как быть с тобой? Ведь учли твое положение, пожалели: дали работу здесь. Все равно никакого толку!

— Герр Зете!..

— Слушай, когда говорят! Люди целый день работали. Пришли усталые. А ты что им приготовил?

— Я...

— Молчи! Я отправлю тебя руду копать!

— Герр Зете! Мальчики же...

— Мальчики? А ты для чего? Глаза где у тебя были?

Голова Андрея опускалась все ниже и ниже:

— Герр Зете! Простите меня!

— Если хоть раз увижу какой-нибудь беспорядок, пощады не жди! — вдруг увидев в огороде ребят, Зете прибавил: — Во всем должен быть полный порядок. Все надо делать хорошо и аккуратно. Расточительности не должно быть. Ну-ка посмотрим, что здесь сегодня сделано.

Зете и Андрей пошли рядами полог.

— Вас ист дас?* — вдруг крикнул Зете.

Ребята подбежали к нему. Он стоял рядом с рассадой капусты. Несколько листков почернели и поникли.

Зете выпучил глаза:

— Что наделали?

— Это не мы, — ответил Махмут. — Вы сами сюда вылили воду.

— Какую воду?

— Которой вы поили больного. О! Я слышал, от воды, оставшейся от умирающего, растение вянут.

Шариф едва не рассмеялся от выдумки Махмута.

— Гм... — Зете смутился, но быстро взял себя в руки. — Сейчас же вырвать и выбросить!

Как только Зете ушел, Андрей набросился на ребят:

— Что стоите, как чурбаны? Вам нечего делать, дармоеды? Из-за вас люди не могли поесть! Кто из вас пересолил картошку?

— Дядя Андрей! — сказал Махмут. — Картошку-то солили вы сами Соли больше никто не трогал.

— Не болтай! Я заставлю вас съесть эту картошку! Пошли!

Не переставая ругаться, он усадил ребят за стол и поставил перед ними большую сковородку, полную жареной картошки.

— Если до последней крошки не съедите, ничего больше не дам ни сегодня, ни завтра!

Ребята недоумевали. Шариф попробовал одну картошку — она была нестерпимо соленой. Махмут ткнул Шарифа пальцем под бок и ухмыльнулся.

— Дядя Андрей!

— Что еще?

— Картошка же зажарена замечательно! Вкусно как!

От этих, неожиданных слов Андрей ошолбенел и только моргал глазами. А Махмут продолжал:

* Вас ист дас? — Что это? (нем.)

— Правда, соли многовато. Но разве это беда! Какой повар не может исправить такой пустяк?

Андрей не сказал ни слова. А Махмут от слов перешел к делу. Быстро почистил пяток сырых картофелин, порезал и смешал с жареной картошкой. Затем поставил сковородку на электрическую плиту и включил ток. Через несколько минут избыток соли перешел в сырую картошку.

Махмут выбрал сырую картошку, сложил в кастрюлю и поставил вариться.

— Не беспокойтесь, дядя Андрей, и эта не пропадет. Чудесный завтрак приготовим завтра.

В этот вечер ребята впервые наелись досыта. Самое удивительное было в том, что Андрей не скупился на хлеб и колбасу. Он даже воздержался от бранных слов и уж совсем неожиданно сказал:

— Мальчики! Вы умеете работать. Помогите мне! Я ведь кое в чем тоже могу вас поддержать. Видели, как этот дьявол Зете бросился на меня? Если ему что-нибудь еще раз не понравится, он переведет меня на другое место. А я уже не смогу там работать. Проклятая пещера! Сколько подземной пыли в моей груди! — и он снова закашлял.

— Вам, дядя Андрей, — вздохнул Шариф, — съездить бы на курорт, подлечиться.

— Дураки вы, — хрипло проговорил он.

— Почему же, дядя Андрей? Теперь хорошо лечат.

— Ну, хватит об этом. Идите спать. Сейчас тот дьявол придет сюда за продуктами на дорогу. Хоть неделю будем жить поспокойнее.

Темное лицо Андрея исказилось то ли улыбкой, то ли болью.

Ребята переглянулись. И действительно, они не успели подняться с мест, как в столовой появился Зете. Он был одет по-дорожному.

Андрей молча указал ребятам на дверь.

ПИСЬМО ФАЙЗУЛЫ

Как ни старались Шариф и Махмут, на чтение бумаг ушло больше недели. В нескольких местах стерлись не только отдельные слова, но и целые строки. Автор письма употреблял много устаревших, книжных, заимствованных с арабского и персидского языков слов, многие из этих слов были ребятам совершенно не знакомы. К тому же часто предложения не вязались одно с другим: мысль еще не закончена, а автор начинает говорить о другом, затем снова возвращается к первой мысли.

Письмо написал Файзулла Фахретдинов, родом из Бирского уезда. В восемнадцать лет по мобилизации он попал в армию Колчака.

Их «мусульманский батальон», состоящий из молодых башкир и татар, впервые должен был принять бой в те дни, когда Колчак отступал за Урал.

Многие солдаты хотели перейти на сторону красных и спрятались в лесу. Но беляки поймали их и разоружили. Группа пойманных была пригнана под конвоем через горы и леса на берег Белой. Их заставили работать. В глухом месте, где не жил ни один человек, они рубили лес, обжигали известняк и сооружали в пещере жилища. Они таскали туда бревна и привезенные откуда-то инструменты, бочки с керосином, мешки с продуктами. Охраняли их очень строго, и никто не мог бежать. За малейшее подозрение расстреливали или убивали голодной смертью, заточая в «каменные мешки».

Ходили слухи, что здесь, в пещерах, есть алмазы и что жилища, которые они сооружают, предназначены для тех, кто будет собирать алмазы.

Автор письма, вместе с товарищами, готовился к побегу. На ночь их загоняли в ту часть пещеры, где было найдено письмо. Они установили, что их «жилище» выходит к подземной речке. Если двигаться по речке вверх по течению, справа у противоположной стены есть отверстие, через которое может пролезть человек. Кто-то выяснил, что это от-

верстие ведет на волю, но выход разрушен взрывом. Решили расчистить завал. Много ночей провели в бессонной работе. Но их замысел был раскрыт. Всех, кто хотел бежать, снова загнали в «жилище». А потом — оглушительный взрыв! Разлетелись камни. Несколько человек было задавлено, многие искалечены. Оставшиеся в живых бросились туда, где была дверь. Но они наткнулись на камни.

Кто-то из заключенных имел при себе кремь и огниво. Высекли огонь. Поняв, что они обречены на смерть, бросились туда, где в течение многих ночей пробивались на свободу.

Но проклятый Шульц (так звали человека, который командовал всеми) и тут успел. Он каким-то образом поднял уровень воды в речке. Ход остался под водой. Пропала последняя надежда.

Сколько прошло суток? Люди, обреченные на голодную смерть в глубоком подземелье, об этом не знали. Не помогли ни крики, ни мольбы, ни молитвы. Никто не отвечал им из-за разрушенной стены. Попытались пробить брешь в стене. Но разве людям, вооруженным только камнями, это под силу?

Вначале умерли искалеченные. Затем голод стал уносить и здоровых. В конце концов остались в живых только двое — Файзулла и старик башкир по имени Гадельгарей. Файзулла раньше его никогда не видел. Старика бросили сюда перед самым взрывом.

Его лицо было изуродовано побоями, все тело покрыто ранами. Но старик долго держался. Узнав, что Файзулла знает грамоту и у него есть бумага и карандаш, он обрадовался так, словно вышел на свободу.

— Сынок, — сказал он, — надо оставить письмо. Когда-нибудь все равно сюда придут люди. Пусть они узнают, кто мы были и кто нас убил.

Файзулла начал писать, хотя свет от пламени узкой полоски тряпки был не ярче, чем светлячок.

Вот что просил старик написать о себе.

В их роду с древних времен хранился аманат, вещь священная, неприкосновенная — алмазы. По завещанию пред-

ков они могли быть обращены в деньги только тогда, когда к народу придет большое бедствие, которое не преодолеть без этих драгоценных и святых камней.

И вот пришла трудная година. Пугачев поднялся против царицы, и сыны башкирского народа пошли с ним. Во главе их стоял батыр и поэт Салават. А когда царские войска начали брать верх над Пугачевым, аксакалы направили к Салавату храбрых и верных людей с алмазами. Они думали, что алмазы помогут Салавату победить врагов. Но алмазы не успели дойти: войско Салавата было разбито.

Тогда аксакалы решили спрятать алмазы для будущих поколений. Чтобы место хранения осталось тайной, спрятать их поручили двум человекам. Если кто-нибудь из них умрет, второй должен показать это место еще одному человеку — испытанному и верному.

Сто сорок лет с лишним прошло с тех пор. Сменились поколения. Но об этой тайне всегда одновременно знали только два человека.

В последние годы одним из хранителей тайны был сам Гадельгарей, а другой — старик Тимербай, охотник из деревни Акбаштау.

Узнав каким-то образом об алмазах, Шульц начал преследовать Тимербая.

За три года до начала войны пришел страшный голод. Умирили люди, погибал скот. Аксакалы решили, что для спасения людей от голодной смерти можно использовать алмазы, и разрешили Тимербаю продать несколько камней. Тимербай немедленно взялся за порученное дело. Но он не вернулся, с ним пропали и алмазы, которые старый охотник взял с собой.

Теперь Гадельгарей знает, что Тимербая ограбили и убили люди Шульца.

После установления советской власти аксакалы долго думали, как быть с алмазами. Но среди них не было единого мнения. Однако, когда пришли колчаковцы и стали угнетать народ, люди поняли, что решение может быть только одно. Поручили Гадельгарею и его новому напар-

нику взять все алмазы, перейти через линию фронта и передать Красной Армии.

Гадельгарей и его товарищ, пришедший на смену Тимербаю, взялись за дело с большим воодушевлением. Но они не подозревали, что их преследуют. В пещеру за алмазами вошел Гадельгарей, а товарищ остался у входа. Гадельгарея настигли именно в тот момент, когда он доставал алмазы. Правда, его не сразу поймали, он успел спрятать под камень значительную часть алмазов, а остальные разбросал, когда за ним гнались по пещерным ходам. Его схватили. Он узнал, что его товарища, оставшегося у входа в пещеру, тоже поймали и замучили.

Прошли месяцы, Гадельгарея пытали, чтоб узнать тайну. Но он не сдавался, не выдавал врагу священного аманата предков. Наконец, его бросили сюда вместе с обреченными на смерть.

— Сынок! — сказал старик Файзулле. — Здесь, где мы умрем, лежит аманат для советской власти. Пиши, сынок! Кто бы ни нашел, аманат неприкосновенен и подлежит передаче только советской власти. Пусть Красная Армия отомстит за нас!..

Гадельгарей обессиленными руками пощупал землю, с большим трудом приподнял плоский камень, под которым блеснули алмазы. Потом он вытащил из-за пазухи металлическую флягу и высыпал в нее алмазы.

— Как все напишешь, письмо всунешь сюда же. Не забудь плотно закупорить...

Обессиленный Гадельгарей упал. Скоро он умер.

...Письмо подтверждало все, что Зете рассказал Миллеру. Да, Шульца привел к пещере «запах алмазов». Но он ошибался: убитый им дед Шарифа Тимербай и подвергнувшийся такой же участи Гадельгарей знали не месторождение, а только место хранения алмазов. Алмазы, найденные людьми Шульца, были разбросаны Гадельгареем, когда за ним гнались преследователи.

В тот день, когда письмо было, наконец, прочитано до конца, ребята с нетерпением ждали наступления ночи. Таинственный ход, описанный в письме Файзуллы, стал их за-

ветной мечтой. Кто знает, может быть, они последний день находятся в этой проклятой пещере! У них уже есть небольшой запас продуктов. В последние дни они ели совсем мало и часть пищи прятали. И самое главное — у них есть фонарь!

Зете еще не вернулся в пещеру, а Андрей не прохаживался по ночам, как Шульц. Поэтому ребята смелее, чем раньше, пошли в грот. Достали спрятанные молоток, зубило и лом.

Вот ход, который открыл Шульц. Можно включить фонарь... Камни... Скелеты...

Когда дошли до того места, где Шульц нашел фляжку, Шариф осветил скелет, лежащий у стены.

— Файзулла, — шепнул Махмут.

Сняв кепки, ребята с минуту стояли молча.

Луч фонаря скользнул к щели в дальнем конце пещеры. Сердца забились сильнее. Что их там ждет? Миновали щель. Тишина. У ног вода. Потолок пещеры понижается и уходит в воду. Дальше дороги не было. По-видимому, уровень воды, поднятый двадцать один год назад, не понизился. Ход, через который хотели совершить побег Файзулла и его товарищи, через который сюда проникали старик Гадельгарей и дед Шарифа Тимербай, все еще под водой! Шариф опустил в воду руку. Она была очень холодной.

— В письме ясно сказано, что ход на правой стороне.

— Не допущена ли ошибка? — осенило Махмута. — Когда он писал... его положение... чтобы разобраться, где левая, где правая сторона...

— Постой-ка... — Шариф наклонился и застыл. Но вскоре с недовольным видом выпрямился и начал что-то искать под ногами. Махмут понял: Шариф хочет узнать, есть ли тут течение или нет. Так в кармане же у самого Шарифа есть палочка, которой они писали на земле буквы, когда читали письмо!

— Достань-ка палочку из кармана!

Брошенная на воду палочка сначала, казалось, не двигалась, но через некоторое время стало заметно, что она очень медленно плывет налево.

— Файзулла писал, что надо идти против течения. Значит, ошибки нет, ход на правой стороне.

— А если мне туда пуститься вплавь? — спросил Махмут.

— Успеем, не торопись! — обратился Шариф к Махмуту, уже приготовившемуся раздеваться. — Вот о чем подумай: если бы уровень воды был ниже, скажем, на один метр, как бы она протекала?

— Нашел время для головоломок! — с обидой сказал Махмут. — Сам же видишь, никакого отверстия нет.

— Потому и спрашиваю, что отверстия не видно, а вода все же немножко течет. И письме ведь ясно написано, что уровень воды поднял Шульц. Значит, он и закрыл...

Тут Махмут запнулся... Ведь, если когда-то закрыли это отверстие, его можно открыть! Тогда...

Шариф направил свет налево и стал внимательно осматривать подводную часть стены.

— Если бы это было так просто, заключенные сами открыли бы... Может быть, там цемент... Смотри-ка, смотри! Видишь, камень. Отдельный камень! Наверное, там... Я сейчас его... — Махмут быстро начал раздеваться.

Увидев, что товарищ хочет лезть в воду, Шариф посоветовал подождать, подумать. Но Махмута уже нельзя было остановить.

— Чего ждать? О чем думать? Я же плаваю и ныряю лучше, чем ты! Свети как следует.

Холодная вода впиалась в него сотнями острых иголок. Махмут поплыл. Через три-четыре секунды он уже был у стены и нырнул.

В прозрачной, словно стекло, воде Шариф видел, как Махмут ощупывал камень, старался его сдвинуть.

— Выходи, скорей! — сказал он Махмуту, который всплыл, чтобы отдышаться. Махмут не ответил, жадно вдохнул и нырнул опять. Но камень не поддавался.

— Выходи, говорят тебе! Так ничего не получится.

— Выхожу, замерз...

Тело дрожащего Махмута посинело, он дышал быстро и шумно, зубы стучали. Шариф помог ему одеться и, сунув руки под его рубашку, растер ему спину.

— Умереть можно! Ох, и холодная вода...

— Дыра там! Между камнем и стеной осталась очень узкая щель. Чувствуется, там вода просачивается. Камень ничем не замазан, но сидит крепко.

— А ты знаешь, какая сила требуется, чтобы выдернуть его?

— Если бы он сидел там не так плотно, поднять его было бы нетрудно.

— Нет, не поднимешь!

— Что же делать? — в голосе Махмута послышалось отчаяние.

Шариф наклонился и поднял лом.

— Ага! При помощи рычага! — догадался Махмут. — Неможко согреюсь и...

— Нет уже, в этот раз я полезу.

Шариф уже расстегнул пиджак.

— Да ты что! В своем уме? Вода прямо жуть! Заболеешь!

— А ты не заболеешь?

— Ну, я...

— Ну, ты не то, что я! Ты железный.

— Да?

Трудно было плыть Махмуту с тяжелым ломом в руке. Зато, когда он кое-как добрался до стены, чтобы нырнуть, не надо было прилагать никаких усилий. К тому же лом помогал устойчиво держаться на дне.

Сдвинуть камень было не так уж трудно. Но как только Махмут передвигал лом для нового рывка, вода, рвущаяся в образовавшуюся дыру, бросала камень, как щепку, на старое место.

Несколько раз Махмут всплывал, чтобы отдышаться. Наконец, ему удалось отодвинуть камень.

Вода с глухим ревом ринулась в отверстие. Чувствуя, что начинает задыхаться, Махмут оттолкнулся ногой от камня. Но струя воды тянула его вниз. Перед глазами замелькали разноцветные пятна. В нос попала вода, в груди жгло. Мелькнула мысль: «Все!» Руки коснулись стены. Он схватился за какой-то выступ, оттолкнулся и... полетел.

Ему стало тепло и легко. Хотелось смеяться. Он летел и летел...

Он открыл глаза и увидел Шарифа, который тащил его к берегу. Махмут снова начал задыхаться.

Засунув пальцы в рот товарища, Шариф вызвал у Махмута рвоту.

— Ничего, ничего, — приговаривал Шариф. — Пусть вода выходит. Вон сколько нахлебался... А теперь делай зарядку!

Вода быстро убывала. Вскоре в пещере остался тоненький ручеек.

— Я думал, конец, — невесело усмехнулся Махмут.

— Мы еще поживем, старина! — похлопал его по спине Шариф и, подняв фонарик, пошел по берегу ручья.

Метров через сорок ручей поворачивал влево. Как раз на этом месте он увидел отверстие. Ход здесь!

Шариф вернулся к товарищу. Посоветовавшись, решили попытать счастья, взяли лом, молоток, зубило и двинулись. Ход, по которому они ползли, был мокрый, холодный и узкий. Однако они почти не замечали ничего этого. Может быть, вот-вот, через несколько метров, за следующим поворотом они выйдут на землю, на свободу!

Но таких поворотов впереди было много. Постепенно канал расширялся. Двигались уже на четвереньках. Затем можно было идти согнувшись, а еще дальше — шли, не боясь удариться головой о выступы.

Чем дальше шли, тем выше кругом груды камней. Между ними тесный проход.

— Наверно, эти камни таскал Файзулла со своими товарищами, — сказал Шариф.

— Значит, разрушенное место близко... Вот оно!

— Но эти камни убрать отсюда не просто: слишком большие. Ты понял, почему заключенные не могли быстро очистить ход? Шульц знал свое дело!

Ударяя то молотком, то ломом, Шариф начал ломать одну из глыб. Махмут относил камни назад.

— Нам бы сделать наверху хотя бы узенькую лазейку. Лишь бы быстрее! — проговорил сквозь стиснутые зубы Ша-

риф.

Холода он уже не замечал. Влажная одежда высохла и снова стала мокрой от пота. Мелкие осколки камней от ударов молотка и лома, как иголки, калили лицо, от пыли першило в носу и в горле.

Шариф с трудом вытащил большой камень и, чтобы узнать, много ли надо еще трудиться, всунул лом в образовавшуюся щель. Но так и смог ничего определить.

— Пошли, Шариф, нас могут хватиться.

Они миновали ручей, вышли в грот и облегченно вздохнули: в саду было темно и тихо.

— Если днем кто-нибудь заберется сюда, то обнаружит ход, — размышлял вслух Махмут, — Зете, как только придет, обязательно сюда сунет нос. Ведь он привезет кроликов. Придется камень поставить на прежнее место и запереть воду.

— Запереть легко. А вот как потом откроем?..

— Трудно будет, — ответил Шариф. — Но не так, как сегодня.

Ребята внимательно осмотрели отверстие, через которое вытекала вода. Шариф сделал зарубины на камне, чтобы потом было легко зацепить его. Лом решили оставить под водой.

Закрыли отверстие, и вода начала быстро подниматься.

Ребята бесшумно прошли через сад и забрались в свою «берлогу».

АВАРИЯ

— Вставай, Махмут! Пора!

Ребята торопливо умылись и вошли в столовую. Первым они увидели Зете. Они переглянулись: «Вернулся злодей!».

Зете заходил то в кухню, то в холодильную камеру, пересчитывая ящики, коробки, бутылки.

Андрей ходил следом за Зете, как провинившийся ребенок. Поредевшие волосы на его голове растрепаны, пуговицы халата застегнуты неправильно, одна пола поэтому была выше другой.-

Зете ругал Андрея за неэкономное расходование продуктов. Тот робким голосом оправдывался.

Зете видел, как в столовую в трусах и майках бесшумно вошли ребята и сразу же приступили к работе.

— Это мне нравится, — громко сказал он по-русски. — Это есть дисциплина!

Андрей угодливо буркнул:

— Я их...

— Хорошо, хорошо, — перебил его Зете, — я вот что хочу вам сказать, мальчики: если хотите учиться, — пожалуйста. Специальностей у нас более чем достаточно: шахтеры, транспортники, слесари, электрики — трудно даже перечислить. А учиться начнем... пожалуй, даже с сегодняшнего дня.

— Спасибо, Василий Федорович, — Шариф старался говорить бодрым голосом. — Мы не откажемся от учебы.

Зете хотел что-то сказать, но свет вдруг погас. Вместо ламп дневного света, слабо мерцало несколько обычных лампочек. Их света хватало только для того, чтобы при ходьбе не наталкиваться на стены.

В столовой, в саду, в коридорах тревожно завывли сирены.

— Авария! — закричал Зете испуганно. — На электростанции!..

Он метнулся за какую-то дверь и через полминуты появился с ярким фонарем в руке.

— Все за мной! — скомандовал Зете.

Они быстро шли по широкому коридору.

Впереди во мраке показалась широкая дверь.

Зете остановился, увидев у двери лужу. К нему подбежало несколько взволнованных немцев.

— Неужели опять пар? — спрашивали они друг друга.

Зете осветил фонарем приборы на стене.

— Здесь плюс семнадцать градусов, а там... внутри — только девять. Какой может быть пар? Странно...

Люди, словно спасшиеся от чего-то страшного, облегченно вздыхали:

— Там всегда, как в печи. Почему девять?

— Ничего удивительного: откуда-то пробилась холодная вода.

— Может, и так.

— А я полагал, что пар взорвал какую-нибудь трубу.

— Боже упаси! Помнишь, тогда при монтаже случилось такое? Моментально двоих...

Зете открыл дверь в полутемный, широкий зал, затопленный водой. Из воды торчали верхушки трех агрегатов. Шариф шепнул другу:

— Паровые турбины и электрогенераторы...

Зете нажал какую-то кнопку. Из скрытого динамика послышался щелчок и голос Рестона. Зете что-то доложил ему на английском языке. Рестон коротко ответил. После этого Зете снова заговорил по-немецки:

— Водолазы, приготовиться! Быстрее! Принести ящик извести!

Двое водолазов спустились в воду. Скоро один из них сообщил, что в соседней пещере, где охлаждается отработанный в турбинах пар, уровень воды нормальный. Другой водолаз обнаружил на противоположной стене щель, которой до этого не было.

Зете приказал:

— Первому водолазу открыть заслонку между залом и камерой охлаждения, а второму — наблюдать, с какой скоростью поступает в зал вода через образовавшуюся щель.

Прислушиваясь к разговорам, ребята поняли, что электростанция работает на естественном паре, бьющем из-под земли с давлением тридцать атмосфер. Пар идет в турбины по толстым трубам и, приведя в движение турбины, по другим трубам уходит в камеру охлаждения. Часть горячей воды подается оттуда для отопления сада, жилых помещений и для других хозяйственных нужд, а остальная часть сливается в подземную речку. Когда сооружалась электро-

станция, для размещения машин и механизмов надо было расширить зал. В одной из стен открылся канал, по которому протекал ручей. Канал замуровали, и до сегодняшнего дня ручей не напоминал о себе.

— Или обвал в канале, или к ручью присоединились другие подземные воды, — сказал Зете. — Во всяком случае канал заполнился водой, ее давление возросло, и стена дала трещину.

Вода начала быстро убывать. Скоро можно было ходить по залу, не боясь промочить ноги. Все подошли к щели. И вправду, внутри журчала вода.

Махмут ткнул пальцем Шарифа и укатил на пол: там в небольшой луже плавала крохотная палочка.

— Неужели не узнаешь? — спросил Махмут тихо.

Шариф вздрогнул: это та палочка, которой они царапали на земле буквы, расшифровывая письмо Файзуллы! Точно, она! Сухая веточка яблони! Шариф сам отломил ее и один конец заточил на камне. В прошлую ночь он бросил ее в воду...

Все стало ясно. Наводнение произошло потому, что ребята открыли камень, и вся вода пошла по этому каналу.

В голове Шарифа закружились тревожные мысли. Если эти люди заинтересуются причиной наводнения, они найдут ход, через который ребята задумали совершить побег...

— Простите, Василий Федорович, — сказал вдруг Махмут, указывая на ящик. — Это известь?

Зете удивленно взглянул на Махмута.

— Если это раствор извести, то он не выдержит. Если бы цемент...

Зете не ответил и недовольно передернул плечами.

Вскоре одну из турбин пустили в ход.

Зажглись лампы дневного света. Проходя мимо ребят, которым было поручено убрать принесенную водой грязь, Зете остановился подле Махмута:

— Успокойся! Это не простая известь. Вот, посмотри-ка!

В раствор, приготовленный для закрытия щели, Зете посыпал серый порошок и велел перемешать.

Щель на стене забили камнями и аккуратно замазали раствором. Затем темный аппарат, принесенный по приказанию Зете, соединили с электрической сетью. От аппарата шли два кабеля, на концах которых имелись какие-то щетки с рукоятками. Этими щетками рабочий водил по замазанной щели. Под щетками заблестели синие искорки.

Через некоторое время Зете велел убрать аппарат и постучал по стене.

— Ну-ка, мальчики, посмотрите — теперь выдержит?

Раствор извести превратился в такой же твердый камень, как и вся стена.

— Видели? А ты говоришь, что нужен цемент. Вот мы таким же образом залатали ту брешь, через которую вы сюда попали... И так хорошо залатали, что если пройти мимо, не узнаешь, что там была брешь.

Зете улыбнулся, словно сообщил что-то приятное.

— А ты что такой бледный? — спросил он у Махмута. — Не болеешь?

— Голова болит, — вяло ответил Махмут.

Не придавая особого значения словам Махмута, Зете пошел, звеня ключами, к двери и прикрикнул:

— Чего плететесь?

Ребята ускорили шаг.

В ШАХТЕ

К обеду Махмуту стало очень плохо. Он не только не мог принимать участия в работе, но даже стоять. Несмотря на ругань Андрея, он по требованию Шарифа пошел в «берлогу» и лег. Обед приготовили без Махмута.

Появившийся в столовой Зете заметил его отсутствие, недовольно сморщил лицо и, не дожидаясь объяснений Андрея, направился к Махмуту.

— Что случилось? — Зете грубовато одернул с мальчика одеяло и потрогал его голову: — Небольшая температура. Ничего особенного. — Принеси-ка воды! — сказал он Шарифу.

Затем Зете вытащил из кармана таблетки, завернутые в прозрачную бумагу, и одну из них протянул Махмуту:

— Глотай!

— Не надо... И так пройдет...

— Глотай, говорят тебе! Сколько думаешь валяться здесь?

— Пить не буду... — пробормотал Махмут, вспомнив, как Зете поил «лекарством» Шульца.

— Глупец! — раздраженно сказал Зете. — Это лекарство, понижающее температуру. Вот смотри! — Зете проглотил таблетку, приготовленную для Махмута. — Видел? Бери!

Дрожащей рукой Махмут взял одну из таблеток и положил в рот.

— А ты пойдешь со мной! — Зете указал пальцем на Шарифа.

— Выздоровливай! — Шариф погладил друга по голове.

В столовой Зете нагрузил Шарифа какими-то термосами и повел дальше.

Они вышли в незнакомый коридор.

Было такое ощущение, словно Шариф попал на территорию завода. Из боковых дверей слышалось жужжание машин, что-то ритмично стучало, что-то издавало резкий металлический визг, пахло машинным маслом. За приоткрытой дверью работал станок, под его колесом сверкали сине-зеленые искры.

В дальнем конце коридора Зете открыл дверь и пропустил Шарифа вперед. Тут было намного темнее. Зете включил фонарь. Бросились в глаза узкие рельсы, протянутые посреди пещеры. Они выходили из-под широких двустворчатых дверей и, поблескивая в свете редких ламп, скрывались за поворотом.

Вошли в очень маленькую комнату с железной дверью. Как только стукнула закрываемая дверь, комната вздрогнула и полетела вниз.

Лифт! Вот он мягко остановился. Дверь открылась.

Они окупались в новой пещере. И первым, кого увидел Шариф, был Рестон.

То ли потому, что Рестон владел немецким языком не в совершенстве, то ли из-за его сильного английского акцента, Шариф понимал его речь с трудом. То, что он сейчас понял, можно было бы перевести так:

— Надо поторопиться со следующей радиопередачей, мистер Зете. Когда думаете выходить наверх?

— Мистер Рестон, — подавленно отвечал Зете, — в последнее время мне очень часто приходилось выходить в связи с приездом Миллера. Считаю, что надо переждать некоторое время. Пусть все успокоится наверху.

— Нет, это очень важное сообщение и не терпит отлагательства. Анализы, сделанные Миллером, показали, что заряды в своем составе имеют посторонние элементы. Однако эти заряды получены по вашим инструкциям и под вашим руководством. И по вашему же указанию я сообщил, что материалы соответствуют инструкции.

— Я вынужден признаться в недостаточности моего опыта и сделанных просчетах. Поймите, в отрыве от всего мира, в условиях этой пещеры...

К Рестону подоили двое, одетые так же, как Шариф,

— Готово! — один из них кивнул на темное углубление в стене.

Все отошли в сторону и, насторожившись, чего-то ждали.

Прошло не больше минуты, и вдруг где-то под землей раздался взрыв. Из темного углубления пахнуло ветром. Пещера долго гремела, как во время грозы.

— Подождем, — сказал Ростом. — Пусть сядет пыль.

— Можете пообедать, — добавил Зете. — Откройте термосы.

Запахло бульоном.

Шариф почувствовал, как заныло в желудке.

— Ешь и ты! — сказал ему Зете.

После обеда все надели какие-то маски, чем-то напоминающие противогазы. Такую же маску дали Шарифу. Вместе со всеми он полез в углубление в стене.

Ход был узким и низким.

Минут через пять добрались до просторного грота. Он был завален сине-зелеными и зеленовато-желтыми камнями. В воздухе здесь все еще стояла сероватая пыль.

Рестон указал Шарифу на железную тележку и прокричал на ухо:

— Вози эти камни к лифту, — он осмотрел несколько камней, по-видимому, остался доволен, махнул рукой рабочим и скрылся.

Рабочие быстро загрузили тележку.

Трудно, очень трудно было везти тяжелую тележку по узкой, низкой и неровной трубе. Мешала маска. Сперло дыхание. Потели очки, то и дело их надо было протирать. Несколько камней с грохотом полетели на землю.

Шариф поставил фонарь и с трудом забросил камни на тележку. Почувствовал острую боль в руке. Тыльная сторона ладони кровоточила. Рана была неглубокой, но в нее попала едкая пыль. Он поднял руку; чтобы кровь скорее свернулась.

На глазах выступили горькие слезы. Как он проклинал про себя эти камни, ящики, тележку, пещеру, подлых людей, которые жили здесь.

Слезы принесли какое-то облегчение... Но разве слезами поможешь горю? Его ждет больной Махмут. У них есть тайная надежда — Дорога Свободы. Она ждет, чтобы Шариф и Махмут открыли ее.

Шариф протер маску и снова взялся за работу...

АНДРЕЙ СТАНОВИТСЯ ОТКРОВЕННЫМ

Махмут открыл глаза. В «берлоге» пусто и тихо.

Значит, Шариф все еще не приходил. Куда его увели?

Махмут хотел подняться и не смог: все тело сковывало бессилие.

Во рту было горько и сухо. Он толкнул дверь ногой и громко простонал:

— Пить!..

Скоро он услышал за дверью кашель Андрея

— Проснулся? А зачем кричишь? — спросил Андрей и поставил на пол кружку с чаем. — Пей!

Чай был еще теплый. Махмут залпом выпил всю кружку.

— Вот обуза! — сердито прохрипел Андрей. — Им только пить да жрать...

Холодной, костлявой рукой он потрогал лоб Махмута.

— Ага, температуры уже нет! — воскликнул он, словно радуясь выздоровлению Махмута, и, помолчав, прибавил: — Кто вас заставил сюда ехать? Эх, вы!.. Здесь не только такие сопляки пропадают, но и взрослые... Еле-еле душа в теле!

— Дядя Андрей, — участливо, совсем по-детски произнес Махмут. — В молодости вы, наверно, были очень крепкий, здоровый?

— Хэсрэт*, — вдруг заговорил Андрей по-башкирски, — таких, как ты, кидал десятками одной левой рукой!

Удивленный тем, как правильно Андрей произнес башкирские слова, Махмут приподнялся, внимательно посмотрел на него. Свет падал на Андрея сзади, поэтому лицо его было в тени. Однако нетрудно было понять, что его взволновали какие-то воспоминания.

— Агай!** Ты — башкир, да?

— Тебе-то что? Не все ли равно?.. Ты же щенок! Дать тебе один раз, и все!.. А я... Меня вели под конвоем. Двое. Вооруженные. А у меня ничего нет. Но... обоих! — У Андрея сжались кулаки, в глазах блеснул диковатый огонек. — Ахнуть даже не успели. А я... Ищи ветра в поле... А когда я добрался до белых!.. Вот была жизнь! Деньги!.. У-у-у! Рестораны! Девушки!.. Тебе такое даже во сне не может сниться...

* Хэсрэт — горемыка.

** Агай — дядя (здесь вежливое обращение к старшему).

Махмута затрясло от презрения и отвращения. А Андрей наслаждался своими воспоминаниями. Он все говорил и говорил:

— Да, были времена... У-у-у! Как хорошо белые приняли меня! Я помог им поймать более двадцати коммунистов. В лесу прятались. Среди них был один комиссар. Большой комиссар. Жалко, успел пустить себе пулю в лоб. Не то я бы получил еще больше денег... Эх, проклятый кашель замучил...

— Агай, вам надо лечиться на свежем воздухе, под солнцем, на земле, — превозмогая отвращение, мягко сказал Махмут.

— Пещера погубила меня... Было время, знал агай, как жить! До всего доходили мои руки и ноги. Все горы, леса и тропы в этих краях я знал, как свои пять пальцев... А у моего отца, знаешь, сколько было земли? О скоте, я уже и не говорю. Считали не по головам, а только стадами! Эх, и молод же я был тогда! Подольше бы пожить в том раю!.. Только белые ушли. Долго скитался я по чужим странам...

— Откуда же ты родом, агай?

— Тише! Называй меня «дядя Андрей». И смотри! При других не смей обращаться ко мне по-башкирски! Понял? Это я сейчас просто так... Захотелось, как в детстве...

— А почему по-башкирски нельзя? Мы же с Шарифом разговариваем. О том, что ты башкир, не знают, что ли?

— Если бы не знали! Потому-то проклятый Зете и погубил меня. В первые годы, пока не спросит у меня о деревнях, о горах, о реках, он никогда из пещеры не выходил. А мне самому ни разу не разрешил, гад!

— А на что его разрешение? — вдруг спросил Махмут, забыв об осторожности.

Андрей вздрогнул, с испугом оглянулся, наклонился и дрожащим голосом проговорил:

— Щенок! За эти слова, знаешь, что будет? Не только тебе, но из-за тебя и мне...

— Нет, дядя Андрей, не знаю. А что?

— «Не знаю!» Вы-то не знаете? Не вздумайте что-нибудь натворить! Я вас...

Заметив, что эти слова приняты Махмутом совсем хладнокровно, Андрей успокоился:

— А какие дела делаются на свете, вы знаете?

— До того, как попали сюда, знали. А что?

— Германия стала хозяином уже почти половины света! Об этом знаете?

— Ну до половины света еще далеко...

— А там, — Андрей показал пальцем наверх, — знают о том, что немцы скоро доберутся до них?

— А у нас с Германией договор о ненападении.

— «У нас!» Она еще вам покажет договор!

— Но наши тоже ведь не лыком шиты!

— Что ты понимаешь, дурак? Ты же повторяешь то, что коммунисты болтают на собраниях.

— Почему на собраниях? Я радио слушаю, газеты читаю.

— Ты, молокосос, читаешь газеты?

— Читал, пока к вам не попал.

— Смотри, какой ученый! Газеты читал!.. — продолжительный кашель прервал слова Андрея. Махмут смотрел на него и думал: «А какую пользу принесет тебе война?» Но не спросил: не сердить, а как-то смягчить надо Андрея. Поэтому Махмут решил прикидываться наивным мальчишкой.

— Дядя Андрей, а как по-вашему, скоро война будет?

— Не так уж много осталось ждать. Совсем недолго! — глаза Андрея злобно блеснули. — И на нашей улице будет праздник... Должен же быть конец моим мучениям! Шестой год надрываюсь в этом проклятом подzemелье! Придет этот счастливый день. Скоро придет!

Андрей размечтался:

— Я уже не тот дурак, каким был раньше. Я буду умным! На что мне заводы да земля?

В приморском городе, где веют теплые ветры, открою два-три хороших ресторана! Спокойно, уютно, весело! Рядом свой доктор, собственные слуги. Своя автомашина, свой шофер. А капитала, добытого здесь, на это хватит.

От болтовни Андрея Махмут устал, глаза его закрывались.

— Спишь? — спросил Андрей обиженным голосом. — Ну спи! Горе! Сколько еще будешь лежать? Всю работу взвалили на меня одного.

А тут еще с животом что-то неладно. Постоянно болит, а отчего — не знаю, — Андрей потрогал ладонью живот, презрительно посмотрел в сторону Махмута и тихо удалился.

Махмут перевернулся на бок и задремал

Когда он проснулся, дверь была открыта. Рядом стоял Шариф. Увидев, что Махмут открыл глаза, Шариф радостно улыбнулся.

— Тебе легче? Да?

Махмут приподнялся. В первую минуту показалось, что он уже вполне здоров. Но тут же почувствовал, что еще очень слаб.

— Это после температуры, — успокаивал его Шариф. — Еще раз поспишь, и все пройдет...

— Сколько дней ты пропадал?

— Двое с лишним суток. Сейчас ночь...

— Так идем же! Идем!

— Нет, уж, ты оставайся.

— Понимаю. А там... долго будешь?

Шариф задумался:

— Часов пять поработать придется.

— Это долго. Могут заметить. Пока вода будет убывать, да пока будешь лазить по той мокрой трубе, понимаешь, сколько времени уйдет. Да и обратно...

— Нет. Я хотел сказать: всего пять часов.

— Это другое дело. Так бы и сказал.

— Не все ли равно? Часов-то у меня нет. Они у себя оставили.

— Часы... А на что они нужны? Без часов разве нельзя измерять время?

— Чем? Аршином? Да и аршина-то у нас нет, — горько усмехнулся Шариф.

— А голова-то у тебя есть?

— Голова-то, кажется, на месте. Но она, мне думается, не измерительный прибор.

— Наоборот, самый точнейший.

— Ладно, лежи ты, я пошел.

— погоди! Ты что? Думаешь, когда я пластинки проявляю, отцовские часы с собой таскаю? Или ходики со стены снимаю?

— Но ты же считаешь...

— Вот и ты считай. Только не торопясь. Досчитаешь до ста — одна минута. Приблизительно, конечно. Но не путай счет с количеством секунд. Шестидесят — это очень неудобно. Почему древние халдейцы такую систему счета придумали? Не знаю. Ну, вот, оба будем считать. Досчитаем до шести тысяч — будет час, а до тридцати — пять часов.

— Хорошо, Махмут! Так я и буду делать.

— И я тоже!

— Ты бы спал... Эх, ты...

— Ладно, ладно, успокойся, я ведь...

Наконец, выключили свет. Шариф прислушался. Тишина.

— Ну, я пошел.

— Только будь осторожен. И давай начнем считать — раз, два, три, четыре...

Свою постель Махмут перенес ближе к приоткрытой двери. Лег так, чтобы можно было наблюдать за всем садом. Шепотом он вел счет:

— ...девятисто семь, девятисто восемь, девятисто девять, сто, — согнул большой палец правой руки. Это уже был десятый палец, значит, еще одна тысяча. Неужели прошло всего лишь пятьдесят минут? Не допустил ли ошибку? Шариф, может быть, сейчас убирает последний камень? А может, он уже вышел куда-нибудь в лес и полной грудью дышит земным воздухом, смотрит на звезды?

Может быть, там не ночь, а день. Яркое солнце. Зеленый лес.

Мозг считает автоматически, не мешая другим мыслям. Как только сто — очередной палец загибается сам.

Какие только картины не лезут в голову! Иногда кажется, что время остановилось, оно задавлено огромными камнями и не может преодолеть чудовищную тишину пещеры. А может быть, время уже прошло. Вот-вот зажгутся лампы, а Шариф не успеет выйти. А тут еще

Андрей... У него явное расстройство желудка: три раза уже сходил в туалет. Кажется, сейчас успокоился.

Пошла последняя сотня... Все! Махмут, преодолев слабость, встал, осторожно подошел к гроту и, как условились, тихо ударил четыре раза. Изнутри ответа не последовало. Подождал минуту и еще раз стукнул. Никакого ответа. Он бесшумно сдвинул камень и произнес шепотом:

— Шариф...

Ответило ему эхо, усиленное, как показалось Махмуту, в десятки раз:

— Шшррршфф!..

Его охватил испуг. Почему-то он не думал о возможности какого-нибудь несчастного случая. Ему до сих пор казалось, что Шариф спокойно долбит и выворачивает камни, вытаскивает их.

А ведь там всякое могло случиться. Даже может быть и обвал.

Наконец, мелькнул свет.

Махмут, забыв об условленном сигнале, громко шепнул в щель: «Выключи!» и тихо опрокинул камень.

— Воду закрыл?

— Закрыл и проверил, как она поднимается. А там... Не пробился?

— Пока никак не получается. Камни пошли крупные.

— Много еще осталось?

— А кто знает...

Словно какой-то легкий ветерок прошел по узким, извилистым проходам между полками. Через минуту ребята уже были в постели.

Махмута очень удивило то, что Шариф, оказывается, к моменту встречи досчитал только до двадцати восьми тысяч семисот.

— Может, по ошибке пропустил тысячу?

- Нет, ты, наверно, считал быстрее, чем положено...
- Завтра пойду я.
- Тсс! После поговорим... Давай спать...

СТРАННЫЙ ПРИКАЗ

— Смотри-ка, все еще лежат! Ну и собаки же, а! Сво-
лочи! Ну и проучу же я вас теперь!..

Андрей ворвался как вихрь, сбросил с ребят тряпье. Но ребята спали так крепко, что Шариф вообще ничего не слышал, а Махмуту казалось, что все это происходит во сне. Но сны он каждую ночь видел и более кошмарные, поэтому сейчас на происходящее не обращал никакого внимания.

Андрей вышел из себя и каждому дал по пинку. Это уже заставило ребят не только открыть глаза, но и выскочить наружу.

В саду никого не было. Они побежали к кранам.

Холодная вода освежила их.

Андрей вышел за ними и закашлял.

— Окончательно вывели из терпения! Но сегодня станете миленькими. Век не забудете. Марш на кухню, щенки!

Махмут заметил, что Андрей при кашле хватался руками за живот. Он озорно подмигнул Шарифу и сказал Андрею сочувственным тоном:

— Ай-ай-ай, дядя Андрей! Что с вами? Заболели, да? Извините нас, что мы проспали. Мы же не знали, что с вами такое случилось.

Эти слова окончательно рассердили Андрея. Он начал было ругаться, но Махмут продолжал:

— Немедленно надо принять меры. Не то...

Андрей сморщил лицо:

— О чем... ты болтаешь?

— Ой, дядя Андрей. Покажите, пожалуйста, ваш язык.

Андрей с недоумением открыл рот и высунул язык.

— Шариф, смотри-ка! Точно! Я так и думал! У меня есть соседка, врач. В инфекционной больнице работает. Уж она-то знает! Она кое-чему и меня научила. У вас, дядя Андрей, дизентерия! Точно, самый отвратительный вид дизентерии!

— А тебе какое дело? Ты доктор, что ли? — сказал Андрей грубо, но в его голосе уже не было прежней злости.

— Не говорите так, дядя Андрей. С дизентерией шутки плохи. Она же замучает вас! А нам какво будет? Мы же к вам почти уже привыкли. Кого поставят на ваше место?

— О чем ты? Что ты?

— Дизентерия — болезнь страшно заразная. Зете, то есть Василий Федорович, если узнает о вашей болезни, разве оставит вас здесь?

Андрей побледнел. А Шариф, поняв хитрость Махмута, добавил масла в огонь:

— Вы уж, дядя Андрей, нас не забывайте. Когда выздоровеете, снова проситесь сюда.

Андрей испуганно озирался. Лицо его напоминало человека, кающегося в совершенном им по ошибке преступлении.

— Друзья, — сказал он вдруг умоляющим голосом, — мне и вправду того... плохо. Может быть, пройдет? А? Само по себе?

— Дядя Андрей! — прервал его Махмут. — Было бы очень хорошо, но уверяю вас, само по себе это не проходит.

— Вы о моей болезни ни Зете, ни кому-нибудь другому ни слова! Ясно? А перед вами я в долгу не останусь. Я ведь и так стараюсь вас не обижать...

— За это, дядя Андрей, вам спасибо...

— Погорячился я сегодня. Болею ведь. Одному мне трудно. А вы спали так крепко, будто до этого целый год не спали. Ну, я-то понимаю, вам тоже не легко... Давайте помиримся. А?

— А если заразимся мы... или другие? Думаете, не узнают?

— Я постараюсь быть подальше и от вас, и от посуды. Никто не узнает. Вы же видите, я больной человек. Уйду отсюда — пропаду.

— Эх, была бы здесь моя соседка, дядя Андрей! Она за два дня вылечила бы вас. Если бы я знал, что ее советы пригодятся, я бы постарался все запомнить. А ведь она сколько раз говорила, что иногда самые простые средства могут избавить человека от этого недуга.

— Не ожидал, что ты такой интересный фокус выкинешь, — сказал Шариф с восхищением, когда отлучился Андрей. — Как у тебя все это складно получается? А если действительно дизентерия? Не заразимся ли?

— Вот этого уж от тебя не ожидал. Верить тому, что мы сами же сочинили! Ты же вчера видел, какой он жирный кусок мяса стянул из кастрюли. Много ли ему надо? Вот и засорил себе желудок.

Андрей не касался ни продуктов, ни посуды. Когда завтрак был приготовлен, он тщательно вымыл руки и только после этого нажал на кнопку. Он стал очень вежливым.

— Ну, друзья, быстро покушайте и идите в сад, сейчас волки придут, — сказал он кротко. — Только старайтесь, чтоб порядок был. Зете сейчас дома, а вы знаете, что он за человек!..

Зете не заставил себя ждать. Многие еще продолжали завтракать, а он уже вышел в сад. Осматривая поливку, он прошел мимо полок, остановился у созревающих помидоров, медленно пошел назад. Он проявлял нетерпение, то и дело смотрел на часы.

Оказывается, он ждал Миллера. Тот скоро вышел. Словно желая убедиться, что вокруг нет лишних людей, они то и дело оглядывались. Это заинтересовало ребят, и они старались работать поближе к ним.

Миллер зевнул, потянулся:

— Устал, — сказал он, как бы оправдываясь. — Для меня гораздо легче делать десятки анализов, чем составлять одну шифровку об одном анализе. Вы об этом хотели поговорить?

— Да, я хотел посоветоваться с вами, — Зете понизил голос. — Нельзя ли обойтись без шифровки и без радиogramмы?

— Нельзя. Надо провести такие испытания, которые мы здесь не в состоянии сделать. А что вас волнует? Чего вы боитесь?

— О нас знают только наш хозяин и его новый компаньон-янки. После вашей радиogramмы янки начнет испытания. Хотя я и не специалист, такие испытания в кабинете не проведешь. В них примет участие много людей. Не думаете же вы, что среди этих людей не будет таких, которые заинтересуются испытываемым зарядом, его составом и тем, с какой целью и где его будут применять?

— А, вот вы о чем!.. Узнают о нашей пещере? Пойдут слухи, которые дойдут до Москвы? Начнутся поиски? И нас!.. — Миллер сделал вид, что берет себя за горло. — Не этого ли вы боитесь, Зете?

— Ну зачем так сразу и грубо? А все-таки...

— Успокойтесь! Во-первых, янки не так уж глуп. Во-вторых, он дьявольски богат и имеет даже влияние на международную политику. Стремление подчинить себе весь мир у него такое же, что и у нашего хозяина. Ему ничего не стоит провести эти испытания в тайне... Скажем, на каком-нибудь необитаемом острове.

— Все же... — Зете задумался. — Сегодня утром я получил весточку от хозяина. Наконец, связь установлена! Вас он поздравляет с благополучным прибытием. И меня не лишил своей милости...

— Хорошо, очень хорошо! Теперь он начнет перехватывать все наши радиопередачи, адресованные янки, и будет в курсе всех дел.

— К сожалению, пока ему не обойтись без янки.

— Все решают деньги. Подождем. Сделаем снаряды. Пусть начнется война, и когда хозяин овладеет Уралом — тогда он этому янки прощально помашет платочком!

— А если Гитлер не нарушит соглашения о мире с русскими?

— Этого не может быть, Зете!

Миллер собрался уходить.

— Один момент, — остановил его Зете. — В радиограмме хозяина есть странный приказ...

— Какой?

— В пещере Карякэ найдены рисунки, сохранившиеся с древних времен, и нам приказано уничтожить их!

— Да, странный приказ... А до той пещеры далеко?

— Нет... Эти мальчишки попали к нам через ту пещеру.

— Очевидно, хозяин думает, что рисунки могут привлечь туристов, и они помешают нам.

— Туристы нам не страшны... Там нет наших следов. Я ту пещеру знаю хорошо. Но... я не видел там никаких рисунков...

— Гм...

Вдруг Зете вздрогнул:

— Как я не подумал об этом?.. Мальчишки! Может быть, это и есть ключ? Надо проверить... Не помню, не выбросил ли я их фотопластинки? Они, кажется, фотографировали рисунки.

Зете и Миллер ушли.

Друзья подавленно молчали. О том, что засевшие здесь подлые люди готовятся к производству какого-то нового оружия, у них теперь не было сомнения. Вот почему сюда приехал Максимыч, которого здесь называют Миллером! Он направлен руководить производством оружия... Но зачем же надо уничтожить рисунки в пещере Карякэ?

— Может быть, мы не так поняли? — недоумевал Махмут.

— Нет, мы поняли все правильно.

— Мы же об этих рисунках никому не рассказывали.

— Постой-ка! О каком ключе говорил Зете? «Не выбросил ли я эти фотопластинки?»

— Что-нибудь понимаешь?

— Пока не очень.

— Вот и я ломаю голову.

Сегодня ребята чувствовали себя вольготное, чем в другие дни. Андрей не придирался. Зете тоже больше не появлялся.

ВОТ ОНА, ТАЙНА!

Несколько дней никто не видел Зете. Узнав об его уходе, ребята думали, что им хоть немного будет легче. Но вышло иначе. Их заставили добывать руду, таскать грузы. Работали 12-13 часов в сутки.

От бывшего румянца на их лицах не осталось и следа. Щеки впали, руки огрубели. Мучительно болела поясница, ныло в суставах.

Ребята старались все видеть и запоминать. Они поняли, что из добываемой руды эти люди получают металлы и другие вещества. Все это делалось при помощи электроэнергии.

Как-то утром они опять увидели Зете.

«Ходит, хоть бы что! Значит, на земле ни о них, ни о нас ничего не знают», — с тоской думали ребята.

Зете сразу же дал им новую работу. Под его руководством в дальней пещере прокладывались рельсы. Эта маленькая железная дорога предназначалась для транспортировки каких-то грузов на вагонетке.

Здесь работало человек десять. Одни занимались сваркой стыков, другие крепили стержни между рельсами. На четвертые сутки железная дорога дотянулась по пещерному ходу до большого зала. Этот зал был сооружен не природой, а человеческими руками. Люди еще продолжали уносить отсюда камни и землю.

Зете направил свет фонаря на потолок. Высота его достигала пятнадцати метров.

— Мало, — пробормотал он.

— Герр Зете! — услышали ребята голос Рестона. — Пока больше нельзя: там остался совсем небольшой слой, его толщина не более трех метров. Может обвалиться. Надо крепить.

— Неужели они хотят здесь пробиться на землю? — шепнул Шариф. Но оказалось совсем другое. Об этом им скоро рассказал сам Зете.

— Дорогу построили, молодцы, ребята! — сухо похвалил он. — Вижу, устали.

— Устали, Василий Федорович, — сказал Махмут. — Все тело болит. Отправили бы нас на небольшой отдых.

— На отдых? Придет время, отдохнете. Мы же работаем по плану. У нас есть утвержденный начальством график. Не скрываю, мы боимся, что не успеем завершить работу к указанному сроку.

— А зачем, Василий Федорович, такой большой... погреб? Эти рельсы? — спросил Махмут.

— Вот это и есть, ребята, та тайна, — сказал Зете, — о которой я вам говорил в первый же день, когда вы к нам пришли. Об этом, конечно, мне не следовало бы говорить... Ну, ладно уж. Мы теперь вам верим и надеемся, что когда вы вернетесь домой, никому ничего не расскажете.

— Конечно, не расскажем, — подтвердил Шариф.

Зете понизил голос:

— Здесь у нас будет военная база.

Этого ребята никак не ожидали от Зете. Их удивление, по-видимому, понравилось Зете. Он хитро улыбнулся и ждал, что скажут ребята. Первым заговорил Махмут:

— А красноармейцы придут сюда?

— Разумеется! — кивнул Зете. — Но не сейчас, а после завершения работы. Здесь мы установим большие снаряды. Их можно будет запустить без пушек, а взорвутся они там, куда мы их направим.

— Для чего?

— Как для чего? А если иностранные государства начнут против нас войну? Чтобы уничтожить врага! Но главная цель не в этом. Мы здесь проводим эксперимент: возможно ли создать под землей секретную военную базу и производить оружие своими силами, ничего не получая со стороны. Сами видите, мы ведь почти ничего не привозим. Все добываем и делаем здесь, под землей. Эксперимент удастся. Значит, такие базы мы можем создавать и в других местах, на территории любого иностранного государства.

— А если узнают? — воскликнул Шариф. — Мы же против войны, а сами на территории чужой страны, тайком...

— Так это же пока небольшой опыт, — поморщился Зете, — и на своей территории! А дальнейшее будет зависеть от обстоятельств... Вот теперь понимаете, в каком большом ответственном деле вам посчастливилось принять участие? Докажите своей работой, что вы достойны этого доверия! Мы сейчас немного отстаем от намеченного правительством графика. Чтобы войти в график, необходимо несколько дней работать очень старательно. А затем мы предоставим вам отдых.

— Василий Федорович, мы, действительно, очень устали. Если отдохнуть хотя бы один день, то потом мы бы работали еще лучше.

— Нет, это невозможно... Кстати, мы ведь испытываем и ваш характер, волю, выносливость. Проявите себя! Кто знает, может быть, вы заслужите право поехать с нами в зарубежные страны. Туда ведь не всякого направляют, понимаете? Вам приходится слушать, как мы разговариваем между собой на иностранных языках? Для чего, думаете, это мы делаем? Тренируемся, учимся! Подойдет время — и вас научим. Вот так, ребята, не подкачайте!.. А сейчас поешьте, и за работу!

Зете похлопал каждого по плечу и ушел.

— Неужели он думает, что мы, действительно, такие уж наивные и верим каждому его слову? — мрачно сказал Шариф.

— А может, это какая-нибудь хитрость? — пожал плечами Махмут.

Толкать тяжелую вагонетку было трудно. Весь день ребята возили цемент, металлические пластины, какие-то детали, тяжелые жестяные ящики. Очевидно, в ящиках было что-то ценное и хрупкое: от ребят ни на шаг не отходил долговязый немец с длинным острым носом и очень кислой физиономией. То и дело он покрикивал:

— Не торопись! Осторожно ходи!

Когда все ящики были перевезены, долговязый перешел в группу монтажников. Однако и теперь он не оставил

ребят в покое. Махмута сделал своим подручным, а Шарифа направил в другую группу монтажников. Ребята вынуждены были бегать туда, где кричат: «Мальчик!» Одному нужно что-то поддержать, другому — принести деталь, третьему — подать на лестницу нужный инструмент.

У Махмута горели глаза и сжимались кулаки. Но глаза Шарифа безмолвно говорили ему: «Брось. Не надо. Не обращающей внимания. Будь умным. Мы себя еще покажем им!».

ИСКОРКА НАДЕЖДЫ

Наконец, они вернулись в свою «берлогу». Но Андрей не позволил им отдыхать.

За те дни, пока ребята отсутствовали, огород пришел в запущение, и Андрей обязал их за один день все привести в порядок.

— Смотрите, — предупредил он. — Зете вчера еще должен был вернуться. Когда он возвращается с опозданием, то бывает очень сердитый!

— То-то его не видно было в последние дни, — бросил Махмут. — Вот, оказывается, где он!

— Я чуточку вздремну. Готовить обед приходите сами. Если я буду спать, разбудите.

— Ладно, дядя Андрей, разбудим, — сказал Шариф и подмигнул Махмуту. У него мелькнула мысль: Андрей отдыхает, Зете нет в пещере, в саду спокойно — можно по очереди поспать.

Но осуществить план не удалось: в сад пришли Рестон и Миллер. Они отдыхали, загорали и что-то горячо обсуждали. Однако говорили они на английском языке и понять их было нельзя. Тем не менее Махмут не отходил от тех двух столбов, которые ребята называли «беседкой Шульца».

Шариф обещал его предупредить, если кто-нибудь появится.

После небольшою молчания, Миллер перешел на немецкий язык. Жаловался на то, что мало рабочих рук. Поэтому поинтересовался, нельзя ли каким-то образом заманить в пещеру несколько человек из местных жителей.

— Такие попытки были, — ответил ему Рестон и рассказал, как Зете хитростью привел бродящего по лесу охотника. Но скоро от него пришлось освободиться. Не выпустили, конечно. Он задумал что-то такое, по словам Рестона, нехорошее. Поймал Зете однажды и девушку. Но она скоро сошла с ума...

Шариф стукнул камнем о землю. Это был условный сигнал Махмуту. Из столовой, спотыкаясь, выскочил Андрей.

— Мальчики! Пошевеливайтесь! — сказал он задыхаясь. — Зете вернулся!

— Очень приятно, — ответил Шариф. — Мы очень соскучились!

— Какой он сегодня сердитый! Устал. Проголодался. Покушает и сюда выйдет. Уберите вон те сухие ветки!.. Смотрите у меня!..

Действительно, скоро в саду появился Зете. Его пиджак и брюки были испачканы глиной.

В сторону ребят он даже не взглянул и взволнованно заговорил по-немецки с Рестоном и Миллером.

Зете рассказал о том, что какой-то ящик он оставил на хорошем месте в Сибири. Что-то отрегулировал так, чтобы ящик заработал через сорок восемь часов. Дорога туда и обратно была спокойной. Но в конце пути случилось неожиданное. Уже будучи почти рядом с пещерой, он увидел человека, сидящего на высоком дереве. Зете долго наблюдал за ним. Человек сидел тихо и все время оглядывался. Зете решил идти через дальний запасной ход. Пошел дождь. Уже стемнело, когда он добрался до хода. Зете ликвидировал следы и поднял за собой воду.

— Человек на дереве, — Рестон с озабоченным видом пожевал губами. — Это ваш «хвост», Миллер! — Он повернулся к Зете: — Вы уверены, что за вами никто не следил?

— Не думаю. Было очень темно. Все время лил дождь... Я несколько раз предупреждал вас, что частые прогулки опасны... Впрочем, до сих пор ничего не случилось...

— До сих пор никто там не сидел на дереве!

В разговор включился Миллер:

— Мистер Рестон, может быть, у того человека были совершенно другие цели?

— Вряд ли... — задумался Зете. — Пока все не успокоится, выходить нельзя.

— Придется сходить. На разведку. Мы не можем жить в неизвестности. Я знаю, герр Зете, что у вас есть еще один запасной ход.

— Он не для таких прогулок. У него есть специальное назначение. По-моему, самое лучшее, закрыть оба хода стеной и продолжать спокойно работать. Тогда никто не сможет к нам пробраться.

— Это легко сказать! Вы прекрасно знаете, Зете, какая это огромная работа — замуровать ходы под водой. У нас есть более неотложные дела. Нет, надо выяснить обстановку. Может быть, в действительности ничего опасного нет.

— Но мистер...

— Я же не прошу вас, чтобы вы немедленно пошли. Пойдете через несколько суток. А сейчас не буду вам мешать. Мойтесь, отдыхайте.

Рестон повернулся, дал понять, что разговор закончен, и направился к выходу.

Ребята видели, с какой ненавистью Зете смотрит на уходящего Рестона.

— Глупец! — сказал Зете Миллеру. — Что он знает о внешнем мире? Только то, что изредка слушает по радио. А радио он без меня не может слушать. Я уж знаю, когда и что дать ему слушать. Ну, что ж... Его последнее слово уместно: надо отдыхать.

— Спокойного отдыха, Зете, — пожал его руку Миллер.

Ребята переглянулись и впервые заметили в глазах друга друга радость. «Значит, на земле что-то уже знают!.. Но знают ли они, что враг очень хитрый, что он спрятался глубоко под землей и чтобы добраться до него, надо даже

опускаться под воду. Смогут ли додуматься до этого люди, живущие на земле под солнцем?..»

УТЯБАЕВ ПОЛУЧАЕТ ЗАДАНИЕ

Галин повесил мокрое полотенце на ветку дерева, что поднималось неподалеку от машины, надел рубашку и посмотрел на купающихся. Невольно подумал: «Умные, серьезные люди, а в воде играют, как озорные мальчишки!»

Купались ученые, приехавшие из Академии наук в пещеру Карякэ. Они исследуют рисунки, найденные в пещере одним спелеологом несколько месяцев назад. Их приезд оказался очень кстати.

В одном из залов спелеологи нашли клочки бумаги. Галин установил, что заметки на них были сделаны Махмутом и Шарифом. Ребята отмечали найденные ими рисунки. Очевидно, не знали, что эти рисунки уже обнаружены раньше.

Недалеко от того места, где сейчас раскинута большая палатка ученых, недавно стоял шалаш. На верхушках шестов топорик оставил знакомые следы.

Галин осмотрел не только пещеру Карякэ, но и соседние, более мелкие пещеры. Обходил горы, леса, овраги. Но никаких других следов ребят не нашел.

— Эй, пловцы! — крикнул кто-то у палатки. — Хватит вам беспокоить рыб! Суп остывает!

Приглашали и Галина, но у него не было ни аппетита, ни настроения.

«Не случился ли в пещере обвал? Может быть, дети остались под камнями, и мы ищем их не там? Может быть, они больше ни с кем не встречались, и подозрения Захарова ошибочны?.. Но почему же тогда кто-то уничтожал их следы у пещеры? Зачем кому-то надо было разрушать их шалаш?»

Галин посмотрел на часы. Восемь утра. Час тому назад, по рации, установленной в автомашине, Галин говорил с Захаровым. Скоро он будет здесь.

«Неужели в исчезновении ребят виноваты их ночные спутники? Зачем им могут понадобиться мальчики?»

Ниже по течению Белой, на извилистой проселочной дороге, показалась легковая автомашина. Через несколько минут она остановилась рядом с палаткой ученых.

— А капитан не стал нас ждать? Уже искупался! — с улыбкой заметил из машины Захаров, увидев мокрые волосы Галина.

Из машины вышло несколько человек. Все неторопливо пошли к реке.

Захаров негромко сообщил, что в четыре часа утра в эфир вышла еще одна неизвестная рация. И на этот раз обнаружены ее обуглившиеся остатки. Последний раз такое же произошло неделю назад. Если сравнивать все эти таинственные передачи: в новогоднюю ночь, два раза в июне и две эти, то последняя отличается более длинным, пока еще не расшифрованным текстом.

— Есть основания предполагать, — сказал Захаров, — что в районе, взятом нами под наблюдение, может кто-нибудь появиться. Следовательно, необходимо немедленно взять под контроль все дороги.

Захаров вынул карту и показал, какие посты должны занимать работники милиции под руководством Галина.

— А вам, товарищ Галин, поручается «девятый». За этим участком необходимо наблюдать особенно внимательно.

«Девятым» был обозначен тот пункт, где шофер Салимов оставил своих пассажиров и их груз

Это место в последние дни многократно осматривалось. Почему же Захаров придавал этому пункту такое значение? Галин был удивлен.

«Неужели имеется какая-то связь между тем самолетом, о котором рассказывал старик, и этими событиями? Не потому ли Захаров больше всего думает о “девятом”?»

Но ведь с тех пор прошло пять с лишним лет. Да и вряд ли было вообще то, о чем говорил старик».

А Захаров, вопреки этим сомнениям, поручил одному из молодых чекистов ехать вместе с Галиным на «девятый» и прибавил:

— Товарищ Галин, дорога очень плохая. До «девятого» вы сможете добраться не раньше вечера. Поэтому, как только доедете до Акбаштау, позвоните в районное отделение милиции. Может быть, там сумеют выделить человека, который до вашего приезда будет наблюдать за «девятым».

После того, когда все распоряжения были отданы, Захаров подмигнул шоферу:

— Саша! Ну-ка, покажи Галину наш маленький сюрприз!

Шофер достал из машины черный чемодан и вынул телефонные трубки несколько необычной, плоской формы, но удобные для того, чтобы носить в кармане.

— Рации, — сказал Захаров. — В радиусе семидесяти километров можно держать уверенную связь. Новая марка. Пока серийно не производятся — прислали для испытаний.

Несмотря на плохую погоду, через час Галин и молодой чекист добрались до Акбаштау. Здесь Галин по телефону связался с районным отделением милиции. Оттуда сообщили, что в деревнях, близких к «девятому», сейчас нет ни одного милиционера. А направить туда кого-нибудь из райцентра — бесполезно, так как до «девятого» он доедет не раньше ночи.

— Если хотите, — сказали Галину, — можем сообщить о людях, живущих в ближайших деревнях, которые могли бы оказать вам помощь.

Галин остановил выбор на молодом человеке по фамилии Утябаев. Он жил в деревне Таняй, самой близкой к «девятому».

Утябаев — колхозник, был в своей деревне председателем первичной организации Осоавиахима. В настоящее время уходит на работу в районное отделение милиции. Его уже можно считать милиционером: приказ о его назначе-

нии подписан. У него, кажется, имеется велосипед. Так что до «девятого» он сможет быстро добраться.

Галин позвонил в Таняй.

Ответил старческий голос. Галин узнал старика-охотника, которого недавно вез в Энск.

— А, бабай! Здравствуйте! Уже приехал из Энска?

— Вчера приехал. А кто же ты?

— А это тот шофер говорит, с которым ты ехал в Энск.

— Ба! Узнал, узнал, сынок, спасибо! Я тут сегодня дежурный. Председатель уехал, секретаря тоже нет. Я один сижу. Никого нет... Сынок, слушай-ка, вчера приехал один человек, спрашивал у меня о том самолете, помнишь, я тебе говорил?..

— «Захаров», — подумал Галин и прервал старика.

— Знаю, знаю, бабай! Об этом после поговорим, ладно? Скажи-ка, бабай, ты знаешь — Утябаева Зарифа? В вашей деревне живет.

— Зарифа? Как не знать! Он живет тут рядом, по соседству. А вот он умывается у крыльца. Сейчас я открою окно и позову.

Утябаев быстро понял Галина и повторил: приехав на место, замаскироваться, наблюдать за всеми, кто бы ни появлялся, но в разговор не вступать и не показываться до прибытия человека, который окликнет его по фамилии.

— Ну, кустым, будь внимателен! К вечеру мы приедем, — сказал Галин, но про себя засомневался: «Не допустил ли я ошибку, направив туда этого парня?»

— Что же поделаешь? — успокоил чекист. — Раз никого другого нет...

Выехали из деревни и связались по радиации с Захаровым.

— Одобряю, — сказал Захаров. — Однако старайтесь доехать как можно быстрее!

ПО СЛЕДАМ НЕИЗВЕСТНОГО

Сверху дно ложбины казалось белой извилистой лентой. Однако идти по нему было нелегко: весенние потоки оставили здесь нагромождения камней. Это был самый короткий путь к берегу Белой, и Галин торопился, прыгая с камня на камень.

Машина давно оставлена у дороги и замаскирована в кустах. Чекист двигается к берегу другим путем. Успеют ли они добраться к «девятому» до захода солнца? «Надо успеть», — сказал самому себе Галин.

Цепляясь за камни и корни деревьев, он карабкался из ложбины.

Солнце уже клонилось к закату, и его лучи освещали только вершины гор. Смахнув с лица капли пота, Галин прислонился к толстой сосне на высоком берегу Белой и поднял бинокль к глазам. Где Утябаев?

Вот он! Сидит на дубе, среди густых веток. С той стороны, может быть, его не видно. Но с этого берега... Ах, Утябаев, Утябаев! Хуже ничего не мог придумать. Даже ребенок поймет, что на дубе — наблюдатель!..

Галин посмотрел на часы. Чекист, судя по всему, еще не добрался до Утябаева.

Галин метр за метром осматривал местность и вдруг вздрогнул. Кто-то, сгибаясь, поднимался на скалу в полукилометре от него. Вот он задержался на минуту, посмотрел в сторону Утябаева и исчез.

Ах, Утябаев, Утябаев! Все испортил!

Галин ринулся вниз. Вот то место, где поднимался незнакомец. Вот его следы! Отсюда он наблюдал за Утябаевым...

Впереди, ближе к берегу, с шумом поднялась испуганная птица. Он! Идет к Белой!

Через минуту Галин был на берегу и присел в кустах. На противоположном берегу незнакомец зашнуровывал ботинки. Вскоре незнакомец исчез. Между тем становилось

все темнее, черная туча напозала на небо, пошел морозящий дождь.

Галин вынул рацию и закрылся плащом:

— Кама! Кама! Я — Юрюзань! Прием!

— Юрюзань! Я — Кама. Прием...

Захаров посоветовал ему оставаться на месте и продолжать наблюдение.

Галину казалось, что лучше перейти реку и идти за неизвестным. Но ведь неизвестный может не уходить, а замаскироваться и ждать. В таком случае он обязательно увидит, как Галин переходит через реку, и удерет. А темная ночь ему поможет. Галин еще раз нажал кнопку рации и прислушался. Вот чекист докладывает Захарову, что он уже на «девятом». Захаров и ему приказал оставаться на месте.

А дождик все моросил. Короткая летняя ночь казалась длинной, как в декабре.

Через каждые пятнадцать минут он прислушивался к эфиру. Вот переговариваются посты с майором. «Дема», «Ай», «Сим», «Чермасан» докладывают, что у них все спокойно.

Потом «Каму» начали вызывать друг за другом «Сылва», «Косьва» и другие притоки «Камы». Неизвестный взят в окружение! Судя по всему, в районе сброшены парашютисты.

...На рассвете по приказу Захарова Галин по перекату перешел Белую и обнаружил знакомые следы. Они то терялись в траве, то отчетливо отпечатывались в грязи.

Он достал рацию:

— Кама! Я — Юрюзань. Прием...

Захаров сообщил, что к Галину скоро подойдет «Сылва». Место встречи — поворот ручья на север.

Галину не пришлось долго ждать. «Сылва» оказалась голубоглазым молодым человеком среднего роста. Галин предложил ему идти вверх по течению, а сам пошел вниз. Не было никакого сомнения: чтобы не оставлять следов, незнакомец шел по воде.

Скоро Галин дошел до водопада. По берегу здесь нельзя было двигаться, не оставляя следов. Но никаких следов не было. Не обнаружил их и «Сылва». Он дошел до родника у подножья горы, откуда берет начало ручеек. И вдруг Галин увидел Захарова.

— Как вы здесь очутились, товарищ майор? — удивился Галин.

На усталом лице майора только мелькнула короткая улыбка.

Скоро подошли несколько парашютистов. Разделившись на группы, они обследовали все вокруг. Но никто ничего не обнаружил. А дождь шел и шел в тишине. Чуть шелестели листья под каплями. Куда ни взгляни, все в серой дымке дождя — дремучий лес, горы, овраги, головокружительные пропасти.

Впавшие в уныние люди собрались вокруг Захарова. Он задумчиво смотрел на гору, отвесно поднимающуюся над родником. Примерно на высоте двух с половиной метров Галин увидел выступ, на котором задержались свалившиеся с высоты камни.

Едва Захаров показал рукой на этот выступ, светлолицый парень с атлетическим телосложением проворно вскарабкался наверх. Один из камней привлек его внимание. Он отодвинул его и воскликнул:

— Здесь пещера! Разрешите обследовать, товарищ майор?

— Обследуйте.

Через минуту начали поступать сообщения:

— Пещера становится шире. Включил фонарь... Внутри грот. Тут имеется углубление, как колодец... В нем вода. Дальше никакого хода нет.

— Осмотреть колодец! — приказал Захаров.

— Дно колодца — белый известняк. Вода чистая, прозрачная. Глубина более двух метров. Под водой на стене колодца видна брешь.

— Поднимемся и мы, товарищ Галин, — сказал Захаров и начал карабкаться. Он остановился у входа, наклонился и что-то поднял.

— Обрывок шнурка от ботинка.

Галин вспомнил башкирскую пословицу. «Где конь валется, там шерсть остается».

Захаров о чем-то долго думал, глядя в колодец, и качал головой.

— Вызвать водолазов! — наконец распорядился Захаров. И прибавил: — Немедленно.

ПЕЩЕРНЫЕ РИСУНКИ

Сегодня ребята вернулись в «берлогу» чуть пораньше, чем обычно.

— Зете и сам устал, — сказал Махмут. — Небось, не придет сюда.

В эту ночь пробивать «Дорогу Свободы» была его очередь. Поэтому Махмут решил вздремнуть часок-другой, а Шариф взял на себя всю работу на кухне.

Но Андрей раскричался:

— Один будет на кухне, а другой — в саду. Обоим хватит дела! Нечего лентяйничать!

— Дядя Андрей! До завтра сад никуда не убежит. Я очень устал. Завтра все сделаем.

— Смотрите-ка, как стали разговаривать! Вам только жрать да спать! Что стоите? Ну!

Махмут хотел возразить, но вдруг увидел, что из-за яблонь выходит Зете. Вот так «устал»!

— Пойдем-ка со мной! — Зете указал пальцем на Шарифа и увел его с собой.

— Видел? — сказал Андрей Махмуту и многозначительно кивнул головой в сторону закрывающейся двери.

Махмут не ответил и молча отправился на кухню. Ребята часто замечали, что оставаясь наедине с Махмутом, Андрей становился более откровенным и разговорчивым. Но сегодня у Махмута не было никакого желания болтать с ним. Андрей покашливал.

— Если уж Зете сам уведет, то он даст работенку! Что молчишь? Подумаешь, устал... Ты еще не знаешь, какие тут бывают работы... А что сегодня делали?

— Да, были там же... — нехотя отвечал Махмут. — Военную базу строили.

— Базу? Военную? А кто тебе сказал, что она военная? А, может быть не военная?

— Нет уж, дядя Андрей. Мы знаем. Сам Зете рассказал.

— Сам Зете? А не врешь?

— Спросите у него.

— А для чего нужна база, он тоже рассказал?

— Рассказал.

— Для чего?

— Ну, для чего военные базы строят? Известно. Только я не понимаю, что можно делать при помощи всего лишь нескольких снарядов.

— О! Ты, оказывается, не знаешь, какие это снаряды!

— Знаю. Которые полетят без помощи пушек.

— Вот. Их будет вполне достаточно, чтобы в нужный момент поднять страшную панику. Уж мы их выпустим, миленьких! Эх, как они обрушатся на города!.. — Андрей так закашлял, что на его глазах выступили слезы. — Осталось ждать не так уж много. Совсем немного...

Махмут метнул на Андрея ненавидящий взгляд.

— А ты не беспокойся! — Андрей, по-видимому, заметил, что Махмуту не по себе. — Пока ты со мной, тебе ничего плохого не будет.

— А что мне может быть? — спросил Махмут, посмотрев Андрею в глаза.

— Э-э! — многозначительно произнес Андрей и перешел на шепот: — Не говори так!.. Ты забыл про Зете?.. Пусть он думает, что я глупый! А я о его махинациях все знаю! Дай только срок, я с ним посчитаюсь!

— Какие махинации, дядя Андрей?

Андрей встрепенулся, кашлянул, сплюнул:

— А тебе какое дело? Раз не понимаешь, молчи!

А Шариф в это время находился в кабинете Зете. Это была довольно большая комната. На многоярусных полках

стояли какие-то аппараты, вольтметры и амперметры, многокнопочные щиты, напоминающие пульт управления, всевозможные катушки, конденсаторы, маленькие станки для изготовления мелких деталей.

Зете посадил Шарифа на свободный стул у двери.

— Работы много. Так много, что даже поговорить по душам некогда. Тебя ведь Шарифом звать? Ну, как вы себя чувствуете у нас?

Шариф молчал.

— Понимаю, понимаю... Скучаете по дому, по родителям, это естественно. Но вы уже не маленькие, понимаете, что дела идут успешно, и как только завершим их, отвезем вас домой. Ваши родители все знают. Они живы и здоровы... Ну вот!.. А пригласил я тебя вот по какому делу. Изредка мы выходим на землю. На прогулку. Выходит тот, кто хорошо работает, чем-то отличился. На этот раз такое счастье выпало мне и еще... Максимычу. Правда, его иногда называют другим именем. Ведь здесь собрались люди разных национальностей. Так вот я рекомендовал и тебя включить в компанию. Ты неплохо трудился. Ведь вы здесь уже больше месяца? Ну, как это тебе нравится?.. Будем отдыхать целый день в лесу. Разведем костер, приготовим что-нибудь охотничье...

Что угодно готов был услышать Шариф, только не это. Не желает ли Зете взять его с собой на разведку, о которой говорил Рестон? Вот было бы хорошо! Может быть, удалось бы сбежать или дать знать своим...

— Ну, почему молчишь?

— Если так надо, разве я могу отказаться?

— В лесу сейчас хорошо! В Белой вода теплая!.. Конечно, если нет желания, я не настаиваю. Это я просто так. Хотел, так сказать, доставить удовольствие. Чем-то ты мне нравишься. Наверно, тем, что в молодости я сам немножко был похож на тебя... Да, кстати, на днях на досуге я ваши пластинки проявил и многие отпечатал.

Зете достал кипу фотографий. Это были не очень отчетливые снимки рисунков, найденных в пещере.

— Так нельзя, — продолжал Зете, — почти все снимки пронумерованы вот в этом твоём блокноте и отмечены на плане, а вот эти не пронумерованы и не отмечены в плане, — он неторопливо перелистывал блокнот. — К тому же план пещеры не очень точен.

«Вот оно что! — подумал Шариф. — Тебе нужно знать, где сняты эти рисунки!»

— Когда же было доделывать? — Шариф старался говорить с обидой в голосе — Вы же сами прервали работу!

— Жаль... Но пока ещё не поздно. Начали вы хорошо, надо дело довести до конца.

Вошёл Миллер и сделал вид, что удивлен встречей с Шарифом.

— Возьмем его с собой?

— Конечно, Максимыч. Шариф пойдет со своим ружьем.

Зете вынул из шкафа ружье и посмотрел в ствол.

— Эх, молодежь! Разве так обращаются с оружием? Надо же почистить, если стрелял! А вот твои часы. Я догадываюсь, это память об отце? Старинные. Дорогая реликвия. На, бери...

Зете встал, походил по комнате и, вспомнив о чем-то, остановился, взял со стола несколько фотографий и хитро подмигнув Шарифу, показал Миллеру.

— Могу спорить, — сказал он торжественно, — вы не сможете определить, что это за фотоснимки. Ну, уж ладно, подскажу. Вот здесь вы видите рисунок медведя.

— Медведя?

— Да, рисунок медведя. Не верите? Когда выйдем, мы покажем вам его. И другие рисунки покажем. Правда, Шариф?

Шариф не успел ответить.

— А разведка? — спросил вдруг Миллер на немецком языке. — Не отменили?

— Нет, — также по-немецки ответил Зете. — Завтра выйду. Если все спокойно, думаю, что на обратном пути можно будет покончить с рисунками. Боюсь, мальчишка может заупрямиться. Кажется, что-то подозревает.

— Скажу прямо: я сомневаюсь, Зете, что эти беспорядочные линии и пятна могут быть какими-то рисунками.

— Я просматривал газеты. Не только местные, но и московские газеты уже пишут об этих рисунках. Оказывается, их обнаружили еще несколько месяцев назад. Академия наук, кажется, хочет направить в пещеру Карякэ специальную комиссию. О сроке ее прибытия мне не удалось узнать. Среди ученых, очевидно, есть такие, которые относятся к рисункам с сомнением. Например, одна из статей озаглавлена: «Памятники каменного века или шутка природы?»

— Все же странно: для чего нашему хозяину понадобилось уничтожить их?

— Уместный вопрос. После получения радиограммы я тоже подумал об этом. Теперь понимаю. Это политика, Миллер! Если память мне не изменяет, еще в тридцать третьем году в Германии были выпущены альбомы рисунков, сделанных людьми каменного века на стенах пещер. Я помню и специальный киножурнал на эту тему. Цель была в том, чтобы сказать: «Вот смотрите! Еще наши пращуры сотни веков тому назад умели творить такие произведения искусства. Обратите внимание на то, что эти рисунки имеются только в пещерах Западной Европы, на территории, где всегда жили арийцы. Там, где живут другие расы, их нет. А мы — арийцы, люди высшей расы. Оставленные нашими пращурами произведения древнего искусства являются одним из бесспорных доказательств того, что арийцы стоят несравненно выше других народов!» Вот как был поставлен вопрос!.. И вдруг там, где жили какие-то неизвестные азиаты, тоже находят рисунки и кричат на весь мир: «Погодите-ка, господа! Такие рисунки рисовали и наши пращуры! Более того, эти рисунки еще древнее, чем рисунки в пещерах Запада». Теперь понятно, в чем зарыта собака, Миллер?

— Вот как!

— Одного часа достаточно, чтобы от азиатских рисунков ничего не осталось. — Зете рассмеялся. — Важно и то, что мой счет увеличится на несколько тысяч!.. — Он вдруг взглянул на Шарифа: — Ну-ка, скажи, школьник, на каком языке мы говорим?

— Не знаю, — пожал плечами Шариф.

— Эх, — покачал головою Зете, — плохо еще в наших школах изучают иностранные языки. Кстати, Шариф, укажи-ка на своем плане в блокноте, где вы фотографировали рисунки.

— Какие рисунки? — спросил Шариф с недоумением в голосе. — Мы фотографировали стены и здесь, и тут, и там... Стены почти везде такие... пестрые. Сами увидите. Вот сталактит этот помню. Он примерно здесь, — острым концом карандаша Шариф коснулся плана.

— Ты покажи, где, например, этот медведь? Помнишь? — в голосе Зете послышалось раздражение.

— Медведь?! Вы и со мной шутите, как пошутили с дядей... Максимычем? Какой это медведь?

— Да вот же? — Зете отобрал у Шарифа карандаш и обвел им рисунок медведя.

— Вот оно как! — воскликнул Шариф, прикидываясь удивленным. — Действительно, можно подумать, что медведь! Так я могу всякой всячины найти! — Шариф начал водить по линиям другой фотографии. — Чем это не цыпленок? А вот настоящий паровоз! Даже дым тянется за ним... А это...

Зете побледнел. У него вздрогнули губы. Шариф понял, что он ни одному его слову не верит.

— А ну-ка, марш отсюда, негодяй! — яростно закричал Зете.

Этого Шарифу только и надо было. Встал и неторопливо направился к двери.

ТЕНЬ ИСЧЕЗАЕТ В ТЕМНОТЕ

Утябаев получил срочное задание выйти навстречу автомашине, идущей из Энска, и в качестве проводника ехать с шофером до горы Шамартуба, что поднимается восточнее деревни Таняй. Вначале задание показалось очень легким. Но вспомнив, что до этой горы нет ни одной дороги, Утябаев понял, какая на него возложена ответственность.

Ведь машина везла груз для операции, проводимой представителем Комитета государственной безопасности! Груз надо доставить без промедления. Через горы и овраги, по заболоченным лесам, — кто, кроме Утябаева, родившегося и выросшего здесь, — отыщет путь?

От Таняя до сенокосных угодий ехать было нетрудно. А дальше пришлось напрягать память, чтобы найти дорогу. Машина несколько раз увязала в грязи, пришлось стелить под колеса ветки, выталкивать ее плечами.

К вечеру они с шофером добрались до подножия Шамартуба, мокрые от пота и обессиленные.

Из-за деревьев вышел Галин.

— А, так это ты и есть Утябаев? — улыбнулся капитан.

Утябаев покраснел, вспомнив, как неудачно он сидел несколько дней назад на дереве. Тактичный Галин ничем не напомнил ему об этом и тепло поздравил с поступлением на работу в милицию. Затем он заглянул в кузов машины. Здесь были баллоны с кислородом, походная электростанция и большая катушка с кабелем.

Разгружаться предстояло по ту сторону горы. После новых мытарств добрались до небольшой площадки на отроге горы.

— Видите? — показал Галин на дымок внизу, между деревьями. — К самому ужину приехали.

Вдруг он насторожился. С темного неба доносился шум мотора. Из-за соседней горы появился самолет. Навстречу ему взлетела яркая ракета. Самолет сделал круг над горой и выбросил черные фигурки. Неясными зонтиками открылись парашюты.

— Водолазы прибыли! — крикнул Галин.

«Вот кому нужны баллоны с кислородом!» — подумал Утябаев.

Самолет сделал еще один круг и исчез за горой.

— Утябаев, — сказал Галин, — оставайтесь здесь и смотрите за вещами. Я помогу парашютистам разыскать майора Захарова.

— Сегодня не придется ужинать, — со вздохом сказал шофер, когда ушел Галин. — Ночью отсюда не выберешься.

Скоро совсем стемнело. Время тянулось невыносимо медленно.

Утябаев вдруг услышал какой-то звук неподалеку от машины и встрепнулся. Что-то хрустнуло в темноте, кажется, ветка...

— Кто там? — Утябаев и шофер вскочили с места.

Между деревьями за машиной мелькнула тень.

— Стой!

Утябаев бросился за тенью. «Ага! Идет к обрыву... Вот спрятался за деревом...»

— Эй, остановись! Не шути!

Когда Утябаев подбежал к обрыву, тень уже исчезла в ночи... С дерева, чудом державшегося над обрывом, тянулись вниз две веревки. Обхватив рукой дерево, Утябаев посмотрел вниз. Глубоко внизу в темноте зашуршали ветки.

— А вот ты где! Не убежишь!

Сжав зубы, Утябаев потянулся к веревкам, но в это мгновение внизу дернули одну из них. Развязался хитрый узелок, и обе веревки упали в темноту.

ШАРИФ ОСТАЛСЯ ОДИН

В подземном саду тихо. Здесь листья не шелестят под ночным ветерком...

Махмут у грота нетерпеливо ожидает Шарифа. Вот-вот выйдет Шариф и радостно шепнет:

— Дорога открыта! Бежим!

Сколько ночей они ждут этого!

И вдруг загудели сирены точно так же, как в день аварии на электростанции. Нет, еще сильнее, еще тревожнее!

«Попались»... У Махмута бешено забилося сердце.

— Шариф! Шариф!

— Я здесь, — услышал Махмут голос друга.

Что это? Такие знакомые, такие мягкие черные глаза Шарифа стали необычными, влажными. На длинных ресницах сверкнули слезы.

Шариф горячо шепнул:

— Там работы осталось немного, на несколько часов... Из щелей между камнями дует ветерок... Лесом пахнет. Трактор где-то ходит. Было так хорошо слышно...

— Правда?! Давай сейчас же уйдем!..

— Нет, Махмут, нельзя. Нас сразу же начнут разыскивать. Вода в речке не успеет подняться до нужного уровня, как нас догонят. Лучше завтра.

— Это, конечно, так... А трактор?.. Не ошибся ли ты?

— Нет, Махмут, это точно! Трактор! Долго я прислушивался. Далеко где-то гудел... Я заслушался. Это было, как музыка.

Они юркнули в «берлогу». Душераздирающий кашель Андрея заставил ребят опомниться.

— Проклятые! — выругался он. — Спят, как убитые! Ничего не слышат и не видят! А работа? Почему молчите?

Ребята вышли в сад.

— Что за тревога была? Почему ревели сирены? — шептал Шариф другу.

Но разве это мог знать Махмут?

Андрей сегодня был чем-то возбужден и говорил больше, чем обычно. Из его болтовни ребята поняли, что о причине тревоги он тоже знает не так уж много.

Стало ясно лишь одно: переполох связан с возвращением Зете «с прогулки». Всех людей срочно разбудили и куда-то направили.

Через несколько минут ребятам приказали явиться в склад с оборудованием.

Зете и Миллер стояли в глубине склада и возбужденно разговаривали.

— Как вы думаете, скоро они могут пробиться сюда? — спросил Миллер.

— Трудно сказать. Во всяком случае, пока они будут разбираться в подземных лабиринтах, пройдет не менее четырех-пяти суток.

— А, может быть, они ищут не нас? Мало ли что может...

— Но кругом посты, водолазы... Я видел своими глазами.

— Что же делать?

— В двадцать три часа выйду в эфир.

— Опять уйдете наверх? Но...

— Нет. Для таких исключительных случаев у нас имеется замаскированная антенна, выведенная на землю.

— А если запеленгуют?

— Не успеют. Мне надо дать только условный сигнал об опасности. Это займет не более нескольких секунд. Ответ получим немедленно. Но если хозяин, как и наш упрямый янки, не разрешит эвакуировать базу, тогда уж решим все сами... Понимаю... Но время идет...

— Что поделаешь?.. Другого выхода не вижу.

Они были так поглощены разговором, что не обратили на ребят никакого внимания.

— Земля, кажется, горит под их ногами! — шепнул Махмут, отыскивая руку друга.

— Не под ногами, а над головой! — поправил Шариф.

Неужели вправду ищут их? Эх, скорее бы нашли!

До самого вечера ребята перетаскивали грузы по бесконечным пещерным ходам. Наконец, им разрешили идти спать. Но они не спали. Когда все стихло, Шариф ткнул пальцем Махмута. Бесшумными тенями они пробрались в грот. Наступило самое трудное — убрать камень, запирающий подземную речку.

Дрожа не столько от холода, сколько от волнения, Шариф полез в воду.

— Включи фонарь... А узелок с пищей?..

— Где он?

— Ты же сам держал узелок в руке!

— Эх! Вот беда... Я положил его на землю в гроте. По забыл. Придется возвращаться.

— Пошли вдвоем...

Тяжело дыша, дошли до пещеры, в которой лежали скелеты когда-то замученных людей.

Шариф торопливо полез в щель под камнем.

И вдруг случилось непоправимое... Камень со скрежетом сдвинулся с места и с грохотом обвалился. Махмут остался по одну сторону камня, а Шариф — по другую. Щель между ними была закрыта.

Ребята попытались отвалить камень. Но разве могут два мальчика сдвинуть многотонную глыбу?

— Иди, Махмут, без меня, — услышал Махмут шепот друга. — Слышишь? Уходи!

— Что ты говоришь!

— Уходи, говорю!

— Как я могу без тебя? Нет! Постарайся там найти что-нибудь, чтобы свалить камень...

Внезапно кто-то громко спросил на немецком языке:

— Кто здесь?

— Услышали! Махмут, уходи! Быстро! Уходи! Воду закрой! Воду!

— Без тебя не пойду!

— Уйди! Не то все погубишь! Наших приведи!

— Эх, Шариф...

— Тсс! Сюда идут! Беги!

Яркий луч фонаря ослепил глаза Шарифа.

— А-а! Вы здесь? — Зете железной рукой схватил Шарифа, вытащил из грота в сад и увидел яблоко, выпавшее из узелка. Глаза его налились кровью.

— Яблоки воруете?

От сильного удара в подбородок Шариф отлетел в сторону и упал.

Откуда-то прибежал Андрей.

— Что они сделали? — испуганно спросил он.

— Так ты наблюдаешь за ними, старая вонючая свинья?

— Ой!

Неуклюжее тело Андрея, как мешок с костями, тяжело свалилось на Шарифа.

— Ой!.. Я... Я... не видел... Я их...

— Встань! Где другой мальчишка?

Шариф не мог встать. Зете поднял его, схватил за порванный воротник.

— Где?

— Наверно, спит... — пробормотал Шариф, выплевывая кровь.

— Иди! — Зете толкнул Андрея. — Приведи сюда!

Андрей, задевая плечами деревья и полки, помчался к «берлоге» ребят.

— Там никого нет! — прохрипел он, возвращаясь.

— Где он? — тихо спросил Зете. — Если не скажешь, пощады не жди!

— Не знаю, — зашептал Шариф.

— Врешь, собака!

— Если не верите, зачем спрашиваете?..

— За камнем, что ли, остался? — Зете показал в сторону грота.

— В темноте я случайно толкнул камень. Вот он и свалился. А Махмута со мной не было.

— Где же он?

— Я думал, что он шутит со мной: спрятался между полками и молчит. Я ждал, ждал, а его все нет и нет. Вот и начал его искать. Споткнулся и ударился о дерево. Упали яблоки. Я собрал их и решил спрятать, чтобы не попало от Андрея... Поэтому я пошел в грот... Думал, может быть, и Махмут там прячется...

— Врешь!

Злые глаза Зете смотрели то на Шарифа, то на Андрея.

— Сейчас же найдите его! Не найдете обоих...

Освещая фонарем сад, Зете сам приступил к поискам.

— Махмут! — громко крикнул Шариф. — Выходи же! Нехорошо так! — И подумав, добавил: — Не бойся. Если сейчас же выйдешь, бить не будут...

— Я убью его! — Андрей с яростью сжал кулаки. — Пусть только покажется!

«Затянуть бы время еще на полчаса! — мелькнула мысль у Шарифа. — Тогда вода скрыла бы все следы Махмута».

С озабоченным видом он задерживался у каждого дерева, у каждой полки, заставляя Андрея направлять свет фонарика то в одну, то в другую сторону.

Обошли весь сад.

— Ну? — Зете подошел к Андрею. — Где?

Андрей издал стон, напоминающий визг собаки.

— Я спрашиваю: где? — Зете усмехнулся и дал Андрею одну за другой две пощечины. — Где?

— Я не знаю...

«Если бы еще минут пятнадцать-двадцать», — подумал Шариф.

— Он никуда не мог уйти. Вся сигнализация в порядке. Подними людей! Трех человек! Быстро!

Андрей убежал.

— Ну, дружок, — очень ласково обратился Зете к Шарифу. — Я научу тебя, как врать...

«Еще бы десять минут», — с тоской думал Шариф.

Раскачивая фонарь, появился Андрей.

— Сейчас придут!

— Включи свет!

Ярко загорелись лампы. Вошли трое и зажмурили сонные глаза. Зете повел всех в грот.

Шариф видел, как внутри грота Зете, жестикулируя, что-то объяснял. Подошли к камню и попытались сдвинуть его.

— Дядя Андрей! — закричал Шариф. — Он здесь!

Все вернулись в сад.

— Где?

— Скрипнула дверь в столовой. Наверно, он там прячется...

Осмотрели столовую, кухню и даже спальню Андрея.

— Соврал?

— Я ясно слышал: дверь скрипнула. Кто же может там ходить? Я думал, что это он.

Вероятно, чтобы оправдаться перед Зете, Андрей с силой ударил Шарифа. Зете приказал;

— Уберите камень и вытащите его... Надо проучить! А затем закроете его там же... Там у него будут друзья, — по-видимому, Зете намекал на скелеты. — Перед тем, как закрыть, покажите их ему при свете...

Он круто повернулся и пошел.

— Ну, идите! — Зете посмотрел на часы и торопливо добавил: — Куда вы? Голыми руками ничего не сделаете. Берите инструменты!

Зете еще раз посмотрел на часы и поспешил к выходу из сада.

— Двадцать три часа по нью-йоркскому времени, — вспоминал Шариф. — Это по-нашему...

Андрей откуда-то принес тяжелый пневматический молот. Вскоре послышалось, как он дробно застучал в гроте. Не камень грыз этот инструмент, а сердце Шарифа. «Плотно ли Махмут закрыл воду? А если воды накопилось мало? Тогда найдут Махмута!..»

Камень не хотел сдаваться. Но вот дробь молота прекратилась. Стало очень тихо.

Вдруг кто-то закричал нечеловеческим голосом. Шариф бросился в грот.

Нет, это кричал не Махмут! Это завопил тот, кто первым увидел скелеты. Остальные посмеивались над ним.

Что-то теперь будет... Сейчас они подойдут к речке... Сейчас... Вот сейчас... Почему так долго? Неужели Махмут не запер воду? Ага! Они разговаривают... Идут к выходу...

Шариф облегченно вздохнул. Он знал, что сейчас будут бить его, а он был готов к этому...

ХИЩНИКИ В ОСАДЕ

Шариф пришел в сознание. Вокруг странно колебался красновато-желтый свет. Что это?

Нет, это не свет. Ведь его глаза закрыты. К тому же он лежит на камнях лицом вниз.

Шариф попробовал перевернуться на спину. Но все тело, все суставы нестерпимо болели. Он застонал. С трудом пересиливая боль, Шариф приподнялся и сел.

Вокруг темно. Где же он?

Что-то сухо стукнуло под его рукой. Скелет!

Теперь понятно, где его бросили избитого до полусмерти.

Шариф медленно полз к речке.

Вода показалась ему совсем не холодной.

Он осторожно намочил лицо. Но боль от этого не убавилась.

Долго, очень долго Шариф добирался до «берлоги» и вдруг услышал знакомый кашель.

— Ты еще не сдох? — Андрей нехорошо выругался. — Я вышел посмотреть, как ты шагаешь на тот свет! Чего вытаращил глаза, черт искалеченный?

Шариф снова потерял сознание. Только через несколько часов ему стало лучше. Андрей накормил его какими-то помоями и куда-то повел.

— Пошевеливайся, черт!

Они прошли по знакомым Шарифу ходам и в конце концов оказались на военной базе.

Здесь было тревожно, светло и шумно. Шариф с первого же взгляда понял, что базу разбирают. Значит, на земле и вправду их ищут! Вот почему все оборудование они перевозят куда-то еще дальше. Дела их неважны, раз не только Зете, но и Рестон с Миллером в поте лица орудуют инструментами.

Шарифу велели загружать вагонетку. От изнеможения у него кружилась голова, перед глазами мелькали пятна. Он дошел до груды металла, но поднять что-нибудь у него не хватило сил. Шариф покачнулся и упал.

Кто-то зло выругался:

— Нашли работника! Раз дать ему — и в могилу!

— Не суйте нос не в свое дело! — оборвал его Зете. Он пристально посмотрел на Шарифа и коротко бросил: — Полежи тут...

Глаза мальчика закрылись. Он почти не слышал, как стучат молотки.

«Разбирайте! — думал он. — Разбирайте! Все равно уже никогда ничего вам не восстановить!..»

Он проснулся от того, что молотки вдруг перестали стучать.

Шариф приоткрыл глаза. Все стояли полукругом возле Рестона, Зете и Миллера.

— Друзья! — сказал Рестон по-немецки, и у многих намурились лица. По-видимому, это слово здесь употреблялось не часто. — Друзья! Блокада усиливается. Все выходы взяты под наблюдение... Видите, мы ничего от вас не скрываем... Нет сомнения в том, что они не знают ни о том, сколько нас здесь, ни о том, что мы делаем. Они, по всей вероятности, ищут не нас, а что-то другое.

Слушатели недовольно загудели.

— Опасно не то, что они что-то ищут, — продолжал Рестон. — Поищут и уйдут. Опасно то, что они привезли водоплаздов, которые будут стараться проникнуть в пещеры через водные преграды. Если они увидят хотя бы один кусок металла или какие-нибудь следы, наводящие на мысль, что тут были люди, они пойдут дальше. Понимаете? Поэтому здесь ничего не должно быть оставлено! Никаких следов! У нас очень мало времени для того, чтобы перевезти все это, — Рестон развел руками. — Не успеем. Поэтому нам необходимо все спрятать и поднять воду. А потом мы сюда снова вернемся.

Не пройдет и полугода, как мы восстановим нашу базу! Вас ждет большая награда и все блага беззаботной жизни!

Работа возобновилась.

Рестон взглянул на Шарифа и сказал Зете:

— Хорошо его разукрасили.

— Педагогика! — покривился Зете.

— А на того, другого, ваша педагогика не подействовала?

— Не беспокойтесь, как только завершим работы, я сам его найду. Живой или мертвый, он получит свой курс обучения!

— А зачем вам этот?

— Мне он нужен только лишь для одного дела. А после...

У Рестона, по-видимому, пропал интерес продолжать разговор, и он отошел.

— Что лежишь, как истукан? — вдруг заорал Андрей. — Вставай!

ЧЕТВЕРО

На месте базы осталась темная пустота.

Все дальнейшее было как сон. Шариф слабо помнил, как Зете втолкнул его в лифт. Когда лифт поднялся, внизу раздался взрыв.

Ударило взрывной волной. С потолка посыпались камни. Где-то там, в колодце лифта, с грохотом обрушились стены. Кто-то закричал душераздирающим голосом и умолк.

Все, кто был внизу, остались под камнями. Уцелело лишь четверо: Шариф, Зете, Миллер и Рестон.

Случилось такое страшное, невероятное, что Шариф никак не мог поверить в это.

— Кончено, — сказал Рестон облегченно.

Внизу послышался слабый стон.

— Кто-то жив еще, — глухо проговорил Зете. — Но ничего, сейчас там поднимется вода... Пошли!

Когда дошли до каких-то ворот, Рестон достал из кармана ключ.

— Не надо тратить времени, — сказал Зете.

— Как?! — возмутился Рестон. — Согласно указанию мы должны уничтожить завод и все оборудование. Горючего у нас для этого достаточно.

— Оставьте! В этом нет необходимости. Над нами каменная гора высотой в триста пятьдесят метров. Все ходы остались под водой и под камнями. Кто сюда может проникнуть?

— Но...

— Скажем, что уничтожили. Проверить все равно никто не сможет.

Рестон недоумевал:

— Вы возражали и против уничтожения оборудования базы. А теперь...

— Мистер Рестон! Если хотите, оставайтесь здесь и уничтожайте «согласно указанию». А нам необходимо уходить, пока не поднялась вода у выхода.

Рестон подумал и махнул рукой, дав понять, что в конце концов ему все безразлично.

Дошли до сада. Здесь было светло и тихо.

У Шарифа в голове теснились страшные мысли:

«Они собираются покинуть пещеру... Почему меня оставили в живых? С какой целью?.. Ведь ясно, что все равно убьют! Да, убьют! Это им ничего не стоит... А где же Махмут?»

Конечно, сейчас они не оставят его одного в саду. Фонарь у него пока не отобрали! Забыли! Надо держать фонарь так, чтобы не бросался в глаза... Что же делать?

Рестон повел всех в свой кабинет.

— Много груза не берите! — сказал ему Зете — Только самое необходимое!

— Хорошо!

Шариф понял, что руководство полностью перешло к Зете.

Когда Рестон отошел к столу, Миллер шепнул Зете:

— Может быть, не сейчас, а позже?..

— Зачем тянуть?..

— А как... с твоим щенком? — Миллер движением зрачков указал на Шарифа.

— Будет пока с нами. Пусть смотрит. Это поможет ему развязать язык.

Зете взял Шарифа за подбородок и сказал по-русски:

— Что бы ни случилось, ни звука! Ясно?

Затем он повернулся к Рестону:

— Думаю, что вы не забыли о моих алмазах?

— Ваши алмазы?.. а... понял! Алмазы Пауля Шульца... то есть, ваши... Сейчас. Вот они. Но...

Рестон что-то положил на стол. У него тряслись руки.

— Но... вы... не собираетесь ли и меня... Нет! Нет! — вскрикнул он. — Возьмите меня с собой! Я согласен на все!..

Он отступил назад и вдруг засунул руку в карман. В одно мгновение Миллер перехватил его руку у запястья. Но уже раздался выстрел, и пуля ударилась в стену за спиной Зете.

— Стрелять не умеешь, трус! — усмехнулся Зете.

— Я... Я...

— Слушайте, мистер Рестон! Я не собирался вас казнить. Но вы нам просто не нужны!..

— Что вы хотите сказать?

— Подумайте! Вы для нас будете обузой. Появиться вместе с вами на земле — значит, непременно попасть в руки чекистов. К тому же вы знаете слишком много... Поэтому и здесь вас оставлять нельзя. Нам ничего не остается, как... Вы меня уже поняли? Вы же сами отказались от нас. Я вам сразу предлагал, как только стало известно об опасности: «Мистер Рестон, необходимо немедленно демонтировать базу и эвакуировать на безопасное место». Вы не согласились. Вы ждали указаний своего хозяина. Тянули время. Поэтому часть оборудования пришлось не демонтировать, а уничтожить.

— Нет! Я слушался вас! В указании хозяина было сказано, что оборудование необходимо уничтожить, чтобы никаких следов не осталось. А я, по-вашему настоянию, не давал такого приказа. Меня... пожалейте меня... я...

— О, я понимаю вашего хозяина! Он такой же трус, как и вы. Он боится, что коммунисты нападут на его след. Ведь если тайна будет обнаружена, поднимется скандал на весь мир! Ваш хозяин не сможет оставаться в тени. И американское правительство, хотя и не желает этого, будет вынуждено распорядиться о его аресте. А как вы думаете, зачем все это я рассказываю?

— Герр Зете! Меня...

— Слушайте же! — закричал Зете. — Германия поднимает голову! Вермахт — это непревзойденная армия в мире! Правда, нам пока еще нужны и такие помощники, как вы. Но они были всегда, и всегда найдутся! Мы, конечно, уважаем их. Вы тоже помогали здесь ускорить и расширить нужное нам производство. Неплохо обеспечивали день-

гами. Мы были довольны вами. Но все имеет свой предел. Ваш хозяин и вы уже нам не нужны. Знайте! Препредний хозяин этой пещеры — законный ее хозяин — и сейчас остается ее хозяином! А мы — его представители. А ваш хозяин... он же сам дал указание уничтожить базу! Для него сейчас ничего не осталось. А мы, мистер Рестон, мы еще придем сюда! Жаль только то, что вас не будет с нами...

— Герр Зете! — Рестон опустился перед Зете на колени.
— Вы... я...

— Не ко мне обращайтесь, а к богу, чтобы он дал вам место в раю. А от того, что вы придете домой, толка не будет: вы же сразу попадете в руки полиции! Ведь и раньше вас от электрического стула спас только ваш хозяин.

— Видите, я о вас все знаю, мистер Рестон, или, говоря правду, Тэд Тиркелл, которого до сих пор ищет американская уголовная полиция!

Рестон опустил голову, словно пораженный ударом.

— Тогда, слушай, — неожиданно вскрикнул он со злостью.
— Здесь вы не построите базу!

— Почему же, мой дорогой?

— Причина простая! Детали, механизмы и приборы, самые необходимые и которые невозможно здесь производить, я спрятал не там, где вы рекомендовали, а в более надежном месте. Сколько угодно ищите, вы их все равно не найдете! А привезти их из Германии не сможете: это вам уже не тридцать пятый год!

Зете вздрогнул:

— О мистер Тиркелл, спасибо вам за интересное сообщение. И зря вы петужитесь! Вы сами сейчас расскажете, где и что вы спрятали. О, я знаю сотни способов, чтобы вы от нас ничего не скрыли!

— Герр Зете!.. — задрожал Рестон. — Я перегнул палку. Я расскажу! Но умоляю: не убивайте меня. Я же ничего плохого вам не сделал. Согласен на все ваши условия... Герр Миллер, помогите мне убедить его! Вы же поверенный нашего хозяина!..

Миллер молчал.

— К вашему несчастью, — сказал Зете, — герр Миллер связался с людьми вашего хозяина только лишь по секретному заданию нашего хозяина.

— Изменник!

— Время не ждет. Рассказывайте!

— Не убивайте меня, герр Зете! Я дам план! Он здесь...

Рестон передвинул коврик на полу и вынул плоский камень.

Все остальное произошло так стремительно, что Шариф даже не заметил, когда Зете выхватил пистолет. Раздался выстрел.

— Что... вы... сделали! — прохрипел Рестон. — Вот... план...

Его рука все еще тянулась под пол.

И в тот же миг грянул новый выстрел. Это уже сделал Миллер. Рестон ткнулся носом в пол. Но его палец все-таки успел коснуться какой-то кнопки. Тотчас же погасли лампы и стены задрожали от глухого взрыва.

Зете и Миллер одновременно вскрикнули:

— Завод!

— Электростанция!

Миллер включил фонарь. Зете грубо оттолкнул ногой труп Рестона от отверстия в полу.

— Проклятый янки! Он нажал кнопку!

Зете и Миллер мрачно смотрели друг на друга.

— Вы знали, что электростанция заминирована? — спросил Миллер.

— Не могу представить, когда он успел это сделать. Все погибло...

— Без электростанции мы ничего не сделаем... И восстанавливать... пожалуй, уже не сможем...

Шариф услышал какой-то звук в коридоре. Кто-то стоял.

— Тсс!

Зете бесшумно распахнул дверь. В одной руке он держал фонарь, в другой пистолет. Прогремел выстрел.

Зете спокойно закрыл дверь.

— Ганс. Был хорошим механиком... Слушайте, Миллер, мы должны торопиться!

— Вода дойдет сюда?
— Нет. Но может закрыться последний ход.
— Вы говорили, что тот ход был закрыт после того, как через него сюда проникли мальчишки.
— Да, закрыли. Придется потрудиться.
— Другого пути у нас нет. Но нет худа без добра.
— Там рисунки. Может быть, их уничтожение хоть немного оправдывает нас дома...

Они торопливо что-то искали, рылись в сейфе, в ящиках.

«Сейчас, или уже никогда!» — вдруг подумал Шариф. — На полу валяется ключ Рестона...»

Прыжок. Шариф схватил ключ. Еще прыжок. Шариф за дверью.

— Стой!

Секунда... Еще секунда. Как долго он не может повернуть ключ... Наконец-то щелкнул замок...

Зете бесновался в кабинете.

Шариф двигался в темноте на ощупь, по памяти. Вот дверь в сад. Но открыть ее уже почти нет сил. Он ударил дверь плечом. Не открывается... Еще удар. Дверь распахнулась.

В саду также темно. Но дорогу в грот он все равно найдет. Надо идти прямо... А теперь налево мимо полка. И снова прямо...

Но почему стало так душно, жарко и влажно? Что это так шипит? Пар?.. Да, ведь взорвана электростанция! Пар бьет наружу! Что будет?..

Внезапно его схватили сильные руки.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Как бы тяжело ни было от того, что Шариф остался «там», Махмут в конце концов понял, что поступил правильно, когда ушел по его просьбе.

Он достал молоток, зубило, лом и взялся за работу. Через щели между камнями дул прохладный ветерок. После того, как он справился с тремя большими камнями, дело пошло быстрее. Тут лежали камни поменьше. Их можно было убирать, не разламывая. Эх, если бы ход был пошире, да таскать бы их поближе!

Махмут решил чуточку передохнуть. Он выключил фонарь и лег, прислушиваясь. Вдруг он встрепенулся: над ним была ясно видна неровная поверхность камня. Не поверив своим глазам, он пощупал камень рукой и увидел свои пальцы... Да, это был дневной свет, правда, очень ослабленный извилистыми и узкими щелями между камнями. Но все же свет, идущий снаружи!

Махмут, разгорячившись, снова взялся за работу. Ему показалось, что теперь его ничего не остановит. Но работы впереди еще было много.

Махмута радовало, что становилось светлее и светлее. Но затем постепенно стемнело.

Наступила ночь.

Махмут был вынужден сходить назад, чтобы напиться воды. Съел одно яблоко. И снова взялся за молоток.

К утру аккумулятор «сел» окончательно. Красная нить лампочки не давала никакого света. К счастью, уже можно было обходиться и без фонаря.

Впереди остался только один камень. Однако он был большой и очень крепкий. Долго пришлось с ним возиться. Махмут устал.

Наконец, камень кое-как сдвинулся с места. «Ну, и дурак же я! Сколько потратил времени! Не раскалывать его надо было, а просто столкнуть!»

Он отполз чуточку назад, острый конец лома засунул в щель между камнем и стеной. Раз! Еще раз!

Вдруг камень с грохотом скатился куда-то вниз. На одно мгновение показалось ослепительно светлое небо, впереди мелькнула ярко зеленая гора. Но тотчас же Махмут вынужден был зажмурить глаза. Оказывается, скатившийся камень служил опорой для других камней, лежащих над ним. Что-то треснуло, больно ударило по голове, по спине.

Махмут не успел даже пошевелиться, как оказался под камнями.

Нет, он был жив! И ничего у него не болело. Чтобы не задохнуться, он быстро приподнял голову, придавленную землей и мелкими камнями. Сравнительно легко освободилась и правая рука. Но повернув голову назад, Махмут ужаснулся: как он сумел остаться в живых! Чистая случайность!

Свободной рукой он отбросил несколько камней, лежащих у него на плечах. Однако остальные камни сдвинуть было трудно, они были очень тяжелые.

Лома не видать. Молоток лежал впереди. Был бы он только на один сантиметр поближе! Но нет же, рукой не дотянуться.

Потеряв надежду достать молоток, Махмут взял камень и решил пользоваться им вместо молотка. Но от этого пользы было мало. Камни были крепкие.

Стали ныть и спина, и ноги. Казалось, что кромки камней врезаются до костей.

«Хотя бы найти зубило», — подумал Махмут и снова потянулся к молотку. Ну, еще немного, еще! Наконец-то пальцы коснулись рукоятки! Схватить бы ее!

Но молоток вдруг сдвинулся еще ниже.

«Может быть, внизу проходит дорога. И какой-нибудь путник его услышит?»

— Эй! На помощь!.. Эй!..

Нет, никто не отвечает...

— Эй! На помощь!..

На голову опять посыпались камешки. Махмут хотел рукой убрать их, но нечаянно задел за воротник рубахи. Как он раньше не додумался до этого!

Он разорвал воротник на полоски и, связывая их, сделал петлю.

С первого же броска сумел захватить молоток петлей.

Он освободил от камней сначала левую руку, а затем спину.

Рука была ранена. Махмут сделал перевязку, оторвав часть все той же рубахи, и опять взялся за молоток. Удобнее стало работать, но не легче. Махмут изнемогал.

Наконец, свободны и ноги! Они одеревенели: не сгибаются и ничего не чувствуют; ужасно болели спина, грудь...

Но до них ли теперь! Свобода! Скорее убраться отсюда! Найти дорогу, людей! Освободить Шарифа и задержать врагов!

Махмут не смог встать на ноги... Он понял, что спускаться прямо вниз невозможно, гора слишком крутая. Нельзя было и подниматься в гору. Можно идти только по террасе, которая тянется на уровне выхода из пещеры.

Он полз, полз и вышел к ложбине. Пожалуй, только ложбина может привести к дороге и к воде.

Ниже Махмут увидел ровную площадку, покрытую зеленой травой. Здесь он остановился передохнуть. «Может быть, скоро и туман рассеется...»

Немного отдохнув, он пополз дальше. Здесь уже земля была ровной, а острые камни встречались реже.

Нет, он не намеревался спать. Но глаза закрылись сами...

Махмут проснулся от того, что ветерок теребил его волосы, слипшиеся от глины.

Как приятно увидеть над собой синее небо. Синее, синее!

Ноги опухли, ныли, особенно левая. Махмут хотел подняться, но со стоном свалился. Через несколько минут, переборов себя, он тронулся с места. Что-то в кармане мешало ползти. Махмут вспомнил, что это последнее яблоко.

А как пить хочется! Бывает ли желание сильнее этого?

Чтобы осмотреться, Махмут приподнялся. В кустах кто-то был. Он хотел крикнуть, но вовремя удержался. Оказалось, что там резвились два медвежонка.

Они почуяли запах человека, насторожились, а затем вперевалку стали медленно приближаться. «Этого только не хватало».

Из-за деревьев показалась огромная медведица и пошла за своими детенышами...

СВЕТ СОЛНЦА

Утябаев насторожился. Он ясно услышал хруст кустарника в овраге. Нет, все тихо. Только две птицы над оврагом летят, неторопливо взмахивая крыльями.

Но вот опять хруст. Кто это? Плохо видно, мешают деревья. И вот вдруг он разглядел. Два медвежонка! Эх, никого кругом нет. Вот бы показать! После расскажешь, пожалуй, не поверят... Ну и здорово же они играют, катаются на траве.

Медвежата, как по команде, остановились. «Почуяли какого-нибудь зверька», — подумал Утябаев.

Медвежата осторожно двинулись вперед, вытягивая морды. Кого они увидели? В густой траве лежит человек! Спит? Почему он не двигается?

Из-за деревьев, негромко урча, вышла медведица. Вот она поднялась на задние лапы и отвесила медвежатам крепкие «пощечины». Куда, мол, лезете без моего разрешения! Медвежата заскулили. Через несколько секунд семейство косолапых исчезло в кустах.

А человек внизу не двигался.

Утябаев торопливо опустил в овраг.

Это был подросток. Одежда на нем оборвана. Лицо в грязи, волосы слиплись. По-видимому, у него не двигаются обе ноги и одна рука.

— Мальчик!

Подросток приподнял голову и чуть слышно шепнул:

— Агай, спасите Шарифа!..

— Ты — Махмут? — вскрикнул Утябаев.

— Да...

— Махмут! А мы вас ищем! Айда быстрее!

— Агай, у меня ноги... Вы бегите! Я подожду здесь. Бегите же, пожалуйста!

— Да, браток, ноги у тебя неважные. Я тебя на спине... Держись за шею... Тебе надо немедленно к врачу.

Через час Утябаев, бледный и мокрый от пота, положил у ног Захарова бесчувственного мальчика.

— Махмут?! — вскрикнул Захаров. — Воды, скорей воды! Через полчаса Махмут стал разговаривать.

Всегда спокойный и хладнокровный, Захаров на этот раз не смог скрыть своего волнения:

— Изуверы! — сжав зубы, произнес он.

— Положение у мальчика тяжелое, — проговорил Галин. — Много пережил. Вероятно, нервная система распатана. Неужели все, что он рассказал — правда?

— Похоже на правду, товарищ Галин. Отправьте мальчика немедленно в больницу.

К Захарову подошел молодой чекист и доложил:

— Водолазы нашли в пещере под водой электрический кабель и крупные металлические детали. Они спрятаны совсем недавно, на них нет даже признаков ржавчины. Несколько минут назад водолазы услышали подземный взрыв, после чего вода начала быстро подниматься.

Через минуту поступило новое сообщение: найден выход из пещеры, о котором говорил Махмут.

А еще через час оперативная группа во главе с Захаровым прошла в пещеру со скелетами и оказалась в искусственном подземном саду.

Тут было душно, как в бане. Настораживало какое-то шипение, доносящееся откуда-то из глубины пещеры.

Где-то хлопнула дверь.

— Выключить фонари! — приказал Захаров шепотом.

Кто-то, задевая ветки деревьев и полки, приближался.

Его схватили и осветили лицо фонарем.

— Шариф!.. — вырвалось у Галина.

У Шарифа дрожали губы, на глазах сверкали слезы.

— Товарищи! Здесь остались двое... Всех остальных они убили...

— Где они?

— Я их запер... Вот ключ...

Вдруг со стороны столовой с шумом хлынула горячая вода.

— Скорее! — Шариф, показывая дорогу, побежал впереди чекистов. — Взорвали электростанцию. А там из-под земли бьет горячий пар. Может затопить! Другого пути нет!

Как только Галин всунул ключ в замок, фонари опять были выключены.

— Ах, сопляк!.. — первым в коридор выскочил Зете и тут же был схвачен чекистами. Не успел опомниться и Миллер.

В саду творилось невероятное: горячим ключом была вода. Кто-то из чекистов обжег себе ногу.

Когда прошли подземную речку, позади что-то загрохотало, стены вздрогнули. Долго было слышно, как где-то происходит обвал за обвалом.

Наконец, земля успокоилась.

«По-видимому, горячий пар соединился с холодной водой, протекающей за электростанцией, и давление его снизилось», — подумал Шариф.

Он понимал, что теперь путь в пещеру закрыт и из всего того, что было там, ничего не осталось.

«А рисунки уцелели! Мы еще будем в Карякэ!» — радовался он... И вот он — долгожданный, бесконечно дорогой белый свет!

Шариф покачнулся. Но Галин успел его удержать от падения.

Когда все вышли, Захаров внимательно посмотрел на Миллера:

— Если не ошибаюсь, господин Эдгар Дэвидсон?

Миллер вздрогнул.

— О, господин, я рад, что встретился с человеком, который все знает! Меня, туриста, приехавшего в Советский Союз, обманули плохие люди, и я попался в ловушку!

— Не считаю нужным слушать вашу болтовню, — перебил его Захаров. — Личность человека, прибывшего в Советский Союз с документами убитого Эдгара Дэвидсона, органами госбезопасности уже установлена. — Он перевел взгляд на Зете. — Вы тоже нам знакомы. И давно! Вот только встретились поздновато. Но лучше поздно, чем никогда!

Захаров повернул лицо к Шарифу и улыбнулся.

— Ты и твой друг держали себя, как настоящие герои! — тепло и проникновенно сказал он. — Буду ходатайство-

вать о представлении вас к правительственной награде и не сомневаюсь, что вы ее получите!

Шариф плохо слышал Захарова. От света у него жмурились глаза. А от свежего лесного воздуха, от того, что он стоит на земле, среди родных людей, от того, что над ним горячее солнце и такое ясное и синее небо, кружилась голова.

Какое ты прекрасное, солнце Родины!

Примечания

М. Н. Самсонов – писатель, жил в Узбекистане. По непроверенным сведениям, до Второй мировой войны имел касательство к древностям Самарканда, был сотрудником разведки, после войны работал в КГБ. Автор книг «Падающий минарет» (1968), «Тайну хранит пещера» (1971). Публикуемая повесть взята из книги «Тайну хранит пещера», изданной в Ташкенте.

Ф. Ш. Лукманов (1927-?) – башкирский писатель, педагог. По данным библиографа В. Окулова, работал в издательстве, в восьмидесятые был директором Уфимской школы-интерната для больных ДЦП. Его повесть «Ер астында ай ярым» («Полтора месяца под землей») первоначально была издана в Уфе на башкирском языке в 1966 г.; в 1971 г. там же вышел русский перевод В. Губарева под названием «Пленники подземного тайника».

Оглавление

М. Самсонов. Тайну хранит пещера	5
Ф. Лукманов. Пленники подземного тайника	94
П р и м е ч а н и я	247

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.